

С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов
Степные империи древней Евразии
// СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005. 346 с.
ISBN: 5-8465-0246-6

Содержание:

С.Г. Кляшторный Степные империи: рождение, триумф, гибель

Предисловие.	— 9
I. Жуны, юэчжи и гунны: рождение степной империи.	— 13
Срединное царство и «Страна демонов».	— 13
Северные народы в повествовании Сыма Цяня.	— 17
Держава гуннских шаньюев.	— 20
Юэчжи и гунны.	— 21
Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов.	— 27
Расцвет и упадок степной империи.	— 32
Гунны у границ Римской империи.	— 33
Гунны между Алтаем и Аралом.	— 35
«Белые гунны» в Средней Азии.	— 38
II. Евразийская степь в IV-V вв.	— 42
Этнолингвистическая ситуация в Великой степи (начало I тыс. н.э.).	— 42

Ухуани и сяньби. —	44
Табгачи, жуаньжуани и гаоцзюй. —	48
Империя Нёкёр и её вассалы. —	55
Болгары, хазары и берсилы в евразийских степях. —	60
Праславяне в Поволжье. —	68
III. Империя тюркских каганов. —	73
[Введение.] —	73
Легенды о роде Ашина. —	75
Чёрная Выдра, Анагуй и Бумын. —	81
Общая концепция этнической истории древнетюркских племён. —	85
Наследники Бумына (551-630 гг.). —	89
Удел Истеми-Кагана и евразийская геополитика VI века. —	92
Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья. —	97
Новые каганы в Отюкенской черни. Тюргешский эль в «Стране десяти стрел». —	101
IV. Наследники тюркского эля. —	111
Уйгурский каганат и государство карлуков. —	111
Саманиды и кочевники. —	118
Ранние Караханиды. —	122
Кыпчаки и сиры. —	125
Кимаки. —	134
Кыпчаки и половцы. —	136
Татары в Центральной Азии. —	142
V. Общественное устройство, культура и верования древнетюркских народов. —	149
Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах. —	149
Памятники письменности тюркских племён Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье. —	158
Религия и верования. —	166
Сиглы памятников. —	173
Литература. —	174
Список сокращений. —	180

Д.Г. Савинов

Древнетюркские племена в зеркале археологии.

Предисловие. —	183
I. Формирование прототюркского культурного субстрата. —	185
II. Историко-культурные процессы на севере Центральной Азии в середине I тыс. н.э. —	195
Тюрки-тугу и археологические памятники Алтая и Тувы середины I тыс. н.э. —	197
Культурные инновации середины I тыс. н.э. —	201
Археологические памятники периода Первого Тюркского каганата. —	203
Каменные изваяния с «повествовательными» сценами. —	209
III. Алтае-телеские тюрки во второй половине I тыс. н.э. —	213
Этапы развития культуры алтае-телеских тюрков. —	219

Погребения с конём в Минусинской котловине. —	231
Ритуальные памятники древнетюркского времени. —	235
Памятники изобразительного искусства. —	242
IV. Культура енисейских кыргызов. —	251
[Введение.] —	251
Краткая история кыргызов на Енисее (до середины IX в.). —	252
Этапы развития культуры енисейских кыргызов. —	257
«Кыргызское великодержавие». Локальные варианты культуры енисейских кыргызов в середине IX-X в. —	263
V. Культура племён кимако-кыпчакского объединения. —	276
Этапы сложения кимако-кыпчакского объединения. —	277
Археологические памятники кимаков. —	284
Сросткинская культура и её локальные варианты. —	290
Вместо заключения. Этнополитическая ситуация на севере Центральной Азии в начале II тыс. н.э. —	302
[Иллюстрации, Рис. 2-26. —	306-330]
Литература. —	331
Список сокращений. —	343

С.Г. Кляшторный

Степные империи: рождение, триумф, гибель

Предисловие

Территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до юго-восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира осёдлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион. Пока ещё не вполне ясны начальные этапы формирования этнокультурного ландшафта степной Евразии, как, впрочем, и его географические границы, менявшиеся в зависимости от изменения климатических условий, от смены длительных периодов увлажнения степей не менее длительными засушливыми периодами. Очевидно только, что в эпоху бронзы (IV-II тыс. до н.э.) и, в особенности, в эпоху так называемых ранних кочевников или «скифскую эпоху» (I тыс. до н.э.) сложилось поразительное единообразие основных черт материальной культуры и изобразительного искусства всей евразийской степи, от Причерноморья до Ордоса. В IV-II вв. до н.э. скифское наследие, обогащённое эллинистическим влиянием полисов Понта Эвксинского и Греко-Бактрийского царства, было в разной степени освоено и по-своему переработано сарматами в Приуралье и юго-восточной Европе, тохарами-кушанами в Центральной Азии, гуннами во Внутренней Азии и Южной Сибири. Именно в эту эпоху на востоке евразийских степей, в соседстве с шестью китайскими царствами, объединёнными в державу в 230-221 гг. до н.э. династией Цинь, обозначился тот тип политогенеза и тот тип кочевнического государственного образования, который в тридцатые годы XX в. сначала Олов Йанзе (Janse, 1935), а затем

французский историк-востоковед Рене Груссе обозначили словами степная империя (Grousset, 1939). Сам Груссе, как и его предшественник, не вкладывал в это название какого-либо терминологического значения, обозначив им лишь географическое пространство, названное им «Великая степь», а также ландшафт, в котором возникли государства, созданные кочевыми народами Внутренней Азии. Поэтому следует определиться с термином империя применительно к такого рода государствам.

Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие империи распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи. Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом.

(9/10)

На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племён под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

В конце III в. до н.э. китайские историографы впервые зафиксировали в степях к северу от Великой стены враждебное Срединной империи мощное объединение кочевых племён. Его создателями были вожди племени сюнну (гуннов). Их власть распространилась до Северного моря (Байкала) и Западного края (Восточного Туркестана), им подчинились дунху («восточные варвары») в Маньчжурии и народ цзянькуней (кыргызов) на Верхнем Енисее. Началась долгая череда гунно-китайских войн, лишь ненадолго прерываемых периодами относительного спокойствия и приграничной торговли. Экономические и политические отношения между гуннами и Китаем не были похожи на отношения Рима с его варварской периферией. Гунны, больше чем галлы и германцы, экономически зависели от своего южного соседа, но пытались решать проблемы жизнеобеспечения преимущественно военным путём. Тем не менее пограничная линия практически оставалась неизменной — в отличие от Средиземноморья, на Дальнем Востоке противостояли друг другу приблизительно равные по военному потенциалу силы. Здесь не было ничего подобного романизации Галлии и Дакии или варваризации Италии, хотя то гуннские отряды, то ханьские армии глубоко проникали на заповедные территории противника.

Всё же не гунны, а наследовавшие им, после короткого периода преобладания прамонгольских племён сяньби и жуаньжуаней, тюркские племена, генетически и политически связанные с поздними гуннами, оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии политических общностей, хозяйственных типов и культурных традиций. Поэтому основными сюжетами этой книги станут реалии тюркского этногенеза, ранние этапы этнополитической истории тюркских народов, время создания и исторической жизни тюркских каганатов — степных империй Центральной Азии и их евразийских наследников.

Мы не затрагиваем здесь сюжетов, связанных с самой большой из степных держав — Монгольской империей, вполне разделяя точку зрения Т. Барфилда о том, что «Монгольская империя поразительно отличалась от ранних степных империй и имела лишь малое сходство с ними» (Барфилд, 2004, с. 254). Предлагаемое здесь исследование посвящено исключительно «ранним степным империям», их генезису и исторической жизни.

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза, т.е. очаги первоначального формирования тюркских народов и языков, неразрывно связаны с востоком Евразии — Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот ог-

(10/11)

ромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таёжных и степных племён иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в IV-II тыс. до н.э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи. Об их расселении в глубинах Азии ярко свидетельствуют недавние открытия созданных ими памятников изобразительного искусства (Кляшторный, Савинов, 2004, с. 88-97). Преобладающими в восточной части евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец II тыс. до н.э.).

По горным хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далёкую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу — индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух — двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племён во II тысячелетии н.э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н.э., древнетюркских каганатов второй половины I тыс. н.э., кыпчакских племенных союзов и Золотой Орды уже во втором тысячелетии. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т.е. во второй половине I тыс. н.э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения, пища, украшения и т.п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюрк-

(11/12)

ской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем Средневековье (VI-XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кыпчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном

Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурное родство и сходство политической организации всех этих государств позволяют рассматривать время их существования и преобладания в Великой степи как относительно цельный историко-культурный период — эпоху степных империй.

* * *

В течение нескольких десятилетий авторы этой книги, каждый в своей области — истории и археологии, работали над проблемами, связанными с историей и культурогенезом тюркских народов. Целью представленной работы является систематическое изложение достигнутых в ходе многолетних исследований новейших результатов. Трудностями, стоящими на пути изучения этих вопросов, являются не отсутствие внимания исследователей к поставленным проблемам, а прежде всего состояние источниковедческой базы, далеко не адекватное тому интересу к теме, который существует в научной среде и у интеллигенции России и тюркоязычных государств. Предлагаемая читателю книга не претендует на полное изложение ранней истории тюркских народов России и сопредельных регионов. Из всего многообразия их прошлого мы выделили то, что составляет основу древней и раннесредневековой истории — основные события прошедших веков, их влияние на тюркский этногенез, формирование их культуры, хозяйственно-культурных типов, государственности и религии.

Первый более краткий вариант этой книги, опубликованный десять лет назад небольшим тиражом (Кляшторный, Савинов. Степные империи Евразии. СПб., 1994), давно стал библиографической редкостью. В настоящем издании расширены хронологические границы эпохи степных империй, привлечены новые фактические материалы, более чётко выражена концептуальная основа исследования. Авторы признательны декану филологического факультета С.И. Богданову; всем, кто оказал содействие в подготовке и издании этой книги: В.В. Яковлеву и Б.В. Ерохину, инициаторам издания книги; С.Е. Яхонтову за его бесценные синологические консультации; Д.В. Черемисину, предоставившему свои графические материалы-копии наскальных изображений Горного Алтая, украсившие книгу, а также издательству ДИК, разрешившему использовать в настоящем издании картографический материал, подготовленный его авторами. Авторы надеются, что книга будет полезна специалистам, занимающимся проблемами истории и археологии Великой степи, студентам и преподавателям исторических кафедр, а также всем, кто интересуется историческим прошлым Евразии.

I. Жуны, юэчжи и гунны: рождение степной империи.

Срединное царство и «Страна демонов». — 13

Северные народы в повествовании Сыма Цяня. — 17

Держава гуннских шаньюев. — 20

Юэчжи и гунны. — 21

Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов. — 27

Расцвет и упадок степной империи. — 32

Гунны у границ Римской империи. — 33

Гунны между Алтаем и Аралом. — 35

«Белые гунны» в Средней Азии. — 38

[1] Срединное царство и «Страна демонов».

В середине II — начале I тыс. до н.э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона — собственно китайский, в среднем и нижнем течении Хуанхэ, и центральноазиатский, охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ до Тувы и Забайкалья.

В долине Хуанхэ сложился мощный очаг земледельческой и урбанистической цивилизации (археологический комплекс Аньяна), породивший свою архаическую государственность. По традиционной китайской историографической периодизации к древней истории Китая относятся эпоха династии Инь (Шан, XIV-XII вв. до н.э.) и эпоха династии Чжоу (XII-III вв. до н.э.). В свою очередь, эпоха Чжоу подразделяется на периоды Западного Чжоу (1122-771 гг. до н.э.), Весны и Осени (771-464 гг. до н.э.) и Сражающихся Царств (463-222 гг. до н.э.). В конце XI в. до н.э. в надписи на бронзовом сосуде впервые употреблено сочетание Чжунго «Срединное царство» (Васильев Л., 1995, с. 223).

На большей части центральноазиатского региона основой хозяйственной деятельности-

(13/14)

сти стало полукочевое и кочевое скотоводство (кони, быки, овцы, верблюды), сочетавшееся с примитивными формами земледелия и охотой. Лишь в оазисах Восточного Туркестана, прежде всего в бассейне р. Тарим, сложилась на базе ирригационного земледелия осёдлая культура. Племена, населявшие тогда Центральную Азию и Южную Сибирь, освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колёсные повозки, а затем и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Облик «предскифской» и «скифской» культур Центральной Азии, восстанавливаемый археологами, дополняется письменными текстами, созданными в древнем Китае.

В иньских гадательных надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных северо-западные соседи иньцев именуются цянами, «лошадиными цянами» и «во множестве разводящими лошадей цянами». Позднее, в эпоху Чжоу, название цян исчезает, и те же соседи именуются жунами. Северные и северо-восточные соседи названы ди, но они появляются в поле зрения китайской историографии лишь при описании событий VII-IV вв. до н.э. Возможно, часть племён ди относилась к кочевникам «скифского» круга, что археологически засвидетельствовано находками бронзовых изделий — великолепными

памятниками «скифского» искусства Ордоса и Внутренней Монголии.

Какие отношения сложились между обеими столь разными культурными общностями?

По словам крупнейшего американского исследователя древнекитайской цивилизации Хэрли Крила, в «западнотюркскую эпоху варвары играли в китайской истории в высшей степени важную роль. Они олицетворяли собой заклятого врага, противостояние которому требовало постоянного напряжения всех военных сил государства» (Крил, 2001, с. 135). Особенно досаждали чжоуским правителям (ванам) племена жунов, обитавших к северо-западу от земель Чжоу, в Гуйфан «Стране демонов». О сражениях с ними и победах над ними многократно повествуют специфические для той эпохи пространственные надписи на ритуальных бронзовых сосудах, которые Х. Крил назвал «самыми важными источниками, дошедшими до нас из чжоуских времён» (Крил, с. 322).

Предоставим слово современникам и участникам тех событий, жившим в конце XI-X в. до н.э. Жунское племя сяньюней не раз угрожало столичному городу и ван отдал приказ полководцу Бо наказать беспокойных соседей. «[Полководец] Бо сказал [молодому] Буци: „...Я повелеваю тебе следовать в колеснице в направлении Ло. Во главе моих колесниц напади на сяньюней возле Гаоиня. Да побольше отруби голов и захвати пленных! Смотри, не ввергни мои колесницы в беду!“». В следующем сражении противник разбит, захвачены пленные и трофеи: «Ши-гун отрубал головы и пленял врагов. Добыл 5 боевых колесниц и 20 телег, 100 баранов, о чем и доложил вану. Захватил 30 металлических шлемов, 20 треножников, 50 котлов, 20 мечей» (Крюков В., 1985, с. 10).

Надпись на другом сосуде описывает более драматическую ситуацию — нападению подверглась столица. Более того, город был захвачен сяньюнями: «В 10-м месяце [предводитель] сяньюней Фансин напал на столицу. [Об этом] доложили вану. [Ван] приказал У-гуну: „Пошли своих доблестнейших воинов изгнать [сяньюней] из столицы“. В день гуй-вэй неприятель напал на Сюнь и

(14/15)

многие жители были угнаны в плен. Дою, следуя по пятам сяньюней, устремился на запад. В день цзя-шэнь сразился у Чжу. Дою правой рукой рубил сплеча и брал пленных. Всего, при поддержке колесниц У-гуна, сразил 205 человек, 23 человек захватил живыми, добыл 107 вражеских колесниц... освободил пленных, [захваченных сяньюнями в] Сюнь. Затем был бой при Гун. [Дю], обезглавив в сражении 35 человек, двух взял в плен, захватил 10 колесниц... Затем он настиг противника у Чанцзя. Колесницы У-гуна поразили 115 [сяньюней], трое были взяты живыми. Но вот колесницы [противника] захватить не удалось, потому как все они были сожжены в сражении, а кони перебиты. Дою освободил людей угнанных [сяньюнями] из столицы... И ван сказал У-гуну: „Ты очистил столицу. Жалую тебя землями и полями!“ Гун лично сказал Дю: „Ты очистил столицу. Жалую тебя яшмовым украшением и бронзовым колоколом“» (Крюков В., 1985, с. 11-12).

Один из текстов на сосуде описывает триумф полководца Юя: «Ещё не рассвело, когда правители царств по трое слева и справа вошли в храм... Занялась заря и ван взойшёл в храм Чжоу... Юй вошёл через южные ворота и доложил вану:

„Государь приказал Юю напасть на Гуйфан... [я сразился с неприятелем и] захватил 4800 отрезанных ушей, пленил вражеского населения 13 080 человек, добыл лошадей ... голов, 32 телеги, быков — 315, 38 баранов. В мою добычу вошли: 237 отрезанных ушей ... лошадей 104, телег 102". Ван сказал: „Это славно!" ... Юй отвесил земной поклон и ввёл [пленного] вождя в зал... Вождя допросили о причинах [его неповиновения], после чего отсекали ему голову... Юй вводил пленных и вносил отрезанные уши через ворота, поднося [их вану] у западных ступеней храма» (там же, с. 10-11). Затем, в качестве жертвы, сожгли тысячи отрезанных ушей (Крил, 2001, с. 162).

Древнейшее собрание китайского фольклора — Ши цзин («Книги песен») — так описывает выступление в поход чжоуского войска:

«Мы выводим свои колесницы в предместье столицы. Здесь мы поднимаем знамя с черепахой и змеей! Там мы поднимаем флаг с хвостом буйвола! Флаг сокола и знамя черепахи и змеи реет по ветру!» (там же, с. 176-177).

Подобные повествования на бронзе, где совмещены рапорты о походах и сражениях, инвентарные списки трофеев, описания триумфа победителей и казни вражеских вождей, не единичны. Их информативность многократно возрастает при сопоставлении с результатами археологических исследований в Северном Китае и Монголии, в Туве и Забайкалье. Но прежде всего эти тексты бесценны для характеристики того «варварского» мира, который был совсем близок к стенам столицы царства: «Хаоцзин, столица Чжоу, была расположена вблизи районов расселения жунов и ди, между реками Цянь и Вэй, как раз на пути вторжения западных жунов» (Фань Вэнь-лань, 1959, с. 102).

Владения Чжоу граничили с жунами и ди прежде всего в излучине Хуанхэ (Ордос) и в примыкающих к излучине землях. Северо-западное направление уже в эпоху Инь считалось особенно опасным, недаром название «Страна (сторона) демонов» появилось в XIV-XIII вв. до н.э. (Крил, с. 161). Там, в горностепной стране, простиравшейся в неведомую и страшную даль, по представлениям обитателей «великого города Шан» и земледельцев долины Жёлтой реки, могли обитать только «варвары с сердцами шакалов и волков». Следует огово-

(15/16)
рить, что собирательное название жун «поначалу, видимо, имело значение „военный” и лишь потом стало использоваться применительно к народу. И действительно, варвары-жуны славились своим боевым духом и воинственностью» (Крил, с. 138). Вместе с тем, это название могло обозначать самые разные племена, некоторым из которых была свойственна осёдлая жизнь (Крил, с. 138-139).

Но те племена Страны демонов, о войнах с которыми рассказано в надписях на сосудах, племена степей и гор, которые «ходят с распущенными волосами», «одеваются в шкуры», «не употребляют в пищу хлебных злаков» (Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 275), не были осёдлым народом. Их богатство — тысячные табуны коней. Так, в походе Го-гуна против северных жунов была захвачена тысяча лошадей (Крил, с. 163). И «коней древние китайцы получали в основном от своих северо-западных соседей, разводивших их... в степях современной Монголии» (Васильев, Л. 1995, с. 288). Необходимость в большом

числе хороших лошадей, годных для колесничных упряжек, подвигла легендарного воителя Му-вана (947-928 гг. до н.э.) к постоянным походам на северо-запад (там же).

Рис. 1. Центральноазиатский воин-колесничий конца II тыс. до н.э. Реконструкция Ю.С. Худякова.

Другим богатством северных жунов были отары овец, стада коров и быков. Именно быки были тягловой силой для повозок, с которыми связан весь житейский уклад жунов. В этом они не отличались от массагетов, обитавших в приаральских степях (Геродот, II, 216). Повозки с водружаемыми на них войлочными жилищами, бронзовые котлы и треножники для очага были основой домашнего быта жунов.

Другие захваченные у жунов и упомянутые в надписях предметы относятся уже не к домашнему быту, а к военной культуре. Прежде всего это колесницы, боевые орудия знатных воинов, военной аристократии жунов. Существует весь-

(16/17)

ма обоснованное мнение, что иньские колесницы, унаследованные потом чжоусцами, первоначально были заимствованы вместе со «звериным стилем» в

искусстве и некоторыми бронзовыми орудиями именно у северо-западных варваров (Васильев Л., 1995, с. 147-155). Колесницы сопровождалась многочисленными отрядами пехоты, основной боевой силы «варваров», действующей в условиях сильно пересечённой местности и при штурме городов. Вероятно, на марше пехота передвигалась в повозках, о захвате которых постоянно упоминают надписи. Из других предметов вооружения упоминаются металлические шлемы и мечи.

[2] Северные народы в повествовании Сыма Цяня.

Ранние рассказы о северных соседях Поднебесной собрал в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135-67 гг. до н.э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII-VI вв. до н.э., именуются Сыма Цянем жунами или ди. Позднее их стали называть ху. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили горные жуны, или дунху («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племён жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство:

«...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращён к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасёт свой скот и печётся о своём имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают... Войну ставят важным делом» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 142-143).

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, ещё не знавшего глубокого социального расслоения и насильственного

(17/18)

авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н.э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т.е. выборным старейшинам и вождям. — С.К.), руководствуясь искренностью и преданностью» (Таскин, 1968, вып. 1, с. 123). Война и набег с целью захвата

добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н.э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шёлк». Однако даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников. Правитель царства Чжао, Улинь-ван (правил в 325-299 гг. до н.э.), «изменив существовавшие обычаи, стал носить варварскую одежду, обучаться верховой езде и стрельбе из лука». Впрочем, Улинь-ван, как и другие правители, более полагался на строительство длинных стен и укреплений вдоль пограничной линии, чем на полевую армию. Вместе с тем сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н.э., когда правитель царства Цинь, Мугун, напал на жунов и захватил «двенадцать их владений» (Таскин, вып. 1, с. 122-123).

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период Борющихся Царств (463-222 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов и ди на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (гуннов) и юэчжей, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н.э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточённую борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннского объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. Один из эпизодов этих войн походя упомянут в сборнике Шо юань («Сад высказываний»), составленном из текстов эпохи Сражающихся Царств (463-222 гг. до н.э.) компилятором и писателем ханьского времени Лю Сянем (I в. до н.э.): «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: „Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну мчатся во весь опор на лоуфаней”». Фоном события послужила война двух северокитайских царств Янь и Ци, о которой ведёт беседу яньский государь с призванным ко двору мудрым советником Го Вэйем в 311 или 310 гг. до н.э. (перевод с китайского и трактовка текста: Ковалёв, 2002, с. 153-154; о Лю Сяне см. также: Васильев К., 2002, с. 7-9). На рубеже IV-III вв. до н.э. жунское племя лоуфаней обитало в степях к востоку от излучины Хуанхэ и частично зависело от царства Янь (Ковалёв, 2002, с. 155-156).

На западе соседями гуннов были юэчжи — восточноскифские (сакские и сарматские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, обнаруженные на чёрных скалах ущелья Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

(18/19)

Благодаря работам российских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конкретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тыс. до н.э.). Один тип представлен культурой плиточных могил; другой — курганами с каменной

наброской. Плиточные могилы сооружались из неглубоко погружённых в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребаемых клали головой на восток, вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трёх полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто — кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые кладбища. К сожалению, большинство погребений начисто ограблены (Цыбиктаров, 1998). Но именно в плиточных могилах на территории Монголии были обнаружены два металлических шлема XI-X вв. до н.э., те самые шлемы, о захвате которых часто упоминают надписи на чжоуских бронзовых сосудах (Худяков, 2001, с. 60-66).

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хангайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазырыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погребённые различаются так же резко, как и тип захоронений. В тех редких плиточных могилах, где сохранились костяки, погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III-II вв. до н.э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов, ди и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V-III вв. до н.э., принадлежала сакским и сарматским племенам — юэжам и усуням. Нельзя исключить, однако, что термин жун использовался, особенно в ранний период его бытования, для обозначения скотоводческих племён Севера, разных по расовой, языковой и культурной принадлежности.

Именно среди памятников, близких, но не тождественных скифским, выделены теперь многочисленные погребальные комплексы VII-V вв. до н.э., несущие признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии и, частично, во Внутренней Монголии. Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племён ярко выраженного монголоидного облика, которые позднее, в IV-III вв. до н.э., сместившись к западу и овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов (Миняев, 1985, с. 70-77).

[3] Держава гуннских шаньюев.

В последние десятилетия III в. до н.э. союз гуннских племён, возглавлявшийся военным вождём — шаньюем, вместе с подчинёнными племенами испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Сыма Цянь излагает события в степи,

положившие начало гуннскому могуществу, скорее в стиле эпического сказания, чем исторической хроники, — его повествование сохранило отзвук легенд, рождённых в далёких кочевьях (Таскин, 1968, вып. 1, с. 37-39).

«В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем гуннов был Тоумань. Он имел двух сыновей от разных жён. Для того, чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником к юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Отец дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его „свистунка“ (боевые стрелы гуннов снабжались костяными шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не выстрелил, он приказал отрубить головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не последовал ему. На охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Тогда Маодунь понял, что время настало. И когда он пустил стрелу в отца, никто из его воинов не дрогнул — Тоумань был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближённых отца, Маодунь стал шаньюем.

Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху решил, что смута ослабила гуннов, и потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, опасаясь войны, советовали Маодуню отдать земли. Крайне разгневанный Маодунь ответил: „Земля — основа государства, разве можно отдавать её!“ Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал рубить головы каждому, кто опоздает явиться, двинул на восток и внезапно напал на дунху... Он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял людей их народа и захватил домашний скот».

Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203-202 гг. до н.э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории, занимаемой современной Хакасией) и окончательно установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэчжи.

В 202 г. до н.э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Её основатель, Лю Бань (император Гаоди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. до н.э. лично повёл войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании

противника оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление, и четыре их конных корпуса окружили императора в горах Байдэн. «В течение семи дней ханьские войска, нахо-

(20/21)

лившиеся в горах и вне их, не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием», — пишет Сыма Цянь. «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых конях, на восточной стороне — на серых с белым пятном на морде, на северной стороне — на вороных, а на южной — на рыжих лошадях» (Таскин, 1968, вып. 1, с. 41).

Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т.е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и вместе с принцессой прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно, — шёлковые ткани и вату, вино и рис, украшения. Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166-163 гг. до н.э.; после них договор о мире и родстве был возобновлён.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику, Лаошань-шаньюю (правил в 174-161 гг. до н.э.), пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века, и лишь в 177-176 гг. до н.э. ценой величайшего напряжения гуннам удалось переломить борьбу в свою пользу. Окончательная победа была одержана между 174-165 гг. до н.э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань-шаньюй сделал чашу для питья. Оттеснённые в Среднюю Азию юэчжи завладели землями в верховьях Амударьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

[4] Юэчжи и гунны.

Юэчжи (юечжи) — могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников — известны под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III-II вв. до н.э. Но к этому времени юэчжи уже были давними обитателями Внутренней Азии — «данные об юечжах, усунях и сэ (саках) свидетельствуют о том, что эти племена продвинулись далеко на восток (юечжи до провинции Ганьсу) задолго до III в. до н.э., скорее всего, не позже VII-VI вв. до н.э.» (Грантовский, 1998, с. 80).

Хотя Сыма Цянь располагает коренную территорию юэчжей в конце III в. до н.э. «между Дуньхуаном и Циляншанем», т.е. севернее Нань-Шаня, в юго-западной части провинции Ганьсу, более широкий анализ источников позволил Кадзуо

Еноки (Enoki, 1959) утверждать, что здесь находились лишь основные центры юэчжей, привязанные к древней трансасиатской торговой трассе. Реальная власть юэчжийских вождей и расселение их племён распространялись тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.

(21/22)

Глухие и неясные сведения о юэчжах и их стране появились в Китае ещё в доханьской литературно-историографической традиции. В несколько иной иероглифической транскрипции (юйши, юйчжи) этноним упоминается уже в трактате «Гуаньцзы» (V-IV вв. до н.э.) как название народа и страны, где в горах добывают нефрит. Позднее китайские комментаторы текста объясняют, что «юйши есть название северо-западных варваров» (Haloun, 1937, p. 316). Страна Юйчжи упоминается в другом древнекитайском трактате — «Повествование о Сыне Неба Му». Трактат, записанный на бамбуковых дощечках, был найден в 279 г. до н.э. в разграбленной княжеской могиле вместе с летописью «Бамбуковые анналы», доведённой до 299 г. до н.э. (Кравцова, 1992, с. 354-363). Страна Юйчжи, согласно той реалистической части маршрута путешествия Сына Неба Му, которая в точности соответствует маршруту похода чжаоского государя Улинь-вана (правил в 325-299 гг. до н.э.), находилась в пяти днях его пути к западу от нынешнего горного прохода Яньмэньгуань, на севере Шаньси, восточнее излучины Хуанхэ. Упоминается она в связи с «Нефритовой горой». Китайские транскрипции юйши, юйчжи и юэчжи адекватно передают одну и ту же исходную форму этнонима. [1]

Другой аспект юэчжийской проблемы — этнолингвистическая идентичность носителей этого имени. Столь крупные исследователи древней Внутренней Азии, как Намио Эгами и Кадзуо Еноки, вслед за Г. Хэлоуном решительно связывают юэчжей со скифо-сакской этнокультурной общностью (Haloun, 1937, p. 316; Enoki, 1959, p. 227-232). Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юэчжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источниках именуется тохарами. Такая идентификация серьёзно подкреплена текстами середины и второй половины I тыс. н.э., обнаруженными в Восточном Туркестане, и связывает юэчжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б) (Иванов, 1967, p. 106-118). Опыт реконструкции этапов продвижения тохаров на восток и возможных тохаро-китайских языковых связей, предложенный Э. Пуллиблэнком, основательно подкрепляет гипотезу о тождестве юэчжей с тохарами (Pulleyblank, 1966, p. 9-39; 1970, p. 154-160).

Более определённое суждение об этнолингвистической принадлежности юэчжей, казалось бы возможно получить в результате анализа тех языковых материалов, которые представлены памятниками среднеазиатских потомков юэчжей, создателей Кушанской империи. Благодаря эпиграфическим и нумизматическим находкам выяснилось, что кроме греческого и санскрита в кушанской официальной языковой практике использовался иранский язык, несомненно связанный с территорией древней Бактрии и получивший название «бактрийского» (Лившиц, 1974, с. 312-313). Какой же язык принесли в Бактрию предки кушан, юэчжи-тохары? По мнению В.А. Лившица, речь может идти только о «сакском диалекте кушан» (Лившиц, 1969, с. 48), прямо связанном с хотано-

шан, подобно языку парнов в Парфии, исчез в результате ассимиляции пришельцев местной иранской средой (там же). Напротив, В.В. Иванов не исключает тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект Кучи (Иванов, 1992, с. 19-20).

Вместе с тем именно В.В. Иванов сформулировал гипотезу об этнической неоднородности юэчжийского племенного союза, в который «на определённом этапе наряду с тохарами входили и восточно-иранские племена» (Иванов, 1992, с. 17). Учитывая, что во II в. до н.э. отнюдь не все юэчжи покинули Внутреннюю Азию (согласно китайским источникам, в Ганьсу и Восточном Туркестане остались «малые юэчжи»), В.В. Иванов допускает «факт откочёвки на запад, в Среднюю Азию, именно восточно-иранского компонента этого (юэчжийского. — С.К.) племенного объединения, пользовавшегося наряду с другими также этнонимом тохар» (Иванов, 1992, с. 17).

Тезис об этнополитической неоднородности юэчжийского племенного союза получил неожиданное подтверждение в результате петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цаган-Гол (Гоби-Алтайский аймак) среди наскальных рисунков помещался комплекс тамговых знаков (Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69-73). Б.И. Вайнберг исследовала возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с весьма специфической группой тамг Средней Азии и Причерноморья — с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда и Бухары, а также с сарматскими тамгами (там же). Ещё ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II-I вв. до н.э. вышли из среды кочевых племён, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией (Вайнберг, 1972, с. 146-154). Б.И. Вайнберг именует их «юэчжами дома Чжаову». Именно с этим «домом», согласно китайским источникам, связаны все правящие «дома», созданные юэчжами к северу от Бактрии.

Очевидно, что та ветвь юэчжийских племён, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее — в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юэчжей. По своим генетическим связям северные юэчжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья, аналогичные цагангольским, тамги которых зафиксированы для III-I вв. до н.э. (о сарматских связях юэчжей см. также: (Мандельштам, 1956, с. 194-195). Цагангольский комплекс тамг свидетельствует о расселении в Юго-Западной Монголии, по крайней мере в пределах Монгольского и Гобийского Алтая, «во второй половине I тыс. до н.э. группы иранских племён» (Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 71). Тем самым именно цагангольские тамги надёжно подтверждают гипотезу о юэчжийской принадлежности «пазырыкцев», выдвинутую С.И. Руденко, и, более того, об их сарматских (восточноиранских) связях.

Этнополитическое разделение юэчжийских племен и их «владельческих домов» во II-I вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад, после тяжёлых военных поражений конца III в. до н.э., юэчжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную

кочевническую империю, во главе которой стоял единый правитель и которая располагала войском до ста тысяч конных воинов (Hulsewe,

(23/24)

с. 119-120). Это войско, скорее всего, было устроено по десятичному принципу — сотысячная армия подразделялась на отряды в десять тысяч воинов (тохарское *A tmām*, тохарское *B tumane* — «десять тысяч», «десятитысячный отряд»). Позднее эта военная структура была полностью заимствована гуннами и от них унаследована тюрками (древнетюркское *tümen*), а затем от тюрков — монголами. Об этом периоде юэчжийской истории Сыма Цянь пишет: «В прежние времена (юэчжи) были могущественны и с презрением относились к сюнну» (цит. по пер.: Крюков М., 1988, с. 237).

Более того, гунны (хунны, сюнну) находились в политической зависимости от юэчжей, понуждавших их посылать ко двору правителя юэчжей заложниками сыновей шаньюя. Последним таким заложником был Маодунь, который, став шаньюем, нанёс юэчжам первое военное поражение и вторгся на их коренные земли в Восточном Туркестане. Но лишь через несколько десятилетий наследник Маодуня «сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжей и сделал из его головы чашу для питья» (Крюков М., 1988, с. 237). После 165 г. до н.э. начался великий исход большей части юэчжей на запад.

Таким образом, и прямо и косвенно китайская историография свидетельствует о долгой истории гунно-юэчжийских войн, двух периодах в истории гунно-юэчжийских отношений. До конца III в. до н.э. юэчжи имели явное военно-политическое превосходство над гуннами («с презрением относились к сюнну»), которого они лишились на грани III-II вв. до н.э.

Когда и где стали возможными первые военные контакты между юэчжами и гуннами? Сыма Цянь упоминает сюнну в связи с их набегами на царство Чжао (403-222 гг. до н.э.). Царство Чжао занимало южную часть провинции Хэбэй, восточную часть провинции Шаньси и земли к северу от Хуанхэ до Хэнани (Таскин, 1968, вып. 1, с. 124). Под контролем Чжао находились земли севернее Ордоса, столь ценимые кочевниками монгольских степей. Для противодействия им было создано несколько военных округов. Главным противником Чжао на севере и стали гунны. В середине III в. до н.э. командовал этими округами самый опытный полководец Чжао, Ли Му. В течение многих лет он противостоял гуннам и даже нанёс тяжелое поражение самому шаньюю. Лишь в 244 г. до н.э. он был отозван с границы (Сыма Цянь, с. 259-260). Поражительным художественным свидетельством первых гунно-юэчжийских войн IV в. до н.э. является узда боевого коня из оледенелой гробницы юэчжийского вождя в Пазырыке (Горный Алтай). Украшающие узду деревянные подвески со следами позолоты выполнены в виде уплощённых «моделей» отрубленных человеческих голов. Символика изображений очевидна и вполне соответствует военным обычаям скифов, сарматов, гуннов, описанным древними авторами: головы поверженных врагов победитель отрубал и как трофеи предъявлял вождю. Подвески из Пазырыка мастерски изображают лица людей с ярко выраженными монголоидными чертами. Они совсем не напоминают захороненных здесь юэчжей (Кляшторный, 1982, с. 170-181; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 169-177).

Не позднее IV в. до н.э. на территории Внутренней Монголии, близкой к Ордосу, в непосредственном соседстве с гуннами, появились юэчжи, что засвидетельствовано и археологически. Как показала Эмма Банкер, только с юэчжами можно соотнести многочисленные находки во Внутренней Монголии

(24/25)

с изображенными на них сценами борьбы мифических хищников, вполне пазырыкского облика, хорошо датируемых IV в. до н.э. (Bunker, 1993, p. 99-116; 1997, с. 41-74). Юэчжи вели активную военную политику не только на западе от Алтая, о чём свидетельствуют некоторые «трофеи» пазырыкских вождей, но и на далеком востоке Великой степи. Здесь они встретились с очень несхожими по внешнему облику племенами.

Но можно ли связать изображённые на пазырыкских подвесках лица с обликом гуннов? Были ли гунны монголоидами? Антропологически подтверждаемая материалами из гуннских погребений Монголии эта монголоидность принималась с той оговоркой, что «ни изображений, ни описаний наружности гуннов и дунху мы не имеем» (Руденко, 1960, с. 177). В отношении гуннов эта оговорка, однако, не вполне корректна. Имеется вполне убедительный иконографический материал, позволяющий найти изобразительный контекст ликам на подвесках пазырыкской узды.

В 121 г. до н.э. император Уди назначил прославленного воина Хо Цюй-бина «военачальником сильной конницы», которая должна была подавить гуннов на их же территории. Действия Хо Цюй-бина были столь успешны, что, несмотря на скорую кончину (117 г. до н.э.), он сумел нанести гуннам невосполнимые потери. Особенно прославила его победа над гуннами у гор Цилянъ, на земле «малых юэчжи». Над могилой Хо Цюй-бина «был насыпан холм, по форме напоминающий гору Цилянъ» (Таскин, вып. 1, с. 94). А на мраморе гробницы были вырезаны барельефом несколько групп его противников и сцены триумфа. В 1936 г. венгерский антрополог Золтан Такач посетил погребальный комплекс Хо Цюй-бина и снял эстампажные копии той группы, которая носила название «Кони топчут сюнну». В 1938 г. эстампажи и прорисовки были опубликованы Такачем в Пекине (Takacs, 1938, p. 275-277), но великолепный иконографический материал остался вне внимания исследователей. Между тем результаты работ Такача имеют эталонное значение, и мы пользуемся случаем использовать его рисунки именно в этой функции (см. рис. 2).

Иконографические изображения гуннов гробницы Хо Цюй-бина наиболее близки к загадочным ликам на пазырыкской узде — те же признаки монголоидности: выдающиеся скулы, низкий лоб, толстые губы, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жёсткие волосы.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что позолоченные головы на пазырыкской узде, украшавшие парадный убор коня одного из юэчжийских вождей, — это головы убитых им воинов-гуннов, из черепов которых были сделаны золочёные чаши — свидетельство жестоких гунно-юэчжийских войн IV-III вв. до н.э. В ходе этих войн, надолго задержавших западную экспансию гуннов, юэчжи создали во Внутренней Азии свою кочевническую империю со сотысячным войском, построенным по десяти тысячному принципу и, по оценке Сыма Цяня,

«достигли расцвета». Свидетельством гегемонии юэчжей в Великой степи, когда юэчжийские князья, похороненные на Алтае, сражались далеко на востоке ради власти «над народами, натягивающими лук» (Таскин, 1968, вып. 1, с. 43), и стала пазырыкская узда. Прошло менее двух веков, и на Алтае утвердились новые владыки Великой степи, сделавшие золочёные чаши из черепов вождей своих прежних сюзеренов — юэчжей.
(25/26)

Рис. 2. Изображения гуннов:
1 — деревянные модели человеческих голов на пазырыкской узде (по С.И. Руденко);

2, 3 — изображения гуннов из погребального комплекса Хо Цюй-бина (прорисовка и эстампаж по З. Такачу).

[1] Консультация С.Е. Яхонтова, которому автор обязан подробным комментарием приводимых сведений китайских источников.

[5] Хозяйство, общественное и государственное устройство гуннов.

Даров, которые получали шаньюи от ханьского двора, было совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей значительного кочевого населения в продуктах осёдлого хозяйства. Так, по подсчётам Т. Барфилда, фиксированных в китайских источниках поставок зерновых продуктов («даров») могло хватить, и то только в качестве добавки к основному рациону, для 700-800 человек в течение года, т.е. практически только для ближайшего окружения шаньюя (Barfield, 1992, p. 47; Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 13-14). Поэтому для гуннов более существенным было установление пограничной торговли, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент давления на варваров. Позднее суть этой политики чётко сформулировал один из китайских историографов: «Нет дани (от варваров) — нет и торговли с ними, есть дань — есть и вознаграждение (т.е. торговля)» (цит. по: Мартынов, 1970, с. 234).

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюй начал в 158 г. до н.э. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого (в 152 г. до н.э.) император Сяо-цзин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу, согласно прежнему договору». «Отличаясь алчностью, — добавляет Сыма Цянь, — гунны ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия» (Таскин, 1968, вып. 1, с. 49-50).

Экономика гуннского общества, по описанию Сыма Цяня, весьма примитивна: «В мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом своё существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врождённые свойства... Начиная от правителей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока» (там же, с. 34-35). Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: «Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жёны дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шёлковых тканей, а также всё остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей» (там же).

Однако с представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о городках в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна; сообщая о суровых для гуннов зиме и лете 89-88 гг. до н.э., летописец замечает: «В это время начался снегопад, длившийся

несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели, напуганный шаньюй построил молельню» (Таскин, 1973, вып. 2, с. 28).

В Забайкалье археологи исследовали один из гуннских городков у впадения р. Иволги в Селенгу и примыкающий к нему некрополь (Давыдова, 1995; 1996).

(27/28)

Иволгинское городище, окружённое четырьмя рвами и четырьмя валами, имеет площадь в 75 гектаров, застроенных полуземлянками (открыто около 80 жилищ); там обнаружены следы железоделательного и бронзолитейного производства, а главное — сошники из чугуна и литейные формы для них, железные серпы и каменные зернотёрки. Судя по размерам сошников, плуги у гуннов были небольшие, деревянные, и земля вскапывалась неглубоко. Хотя таких городков у гуннов было несколько десятков (Psarras, 2003, р. 76-101), развитию земледелия, однако, препятствовали суровые природные условия страны, и собственное производство зерна (главным образом, проса и ячменя) никогда не удовлетворяло потребностей довольно многочисленного населения (по расчётам исследователей, около 1,5 миллиона человек).

Рис. 3. Сяньбийские воины V в.

Основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играли лошади. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготавливались, лошади имели и то преимущество, что они могли круглый год находиться на подножном корму, тебеневать, добывая траву из-под неглубокого снега. Судя по костям, найденным в гуннских погребениях, лошади были типичными монгольскими — небольшого роста (135-140 см в холке), грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

Кроме огромных табунов лошадей основным богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. По современным подсчётам, хотя и весьма приблизительным, гунны в пору расцвета имели 19 голов скота на душу населения, в пору упадка — 5-9 голов. Для сравнения заметим, что в предреволюционной Монголии (1918 г.) на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота. Скот находился в семейной собственности; каждая семья имела право на определённую часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жёны мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их жёнах» (у гуннов, как и у многих кочевников, существовало многожёнство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота, — семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитой характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями: мужчины любого из этих родов брали себе жён только из трёх знатных родов. Глава государства, шаньюй, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырёх. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племён играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покорённые племена, адаптированные в гуннскую родоплеменную систему. Ниже них были покорённые племена, не включённые в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, подвластные гуннам дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчиной и кожей. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей данников, требуя особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается во многих источниках. Рабами были пленные, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использовались прежде всего в осёдлом хозяйстве, они жили вместе с гуннами в укрепленных городках, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из племенных союзов жунских племён V-IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т.е. над осёдлыми земледельцами); такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах. Не

следует, по мнению Т. Барфилда, преуменьшать и сохранявшегося значения племенной аристократии, а саму гуннскую державу лучше обозначить термином «имперская конфедерация». Барфилд полагает, что для внутреннего развития кочевого общества государственные структуры не нужны, и они возникают у кочевников только в результате воздействия внешних обстоятельств, исключительно для военного принуждения соседних осёдлых государств к уплате дани (контрибуций) или открытию пограничных рынков (Barfield, 1981, p. 45-60). Напротив, по мнению Е.И. Кычанова, государство гуннов, как и иные государства кочевников, возникло в результате внутренних процессов в самом кочевом обществе, процессов имущественного и классового расслоения, приведших к рождению государства со всеми его атрибутами (Кычанов, 1997, с. 36-37). 2 [сноска: 2 Наиболее полно проблемы нomaдизма как особого вида производящей экономики, а также проблемы социологии кочевого общества рассмотрены А.М. Хазановым (Хазанов, 2000). Лучший обзор дискуссий о кочевом обществе в советской науке и их оценка: Gellner E. Foreword // Khazanov A.M. Nomads and the Outside World, Madison, 1994. См. также: Gellner, 1973.]

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освящённой божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рождённый, Солнцем и Луной прославленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия по защите и соблюдению культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владельца окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т.е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие сородичи шаньюя, управлявшие определённой территорией, — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников») (т.е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределённых между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частями империи. Назначение на тот или иной пост зависело от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населени-

ем, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племён без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в 10 тысяч воинов, находившихся под командой последнего, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землёй с кочующим на ней населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. Темники же участвовали в возведении шаньюя на престол, но этот процесс был формальным: они не имели права выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила своё значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Однако, племенная структура гуннов не была разрушена и нижний слой управления составляли вожди племён и родовые старейшины. Сохраняя тесную связь с соплеменниками, они оказывали наибольшее влияние на повседневную жизнь гуннского общества (Barfield, 1981, p. 45-61). Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определённого воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошань-шаньюе началось систематическое взимание податей, о размере и характере которых сведений не сохранилось. Трижды в год все начальники, как правило выходцы из четырёх аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчёта и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий слой гуннской империи сложился из родоплеменной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время вся эта знать, сохраняя внутриродовые и внутриплеменные связи, выступала и как патриархальная верхушка племён, как их «естественные» вожди, кровно связанные с рядовыми соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочёвками и тем самым распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что, в свою очередь, предопределялось его местом в родоплеменной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы дать гуннской империи

более трёх веков существования и ещё несколько веков жизни мелким гуннским государствам.

[6] Расцвет и упадок степной империи.

С образованием гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжийской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н.э. была временем подъёма гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от Гоби и добились своей главной цели — постоянного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «даров» (замаскированной дани) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н.э. по инициативе ханьцев. Император У-ди (140-87 гг. до н.э.) решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. Наступление ханьцев привело к успеху в 127 г. до н.э.: «Гунны бежали далеко, и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ... построили оросительные каналы и, понемногу захватывая земли, стали граничить с гуннами...» В 124-123 гг. до н.э. война была перенесена на коренные земли гуннов, в монгольские степи, где шла с переменным успехом. В 119 г. до н.э. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тысяч гуннов, но сама понесла тяжёлые потери (Таскин, вып. 1, с. 50-54).

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. до н.э. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточнотуркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. до н.э. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. до н.э. 70-тысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуань-ли вторглась в гуннские земли, разгромила передовые отряды гуннов и сошлась для генерального сражения с армией шаньюя. В это время Ли Гуань-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращении и ему самому, грозит смерть. Он решил заслужить милость императора победой, но в первом же бою понёс тяжёлые потери. Тогда старшие командиры войска решили взять его под стражу. Однако Ли Гуань-ли, казнив участников заговора, начал генеральное сражение у горы Яньжинь. В тяжёлом бою китайцы были окружены, а Ли Гуаньли сдался в плен. У императора не осталось больше полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через двадцать лет они понесли тяжёлое поражение от других кочевых народов — в 72 г. до н.э. усуни с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; в жестокой войне гунны потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства гуннов в Центральной Азии.

Внешним выражением этого кризиса был раскол гуннов в 56 г. до н.э. на южных и северных. Южные гунны во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал всё для их умиротворения. Более пятидесяти лет на гунно-китайской границе не происходило крупных столкновений. Северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем ушли в Среднюю Азию, в союзное государство Кангюй (на Средней Сыр-

дарье), но здесь были настигнуты китайским экспедиционным корпусом и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с кангюйцами будет угрожать их господству в Восточном Туркестане.

Вновь единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н.э. Уже в 48 г. н.э. происходит новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных гуннов, вплоть до падения Ханьской империи, является, по существу, историей обычных варваров-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северяне же под ударами с юга и натиском бывших вассалов — древнекыргызских племён Енисея и в особенности потомков дунху, сяньби — протомонгольских племён Юго-Западной Маньчжурии, с каждым десятилетием утрачивали своё могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжёлые поражения гунны понесли в войнах с сяньби в 93-94 гг., когда десятки тысяч их семей были включены в состав сяньбийской племенной конфедерации, и в 151-155 гг., когда создатель эфемерной сяньбийской империи вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. началась миграция гуннских племён сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири, — в Приуралье, в прикаспийские и заволжские степи.

[7] Гунны у границ Римской империи.

Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов зачастую вызывала сомнение, так как нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племён Востока и Запада, хотя по косвенным указаниям можно предположить, что их основную массу составляли и там и тут прототюркские племена. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на западе — ираноязычных племён и даже славян.

Наибольшее затруднение у историков вызывает то обстоятельство, что в степях Юго-Восточной Европы гунны появились внезапно, в 70-е гг. IV в. Первой их жертвой стали приазовские аланы, лишь часть которых спаслась в горах Северного Кавказа. Вслед за этим, овладев Прикубаньем, гунны зимой, по льду, переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира, вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были разгромлены в течение нескольких лет; частью они были включены в состав орд, частью бежали на Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границам Римской империи.

Рис. 4. Гуннский воин из армии Атиллы V в. Реконструкция А. Смелкова.

«Невиданный дотоле род людей, — пишет автор V в. Аммиан Марцеллин, — поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает всё, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Для ромейского эрудита, изучавшего труды ранних авторов, гунны были новым племенем, «о котором мало знают древние памятники». В середине II в. автор стихотворного «Описания населённой земли» Дионисий размещает гуннов (уннов) где-то в Прикаспии. Во второй половине II в. их упоминает там и знамени-тый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV-V вв. эти краткие и невнятные сведения мало о чём говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле народом казалось не только внезапным, но и ужасным. Классическое описание пришельцев и их воздействие на римский мир дал Аммиан Марцеллин. По его словам, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются... столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; на чужбине они не входят в жилище, за исключением разве крайней необходимости; ...они плохо действуют в пеших стычках, но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошадёнкам, и иногда, сидя на них по-женски, они исполняют на них все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продаёт, ест и пьёт и, пригнувшись к узкой шее своей

скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьёзных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают всё, что попадает на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определённого места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жёны ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рождён далеко оттуда, вскормлен ещё дальше» (Аммиан Марцеллин, 1906, XXXI, 2).

В своём ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив их традиционными чертами самых диких северных племён. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать его укрепленные города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для их предков в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Нападения на осёдлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявилось в последующий период, когда степняки прорвали пограничную линию Римской империи и их вождь Атила создал гуннскую империю в Европе.

[8] Гунны между Алтаем и Аралом.

Если память о гуннах в Европе сохранена многочисленными и яркими свидетельствами греческих и латинских авторов, то сведений о появлении новых кочевых завоевателей с востока в Средней Азии почти нет. Крайне скудны и археологические материалы. Повествования сирийских и византийских летописцев о «белых гуннах» — хионитах и эфталитах (IV-VI вв.) — отнюдь не указывают на генетическое родство обоих народов с гуннами Центральной Азии. Тем не менее частичная реконструкция «гуннского периода» в истории кочевых народов, живших на территории между Алтаем и Аралом, возможна.

Продвижение гуннов на запад началось ещё при шаньюе Маодуне, с войны за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Письмо, отправленное Маодунем в 176 г. до н.э. ханьскому императору Вэньди, подробно рассказывает о разгроме юэчжей и покорении других племён на западе: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну (гуннам)» (Таскин, 1968,

(35/36)

вып. 1, с. 43). Маодунь явно преувеличивает свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя, возможно, понесли тяжкие поражения.

Но в этом письме впервые упоминается о вторжении гуннов в Восточный Туркестан и выходе их к границам Казахстана. Политический авторитет гуннских шаньюев в Западном крае (так в Ханьской империи именовали Восточный Туркестан и Среднюю Азию) на протяжении почти столетия был очень велик. Ханьский летописец отмечает: «Всякий раз, как посланник сюнну (гуннов) с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств (Западного края), его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи» (Hulsewe, 1979, p. 37).

Зависимые от гуннов владения вскоре появились не только в бассейне р. Тарим, но и много западнее. Одно из них упомянуто китайским историографом в связи с событиями середины I в. до н.э. Сын наследника гуннского престола был женат на дочери владетеля Учаньму, о котором рассказывается: «Учаньму первоначально был правителем небольшого владения, лежавшего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, а поэтому во главе своего народа (воинов?) в несколько тысяч человек перешел на сторону гуннов. Шаньюй Хулугу... приказал (ему) по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 85).

Итак, в Северо-Западном Семиречье (между усунями и кангюйцами) существует небольшое княжество, владетель которого, вступив в брачные отношения с царским домом гуннов, обеспечил защиту и покровительство могучего родственника на условиях вассалитета. Несколько позже зять владетеля Учаньму, принц Цзихоусянь, после неудачной попытки занять освободившийся трон, бежал со своей ордой во владения тестя. Это самое раннее упоминание о переселении гуннов на территорию нынешнего Казахстана.

Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставляет владетелей государств Западного края признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы. Такая ситуация сохранялась до распада гуннской державы и подчинения шаньюя «южных» гуннов, Хуханье, власти ханьского императора (53 г. до н.э.).

Младший брат Хуханье, Чжичжи-шаньюй, возглавив «северных» гуннов, вскоре перенёс свою ставку в Джунгарию. Именно с ним связано первое отмеченное источниками вмешательство гуннов в войну между Кангюем и усунями, завершившееся переселением Чжичжи-шаньюя и части его войск в долину Таласа. В 42 г. до н.э. гунны и кангюйцы разгромили столицу усуней — город в Долине Красных Скал, на берегу Иссык-Куля. Вслед за тем Чжичжи совершил поход в Фергану. Опасаясь за безопасность границы, командование китайских войск в Западном крае направило экспедиционный корпус в Кангюй. Крепость, где находилась ставка Чжичжи, была взята штурмом, а он сам и его спутники погибли.

В начале I в. н.э. «северные» гунны восстановили своё политическое влияние в Восточном Туркестане, но уже в 73-94 гг. им пришлось вести ожесточённую борьбу с ханьскими войсками. Особенно тяжёлое поражение гунны по-

(36/37)

несли в 90-91 гг. на Восточном Тянь-Шане. Ставки «северян», возглавленных знатным родом Хоянь, находились между оз. Баркуль и Алтаем. Именно здесь на

них обрушилась армия двух ханьских полководцев — Доу Сяня и Гэн Куя, после чего, по словам китайского историографа, «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела» (Таскин, 1973, вып. 2, с. 98).

Итак, в конце I в. под влиянием поражений в борьбе за Джунгарию и Восточный Тянь-Шань масса «северных» гуннских племён откочевала в «земли усуней», т.е. в Семиречье и Восточный Казахстан, соседствующие с их прежними землями. Никаких сведений об их возвращении в Джунгарию в источниках нет, хотя неудачные попытки наладить дипломатические отношения с ханьским двором, например в 104-105 гг., предпринимались. Между 120-150 гг. гунны совершали набеги со своих новых земель на оазисы Таримского бассейна, но их военные успехи часто сменялись крупными поражениями. Так, в 137 г. правитель Дуньхуана изрубил гуннский отряд у оз. Баркуль, а в 151 г. гуннское нападение на Хами закончилось поспешным бегством перед войсками, посланными из Дуньхуана. Сяньбийское вторжение в 70-х гг. II в. окончательно вытеснило северян из Джунгарии и отбросило их за Тарбагатай. Гунны начали постепенно завладевать землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием.

Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от оз. Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань. По словам авторов Бэй ши, «северный» шаньюй, спасаясь от войск Доу Сяня, «перешёл через хребет Гинь-вэй-шань (Тарбагатай)» и ушёл на запад в Кангюй, в сторону Сырдарьи и Арала. Однако часть его орды (200 тысяч душ) осталась за Тарбагатаем, будучи «малосильными». Они-то и создали новое гуннское государство, владетель которого принял традиционный титул шаньюй. Оно существовало ещё в V в., обменивалось посольствами с одним из северокитайских государств и даже заключило с ним военный союз против жуань-жуаней. Отличительной чертой этих кочевников китайцы называют исключительную неопрятность, что будто бы и стало побудительным мотивом для вражды между юэбаньским шаньюем и жуаньжуаньским каганом. Источник передаёт следующий рассказ, услышанный от юэбаньского посла:

«(Юэбаньский) владетель был (раньше) в дружеских связях с жужаньцами (жуань-жуаньцами). Однажды он с несколькими тысячами человек вступил на жужаньские земли, желая увидаться с (каганом) Датанем (ум. в 429 г.). По вступлении в пределы его, ещё не проехал ста ли (около 50 км), как увидел, что мужчины не моют платья, не связывают волос, не умывают рук, женщины языком облизывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал: „Вы смеётесь надо мною, что я предпринял путешествие в это собачье государство!“ И так он поскакал обратно в своё владение. Датань послал конницу в погоню за ним, но не догнал. С этого времени они сделались врагами и несколько раз ходили друг на друга войною» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 258-259).

Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань является упоминание об одинаковости языка населения этого государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогуйцев, т.е. с языком древних тюркских племён. Таким образом, вполне осведомлённый письменный источник, информация которого по-

чёрпнута из отчётов о личном общении китайских чиновников династии Северная Вэй с юэбаньскими послами, впервые фиксирует совершенно определённую, а именно тюркскую языковую принадлежность населения одного из древних государств, существовавшего на территории Казахстана и Джунгарии во II-V вв. Можно с уверенностью утверждать, что с этого времени на огромном пространстве казахстанских степей вместе с племенами «северных» гуннов появляется население, говорившее на древнем языке (языках?) из тюркской языковой семьи.

[9] «Белые гунны» в Средней Азии.

Между 141 и 128 гг. до н.э. юэчжи, вытесненные гуннами из Внутренней Азии, перешли Яксарт (Сырдарью) и овладели всей территорией Греко-Бактрийского царства. Завоеватели Бактрии, смешавшиеся по маршруту своих переселений с другими кочевыми племенами, довольно скоро перешли к осёдлому образу жизни и освоили те формы управления и быта, которые сложились в Греко-Бактрии. Даже монеты они первоначально чеканили в подражание монетам эллинских базилевсов Гелиокла и Евкратиды. Прошло около полутора веков, и юэчжийский князь Герай из рода Кушан стал создателем нового царства, одной из крупнейших империй древности. По родовому имени основателя она названа историографами Кушанской империей, её граница раздвинулась от Хорезма и приаксартских оазисов до Центральной Индии, а в 80-130-х гг. кушаны, соперничая с империей Хань, контролировали часть территории Таримского бассейна и Кашгар. Упадок могущества Кушанской империи начался в IV в., когда войска сасанидского царя Шапура II нанесли им ряд тяжелейших поражений, приведших к территориальным утратам и постепенному угасанию политического влияния династии.

Но уже в 346 г. сам Шапур ощутил угрозу своим восточным границам со стороны некоего племенного союза кочевников, выступивших совместно с кушанами.

Название этих племён, хиониты, связывается с гуннской политической традицией, хотя, по словам Аммиана Марцеллина, они несколько не походили на столь выразительно изображённых в его труде гуннов. Более того, когда в 359 г. Шапур II привлёк царя хионитов Грумбата в качестве союзника против римлян и сын царя пал под стенами сирийского города Амиды, этот юноша был назван Аммианом «красивым» (вспомним, как описывает Аммиан внешность гунна Аттилы!). Тем не менее, если верна догадка К. Еноки о том, что гуннами, которые, согласно китайским источникам, во второй половине IV в. завоевали страну Судэ (Согд), и были хиониты, политическое соотнесение и связь обеих племенных групп делается весьма вероятным.

Уже в начале V в. на среднеазиатской исторической арене вновь появляются юэчжийские племена. Согласно китайской династийной истории Бэй ши это были «малые» юэчжи, возглавленные «храбрым государем Цидоло». Жившие

Рис. 5. Воины-хиониты III-IV вв. Резьба по кости, могильник Орлат.

до того в предгорьях Нань-Шаня, эти племена завоевали «пять царств» к югу от Гиндукуша, овладели Гандхарой и Тохаристаном, вытесняя оттуда Сасанидов, и объединились с хионитами. Имеется несколько групп монет, чеканенных от имени их государей, и легенды этих монет именуют правителя Кидара Кушана ша. А византийский автор Приск Панийский пишет о войнах Сасанидов в 450-460-х гг. с «гуннами, называемыми кидаритами». Возможно, что в ходе этих войн кидариты на какой-то срок овладели Балхом. Кидаритские цари считали себя продолжателями кушанской политической традиции, что не осталось незамеченным их противниками. Так, армянский автор Егише Вардапет, участник персидских войн с северными племенами, пишет, что сасанидский царь Йездигерд II (438-457 гг.) «внезапно напал на земли хонов, которые называются также кушанами, и воевал с ними два года, но не смог подчинить их». Очевидно, что кушанами здесь названы кидариты и хиониты. Но в те же годы решающей политической силой в Средней Азии становятся эфталиты, которых их современники — византийские, армянские и индийские авторы — также связали с гуннской политической традицией. В западных источниках они именуются «белые гунны», в армянских — хоны, в индийских — хуна.

Название эфталиты, согласно византийским авторам, они получили по имени одного из их царей. Как же сами они себя называли?

Из надписей на монетах эфталитских царей это выясняется с полной достоверностью — сами себя эфталиты называли хион. Иначе говоря, эфталиты были одной из этнополитических групп хионитов. Сопоставление различных источников выявляет, что таких групп было по меньшей мере две: спет хион «белые хионы» и кармир хион «красные хионы». Проблема прародины хионов — эфталитов остается дискуссионной. Попытки связать их с Бадахшаном (К. Еноки) были подвергнуты основательной критике, но, почти несомненно, хионы были одной из древних групп ираноязычных кочевников, обитавших в горно-степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии.

Условность отнесения хионитов и эфталитов к гуннским племенам была отмечена ещё Прокопием Кесарийским, который писал: «Хотя эфталиты народ гуннский и так называются, они, однако, не смешиваются и не общаются с теми гуннами, которых мы знаем, так как не имеют с ними пограничной области и не живут вблизи них... Они не кочевники, как прочие гуннские народы, но издавна обосновались на плодородной земле... Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царём и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями справедливость ничуть не хуже ромеев и персов» (Прокопий, 1993, I, 3).

Характеристика византийского автора относится к тому времени, когда эфталиты уже освоились в земледельческой и городской среде Средней Азии, восприняли на государственном уровне бактрийский язык и бактрийскую (кушанскую)

Рис. 6. Реконструкция: 1 — С. Соколовой; 2, 3 — А.В. Сильнова.

письменность, созданную на основе греческого алфавита, и, по словам китайского путешественника Сюань Цзана, «их литературные произведения постепенно увеличиваются и превзошли количество их у народа Согда». Таков был результат, но ему предшествовал длительный период политического становления государства.

Если их исходной территорией в 50-е гг. V в. был Тохаристан, то продвинуться на север и стать подлинными наследниками Кушанского царства они смогли после войн с сасанидским царём Перозом (459-484 гг.), напавшим на них. Уже после первого похода Пероза и разгрома персов эфталиты овладели Хорасаном. Во время второго похода на эфталитов Пероз попал в плен и заплатил за своё освобождение огромный выкуп. Третий поход Пероза (484 г.) окончился его гибелью и принуждением Ирана к выплате эфталитам ежегодной дани.

Ещё до того, как эфталиты овладели Согдом, они в 479 г. начали продвижение на восток и подчинили Турфанский оазис (см. ниже); между 490-509 гг. они завершили подчинение большинства городов-государств Таримского бассейна, а возможно, всего Восточного Туркестана. К концу V в. эфталиты овладели и Северной Индией, где в первые десятилетия VI в. правили эфталитские цари Торамана и его сын Михиракула. По существу, эфталиты полностью овладели кушанским наследием.

II. Евразийская степь в IV-V вв.

Этнолингвистическая ситуация в Великой степи (начало I тыс. н.э.). — 42
Ухуани и сяньби. — 44
Табгачи, жуаньжуани и гаоцзюй. — 48
Империя Нёкёр и её вассалы. — 55
Болгары, хазары и берсилы в евразийских степях. — 60
Праславяне в Поволжье. — 68

[1] Этнолингвистическая ситуация в Великой степи (начало I тыс. н.э.).

В течение I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. осёдлое население и кочевые племена в полосе степей и гор между Нижним Поволжьем и Алтаем были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда, в результате интенсивных и постоянных миграций населения, в евразийских степях на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племён из Западной Сибири и Приуралья и так называемых алтайских племён из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. Алтайскими эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории Южной Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии, Маньчжурии и на пространстве, занимаемом ныне провинциями Северного Китая. Во II-I тыс. до н.э. в среде алтайских племён постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н.э. началось сло-

жение прототюркских и протомонгольских языков, причём племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н.э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Такова была, в самых общих чертах, этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования той кочевнической империи в Центральной Азии, которая была создана племенным союзом сунну (гуннов), оттеснившим юэчжей и многочисленные сакские племена в Среднюю Азию.

Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов (Пуллиблэнк, 1986, с. 29-70; Дёрфер, 1986, с. 71-134), внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках; следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав гуннской империи, не были однородны, но все они, за исключением юэчжей, по расовому составу были монголоидами.

Проникновение прототюркских и протомонгольских племён на запад началось рано; уже у приуральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. Именно «алтайские» племена были носителями монголоидного физического типа. Среднеазиатские и казахстанские степи в I тыс. н.э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племён. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н.э. движения на запад гуннских племён в степной зоне Средней Азии начинают складываться тюркоязычные общности.

В IV-V вв. н.э. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются так называемые огурские племена, самым крупным из которых стали в V в. болгары. Они говорили на одном из архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразившим язык волжских и дунайских болгар (до славянизации последних), установлено, что болгарское наречие было историческим предшественником или историческим «родственником» современного чувашского языка; его элементы сохранены также у татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей.

Все эти этнолингвистические процессы связаны с изменениями, которые на протяжении многих столетий происходили в глубинах Центральной Азии и на Дальнем Востоке, с изменениями, которые породили мощные миграционные потоки, сотрясавшие цивилизации Средней и Передней Азии, а затем Европы на протяжении более тысячелетия. Именно на востоке Великой степи родилась «степная» государственность того типа, который был свойствен протогосударственным и государственным образованиям кочевников

[2] Ухуани и сяньби.

В первые века н.э., в ходе постоянных войн с гуннами, прамонгольские племена «восточных варваров» (дунху) создали несколько очень крупных территориальных группировок. Их названия китайская историографическая традиция связывает с древними названиями горных хребтов в сибирско-маньчжурской горно-таёжной стране и прилегающей к ней с юга горно-степной зоне. Если эта традиция адекватна, то именно так возникли топонимы ухуань и сяньби. Оба территориальные объединения, по свидетельству китайских источников, не отличались друг от друга ни языком, ни образом жизни. Вот что пишет о них автор «Истории династии Поздняя Хань» (Хоухань шу) Фань Е: «Ухуани, собственно говоря, являются [потомками] дунху. Когда в начале династии Хань сюннуский [шаньюй] Маодунь уничтожил владение дунху, оставшийся народ укрылся у горы Ухуань, от которой и принял своё название. Согласно существующим обычаям [ухуани] искусны в верховой езде и стрельбе из лука, занимаются охотой на диких птиц и зверей. Пасут скот, отыскивая места с [хорошей] водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места, домом служит куполообразный шалаш (хунлу — «войлочная юрта»), выход из которого обращён на восток, к солнцу. Едят мясо, пьют кислое молоко, одежды делают из грубой и тонкой шерсти. Уважают молодых и с пренебрежением относятся к старым. По характеру смелы и грубы... Храброго и сильного, который может разбирать [возникающие] тяжбы, избирают старейшиной (дажэнь, букв. «большой человек»), власть не передаётся по наследству. Во главе каждого рода (ило) стоит небольшой вождь, а несколько сотен или тысяч юрт (ло) образуют кочевье (бу). Когда старейшине нужно вызвать кого-нибудь, он делает зарубки на дереве, которые служат письмом, и, хотя нет письменных знаков, члены кочевья не смеют нарушать [полученное распоряжение]. Нет постоянных родовых фамилий, в качестве фамилии используется имя сильного старейшины. От старейшины и ниже каждый сам пасёт скот и ведёт хозяйство, не привлекая других к выполнению трудовых повинностей» (Таскин, 1984, с. 63, 296). Запомним выделенную фразу, т.к. наблюдение китайского историографа оказывается существенным для последующих выводов.

На протяжении нескольких столетий (I в. до н.э. — II в. н.э.) ухуани активно участвовали в военных событиях на границах империи Хань. Часть ухуаней, поощряемая имперским правительством, уже тогда переселилась за линию пограничных укреплений, т.е. на территорию империи, часть осталась на прежних местах обитания, постоянно участвуя в боевых действиях и набегах то вместе с ханьцами против гуннов, то вместе с гуннами против ханьцев. Вот вполне обыденное сообщение, относящееся к 166 г.: «Ухуани снова совместно с сяньбийцами и южными сюнну совершили набег на пограничные земли, в связи с чем все [варвары] в девяти округах подняли восстание. Чжан Хуань выступил покарать нападающих, и они ушли за укреплённую линию» (Таскин, 1984, с. 68).

Следует отметить две важные тенденции, проявившиеся в указанный период: а) всё большее сращивание ухуаньских племен с сяньби, в племенном со-

юзе которых они впоследствии растворились; б) социальное расслоение в среде самих ухуаней и сяньби резко интенсифицировалось. Власть вождей становилась наследственной в роду, а сами старейшины нередко принимали китайский княжеский титул ван или гуннский титул шаньюй.

Вот типичная для конца II в. н.э. ситуация: «В начале правления императора Лин-ди (168-190 гг.) ухуаньские старейшины Наньлоу в округе Шангу, имевший свыше 10 тыс. юрт подчинившегося ему народа, и Цюлинзюй в округе Лаоси, имеющий свыше 5 тыс. юрт подчинившегося ему народа, сами объявили себя ванами... Они отличались смелостью и хитростью... В эру правления Чу-пин (190-193 гг.), установленную императором Сянь-ди, Цюлинзюй умер. Его сын Лоубань был малолетним, поэтому его заменил племянник Цюлинзюя, Тадунь, обладавший военными способностями. Он стал распоряжаться ухуанями, жившими в трёх округах, и весь народ повиновался его приказам» (Таскин, 1984, с. 68). Тадунь также стал ваном, возглавил очень крупное племенное объединение ухуаней, но конец его был трагичен: «В 12-м году эры правления Цзянь-ань (207 г.) Цао Цао, лично выступивший в карательный поход против ухуаней, нанёс Тадуню сильное поражение под Лючэном (провинция Хэбэй), обезглавил его и захватил в плен свыше 200 тыс. человек» (Таскин, 1984, с. 69).

О начальном периоде истории сяньби Фань Е замечает: «Сяньби [как и ухуани], ветвь [народа] дунху. Они отдельно осели у горы Сяньби, от которой получили своё название. Их язык и обычаи сходны с ухуанскими... В начале династии Хань сяньбийцы также [как и ухуани] были разбиты Маодунем и бежали в земли, расположенные далеко от укреплений линии в округе Ляодун, где жили рядом с ухуанями, никогда не устанавливая связей со Срединным государством» (там же, с. 70). Вместе с гуннами сяньбийцы совершали набеги на ханьское приграничье.

Ситуация изменилась в 49 г. н.э., «когда шаньюй южных сюнну признал власть династии Хань, а северные варвары (т.е. северные сюнну. — С.К.), оказавшись изолированными, ослабели, сяньбийцы стали присылать послов (ко двору Хань. — С.К.)» (там же). Более того, получая ежегодные и весьма обильные награды в 50-90-е гг. I в., «сяньбийцы охраняли границу и там не происходило столкновений» (там же, с. 71).

В 89 г. ханьский военачальник Доу Сянь нанёс тяжелейшее поражение северным гуннам, что немедленно использовали сяньбийцы, занявшие гуннские земли и включившие в свой племенной союз гуннские семьи: «Оставшиеся роды сюнну, которые всё ещё насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев», — замечает Фань Е, фиксируя отправную точку роста сяньбийского могущества (там же).

Однако прошло более полувека прежде чем сяньбийцы превратились в серьёзную для империи угрозу. И связано было новое усиление «северных варваров» с военно-административной консолидацией всей степи, от Ляодунского полуострова до Восточного Туркестана, осуществлённой сяньбийским вождем Таньшихуаем (он умер в возрасте 49 лет приблизительно в 180 г.). Позже ему было приписано чудесное рождение — он появился на свет во время трёхлет-

него отсутствия главы семьи, воина Тоулохоу, жена которого утверждала, что ребёнок был зачат от градины, попавшей ей в рот во время грозы. «Тоулохоу не послушал жену и выбросил младенца. Тогда жена тайно попросила домашних подобрать и вырастить ребёнка» (Таскин, 1984, с. 75).

Вот как Фань Е рассказывает о возвышении бастарда: «В возрасте 14-15 лет Таньшихуай уже отличался смелостью, физической силой и умом. Как-то старейшина другого кочевья похитил у родителей его матери крупный рогатый скот и овец. Таньшихуай один на коне погнался за похитителями, напал на них, и никто, куда бы он не устремлялся, не мог противостоять ему. Он отбил весь угнанный скот, после чего напуганные члены его кочевья подчинились ему. Затем он ввёл предусмотренные законом правила для решения дел между правыми и виноватыми, причём никто не смел нарушить их. В результате его избрали старейшиной» (там же).

В короткий срок, благодаря военным успехам в сражениях с ханьскими пограничными войсками и кочевыми соседями, Таньшихуай сумел восстановить имперские структуры гуннского времени на всей территории степи, некогда принадлежавшей гуннским шаньюям. Если восточные ставки Таньшихуая располагались в Маньчжурии, то западная ставка была учреждена севернее Дуньхуана, на границе с усунями. Его владения «тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. ли, а с севера на юг — более чем на 7 тыс. ли» (там же, с. 44) 3. [сноска: 3 В эпоху Хань 1 км был равен 2,5 ли.] В 166 г. он, по гуннскому образцу, разделил территорию государства, вместе с племенами её населяющими, на центр и два «крыла» — восточное и западное, окончательно завершив тем самым создание военно-административного устройства. Во главе управления новыми округами были поставлены вожди, назначаемые лично Таньшихуаем и подчинявшиеся только ему.

Положение на северной границе стало для ханьского императорского двора невыносимым: «После вступления на престол императора Лин-ди (168-190 гг.) не было ни одного года, когда бы пограничные округа... не страдали от набегов и грабежей сяньбийцев, перебивших и угнавших в плен неисчислимое количество народа», — замечает Фань Е (Таскин, 1984, с. 76). Была сделана попытка умиротворить опасного врага: «К Таньшихуаю был отправлен посол доставить печать со шнуром и возвести его в титул вана, с целью установления мира, основанного на родстве. Однако Таньшихуай отказался принять титул, стал пуще прежнего заниматься набегам и грабежами» (там же, с. 331).

Требовались срочные меры, и один из ханьских военачальников, Ся Юй, осенью 177 г. подал доклад, в котором отмечалось, что только за весну и лето сяньбийцы совершили более 20 нападений на границы, а потому следует послать в степь войска для активных действий против сяньбийцев. Ся Юй обещал уничтожить неприятеля «в течение одной зимы и двух вёсен». Однако его предложение не встретило поддержки у многих сановников и император созвал во дворце военный совет. С основным докладом выступил противник предложения Ся Юя, советник Дай Юн. Прежде всего он напомнил о печальных для империи последствиях многих военных экспедиций в степь, не дававших радикальных результатов, но серьёзно подрывавших экономическое состояние империи. Затем он сле-

дующим образом охарактеризовал противника: сяньбийцы «имеют 100 тыс. воинов, отличаются физической крепостью и большей [по сравнению с сюнну] сообразительностью». Далее, советник отмечает, что «разбойники» получают из Китая через лазейки в укрепленной линии «прекрасный металл и хорошее железо», из империи к ним бегут ханьцы, и, в результате, их оружие и снаряжение острее и лучше, чем у гуннов, а кони быстрее». Обращаясь к сторонникам наступательных действий, Цай Юн спросил: «Как они могут попусту болтать о двух годах войны и быть уверенными в успехе?» (там же, с. 78). Тем не менее, было принято решение о карательном походе в степь. В результате разразилась самая масштабная ханьско-сяньбийская война, в ходе которой ханьская армия понесла огромные потери и была полностью разгромлена.

Победа над ханьцами стала последним крупным успехом Таньшихуая. Политика перманентной войны не способствовала укреплению скотоводческого хозяйства, а рост территории и населения порождали свои проблемы: «численность сяньбийцев увеличивалась с каждым днём, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребности в пище» — отмечает хорошо информированный китайский историограф (там же, с. 80). Таньшихуай даже пытается использовать водные угодья и поручает живущим в стране китайцам ловить рыбу, что сами сяньбийцы делать не умели.

Ранняя смерть Таньшихуая привела к власти его родичей и в ходе их кровавой междоусобицы Сяньбийская империя распалась.

Впрочем, в 20-30-е гг. IV в. выдвинулся ещё один удачливый сяньбийский старейшина, Кэбинен, в короткий срок подчинивший или убивший своих соперников и попытавшийся восстановить империю Таньшихуая. Политический итог этой попытки подвёл автор «Записок о Трёх царствах», историограф Чэнь Шоу (конец III в.): «В эру правления Цин-лун (233-236 гг.) [император] разрешил... послать искусного фехтовальщика на мечах, который заколол Кэбинена, после чего [сяньбийские] кочевья рассеялись, стали нападать одно на другое. Сильные бежали далеко, слабые просили разрешения изъявить покорность [Срединному государству], в результате чего на границе установилось относительное спокойствие. К югу от пустыни редко поднимались тревоги. Хотя [сяньбийцы] временами усиленно занимались воровством, они уже не могли подстрекать друг друга на конфликты [со Срединным государством]» (там же, с. 83).

Выделим лишь одну фразу в этом выразительном итоговом документе — в середине III в. н.э. сильные сяньбийские племена «бежали далеко», оставив в степях севернее Великой стены своих наиболее склонных к конформизму соплеменников.

А теперь, прежде чем обратиться к следующей теме, воспользовавшись лингвистическими консультациями и трудами виднейших специалистов в области исторической фонетики китайского языка С.Е. Яхонтова и Э. Пуллиблэнк, обозначим, какие этнонимы скрываются за ханьскими транскрипциями ухуань и сяньби.

Как замечает Э. Пуллиблэнк, слово ухуань является «хорошей транскрипцией» этнического термина авар, замечая, впрочем, что «в свете этого свидетельства

всё же трудно окончательно доказать какую-либо историческую связь с аварами, вторгшимися в VI в. в Восточную Европу, хотя очевидно, что название

(47/48)

(этих народов. — С.К.) одно и то же» (Pulleyblank, 2000, p. 71). Реальное произношение сяньби (сяньбэй) может быть восстановлено как сэрби/сэрви (там же). Такие же реконструкции подтвердил С.Е. Яхонтов (устная консультация). Отметим, что в такой же постоянной увязке, как в ханьских источниках упоминаются племена ухуань и сяньби, в византийских источниках находятся авары и савиры. И, вернувшись к замечанию Чэнь Шоу о «далёкой» миграции части сяньбийцев из зоны ханьского военного влияния, отметим, что единственным открытым направлением миграции в степной зоне было западное направление, в нынешнюю Джунгарскую и казахстанскую часть Великой степи. И ещё раз вспомним, что к III в. н.э. в состав сяньбийского объединения племён уже влились два многоплеменных массива — авары (ухуани) и гунны. А западное направление миграции неизбежно вело к столкновению или объединению с ещё одним огромным племенным массивом — племенами гаоцзюй и динлин. Жизнь в степях нетороплива, и отдалённые последствия перетасовки племён в III в. полностью проявились на западе Великой степи лишь через два столетия, когда новый напор с юга разрушил устоявшееся бытие и привёл в движение степные племена.

[3] Табгачи, жуаньжуани и гаоцзюй.

В первые два десятилетия III в. опустошённая восстаниями и междоусобицей Ханьская империя превратилась в поле соперничества главарей противоборствующих армий и была поделена между тремя военачальниками («период Троецарствия»), династии которых сменила на несколько десятилетий династия Цзинь. Новый «мятеж восьми ванов», продолжавшийся 15 лет, не только нарушил недолгое спокойствие, но и привёл к небывалым бедствиям и массовому оттоку ханьского населения из северных и центральных районов бывшей империи на юг. Образовавшийся вакуум был заполнен новой волной кочевых племён севера.

Во внутренние районы Китая началось переселение южных гуннов (преимущественно тюркские племена), сяньбийцев (прамонгольские племена), ди и цянов (тангуты-тибетские племена), цзе (одно из племён «малых юечжей»). Только между 276-289 гг. в провинции Хэбэй, Шаньси и Шэнься переселилось более 400 тыс. гуннов и сяньби; в Гуаньчжуне поселилось более 500 тыс. ди и цянов, что составило половину населения этой области. Переселившиеся в Китай племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на их общественный строй и культуру несомненно. Они активно участвовали в военном противоборстве внутри Китая, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила.

В 308 г. шаньюй гуннских племён Шаньси Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором. В 311 г. его сын Лю Цун осадил столицу Цзиньской империи — Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов,

написанном очевидцем, — письме согдийского купца Нанайвандака. Вскоре Цзиньская империя (280-316 гг.) перестала существовать. На

(48/49)

территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом.

Время с 304 по 439 год в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати варварских государств пяти северных племён».

В конце IV — начале V в. «варварских государств» на севере было уже не шестнадцать, а девятнадцать, и восемь из них были сяньбийскими. И хотя китайцы составляли большинство населения Среднекитайской равнины, наиболее многочисленной группой среди «варваров» были сяньбийцы. Именно сяньбийцы в середине V в. объединили север и создали там свои династии, просуществовавшие почти столетие.

Сяньбийские племена этого времени делились на несколько племенных объединений, из которых наиболее значительными были муюны (в 30-е гг. IV в. они поселились на берегах Ляодунского залива), туюхуни или мужуны (их владениями стали земли севернее хребта Куэньлунь, между озерами Куку-нор и Лоб-нор) и табгачи (китайская транскрипция названия — тоба). Именно табгачи и создали династию Тоба Вэй (Северная Вэй). Их вождь Тоба Гуй в 397 г. разгромил и оттеснил на восток своих сородичей муюнов, а в следующем году он был провозглашён императором новой династии. Его наследник, Тоба Тао, между 424-431 гг. объединил под властью табгачей весь бассейн Хуанхэ и стал создателем единой империи в Северном Китае. Период «шестнадцати государств» закончился первым монгольским завоеванием Китая.

Хотя табгачи составляли не более 20 % всего населения новой империи (Eberhard, 1949, p. 10), которое в V в. приближалось к 25 млн. человек (Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 63), они на всём протяжении истории этого государства, несмотря на все колебания внутренней политики, оставались вершителями судеб страны и удерживали основные позиции в армии. Сяньбийская конница составляла основу вооружённых сил, что придавало особый характер военным отношениям с кочевыми соседями.

А на покинутом сяньбийцами севере родилась тем временем новая степная империя.

Наиболее подробные сведения о новой угрозе с севера сохранила «История династии Вэй» (Вэй шу), составленная в середине VI в. историографом Вэй Шоу. Согласно его версии, появлению степного государства предшествовали события 70-х гг. III в., когда некий раб и дезертир по прозвищу Мугулюй, т.е. «Плешивый», сам не зная своего роду-племени, бежал за укреплённую линию (т.е. Великую стену) и собрал в степи шайку преступников, занимавшихся разбоем. В конце концов он и его шайка попали в зависимость от одного из гаоцзюйских или гуннских племён. Сын Плешивого, Цзюйлухуэй, смелый и решительный воин, возглавил шайку, но попытался придать своей власти более легитимный образ — он сумел соединить в одно целое доставшуюся ему в наследство степную вольницу и племя своих покровителей, а новому объединению дал название

жоужань. Вслед за тем Цзюйлухуэй подчинился главе дома Тоба (Табгач) и даже ежегодно «представлял ко двору» дань лошадьми, скотом и мехами. Однако уважения у своих сюзеренов он не заслужил. Один из правителей вэйского дома «в связи с тем, что Цзюйлухуэй отличился невежеством, а по виду походил на ядовитое насекомое гу, изменил его прозвище на жуаньжуань», т.е. приказал запи-

(49/50)

сывать его имя иероглифами, имевшими уничижительное значение «пресмыкающийся, подобно насекомому» (Таскин, 1984, с. 267, 398-399).

Прошло сто лет и вожди жуаньжуаней изменили табгачской династии, примкнув к её врагам. Ответ последовал незамедлительно — против жуаньжуаней был предпринят первый карательный поход, которым руководил сам вэйский император. После трёхсоткилометрового перехода к северу припасы кончились и вожди войска попросили императора прекратить поход. Однако, император приказал заколоть заводных лошадей, накормить воинов и продолжить преследование. Из этого повествования очевидно, что в поход шла не китайская пехота, а сяньбийская конница «о дву конь» [так в тексте; правильное слитно: одвуконь]. Она настигла жуаньжуаней у одной из гор Великой пустыни (Гоби) и разгромила их, захватив пленных и скот (там же, с. 268, 400).

Результатом похода стало бегство жуаньжуаней на север от пустыни и острая междоусобная распря. Победил в ней один из вождей, Шэлунь, истребивший своих соперников и родичей. Именно он и стал создателем степной империи жуаньжуаней. В 402 г. Шэлунь присвоил себе титул каган, что на языке династии Вэй (т.е. сяньбийском языке. — С.К.) «означает император» (там же, с. 269). Так в Великой степи появился новый высший титул, сменивший гуннский титул шаньюй.

Время Шэлуня ознаменовалось военно-административной реформой, в ходе которой армия была перестроена по десятиричному принципу, во главе «тысяч» поставлены командиры, назначаемые каганом.

В ходе войн и побед над степными соседями, владения Шэлуня невероятно расширились — от Чаосяни (Корея) до Яньцзи (Карашар, бассейн р. Тарим в Восточном Туркестане). Его западная ставка находилась севернее Дуньхуана. Там, на северо-западе, он одержал победу над одним из владений, созданных гуннами. Вслед за тем, в Северной Монголии он подчинил часть племён гаоцзюй, а затем, осмелев, в 406-410 гг. предпринял два набега за укрепленную линию, на земли Северного Китая. Ответ последовал быстро, и, преследуемый сяньбийской конницей, Шэлунь умер во время бегства (410 г.).

Последовавшая за смертью Шэлуня междоусобица привела к власти его внучатого племянника Датаня: «Он сумел приобрести симпатии народа, в результате чего население владения выдвинуло и поддержало его», — замечает Вэй Шоу (там же, с. 271). Датань был провозглашён «Победоносным каганом» и постарался немедленно оправдать свой титул. Вернув себе земли к югу от Гоби, покинутые Шэлунем, Датань совершил очередной набег, нарушив укрепленную линию, но, получив отпор, отступил. Ударившие морозы помешали табгачам начать преследование.

С 424 г. и до самой смерти Датаня в 429 г. война на северной границе не прекращалась. Набег 424 г. был удачным для Датаня. Император Тоба Тао (Шицзу), выступивший в карательный поход с малым отрядом, был окружён превосходящими силами жуаньжуаней. Удачной контратакой император прорвал окружение. Датань ушел в степь, а советники Тоба Тао отговорили его от немедленного преследования. Карательный поход состоялся в следующем году, когда император собрал на границе достаточные силы и двинул их по пяти направлениям. «Достигнув южной окраины пустыни, [вэйские] войска остави-

(50/51)

ли обозы, и только легковооружённые всадники с запасом продовольствия на 15 дней пересекли пустыню, чтобы покарать Датаня. Напуганные кочевья Датаня бежали на север» (там же, с. 272).

Многочисленные вторжения вэйских войск в степь севернее Гоби в течение всего V в. серьёзно дестабилизировали там обстановку. Что же представлял собой обычный «карательный поход» вэйских войск на север?

Комплектовалось несколько крупных армейских групп, по преимуществу из легковооружённой сяньбийской конницы, иногда сопровождаемой тысячами повозок с пехотой и припасами 4. [сноска: 4 Уже в IV в. у сяньбийцев (табгачей), использовавших возможности китайских оружейников, появилась латная конница ближнего боя: «Основу армии табгачей с IV в. составляла лёгкая и тяжёлая конница, обученная сражаться в ближнем бою... Добиваться победы косоплёты (сяньбийцы. — С.К.) предпочитали именно в рукопашных схватках» (Бобров, Худяков, 2005, с. 105).] Так, во время северного похода в 458 г., император собрал 100 тыс. всадников и 150 тыс. повозок, после чего «пересёк Великую пустыню». «Флаги и знамёна его войск растянулись на 1000 ли (около 400 км. — С.К.)» (там же, с. 276). Численность вэйской армии и обоза, как и во многих подобных сообщениях, скорее указывает на порядок множественности, чем на точное число воинов. Ведь вэйская единица «десять тысяч» (тюмен), привившаяся в степи со времен юэчжей и унаследованная сяньбийцами, вовсе не означала реального числа бойцов, а лишь указывала на место воинского соединения в военной структуре. «Сто тысяч всадников», т.е. десять тюменей, с учётом реального состава войсковой единицы, вряд ли превышали несколько десятков тысяч реальных бойцов, находившихся в строю.

После пересечения Гоби армия концентрировалась на северной границе пустыни и, в зависимости от обстоятельств, делилась на 3-5 группировок, стремясь охватить противника с флангов. Центральная группа, часто под командованием самого императора, наносила решающий удар. В завершающей стадии похода использовались исключительно конные армии. Вэйские военачальники действовали стремительно, сразу в нескольких направлениях и на обширном оперативном пространстве.

Образцом войны такого рода может послужить поход императора Тоба Хуна (Сяньцзу) в 470 г. против жуаньжуаньского кагана Юйчэна, который «нарушил укрепленную линию». Двигаясь пятью отдельными группами, вэйская армия вошла в степные просторы Северо-Восточной Монголии и по нескольким оперативным направлениям атаковала жуаньжуаней. «Войска варваров обратились в бегство. Император преследовал их на протяжении 30 ли (12 км),

порубив 50 тыс. человек. Кроме того, свыше 10 тыс. человек сдались в плен. Было захвачено неисчислимое количество лошадей и оружия. Всего за 19 дней император прошёл 6 тыс. ли, считая путь туда и обратно... После этого [император] сочинил оду о карательном походе на север и сделал надпись на камне с описанием совершённых подвигов» (там же, с. 276).

Так же действовал за полвека до того победитель Датаня, император Шицзу. Выйдя на линию боевого соприкосновения с неприятелем между реками Орхон и Керулен, он разделил войска на оперативные группы и превратил в театр военных действий всю территорию Северной Монголии. Тогдашние союзники

(51/52)

императора, «различные кочевья гаоцзюйцев», «убивали народ Датаня. Всего в разное время вэйским войскам сдалось более 300 тыс. жуаньжуаней. Кроме того, были захвачены пленные и более миллиона военных лошадей» (Таскин, 1984, с. 273). Здесь ясно разделены пленные, захваченные на поле битвы (их число не оговорено), и население подчинившихся кочевий.

Если даже сделать поправку на преувеличение успехов вэйских войск, несомненно сильнейшее воздействие военных событий V в. в Монголии на массовое бегство кочевого населения Великой степи на запад, по единственному открытому степному коридору.

В конце IV-V в. всё большее влияние на военно-политическую обстановку в монгольских и Джунгарских степях стало оказывать самое значительное по численности и самое слабое по структурным связям объединение кочевников, которое вэйский историограф обозначал либо иероглифами гаоцзюй «высокие телеги», либо называл «гаоцзюйскими динлинами». Именно в «Истории династии Вэй» содержится наиболее полное описание этого племенного объединения, которое в китайской историографии устойчиво связывается с гуннами и по происхождению, и по языку, и по образу жизни и обычаям. Воспроизводя одну из генеалогических легенд о происхождении гаоцзюй, Вэй Шоу рассказывает: «Некоторые говорят, что родоначальником гаоцзюйцев является внук по дочери сюннуского [шаньюя]». Отцом же родоначальника был волк, который, по легенде, был «чудесным существом, посланным Небом» (там же, с. 401). Непосредственно с принцем-родоначальником связываются 6 родов (племён) гаоцзюйцев, но об их числе в конце V в. говорится: «в это время среди гаоцзюйских родов имелись ещё 12 фамилий» (там же, с. 404).

Столь же кратко охарактеризован образ жизни этих самых многочисленных кочевников монгольских степей: гаоцзюйцы «переезжают с места на место по наличию воды и травы, одеваются в кожи, едят мясо, имеют такой же крупный рогатый скот, овец и прочих домашних животных, как и жуаньжуани, только колёса их повозок высокие, с очень большим количеством спиц» (там же, с. 402). Использование зерновой пищи вэйский историограф связывает с китайским влиянием — часть гаоцзюйцев, поселившаяся «к югу от пустыни», в непосредственном соседстве с укреплённой линией, «по прошествии нескольких лет постепенно научились употреблять в пищу зерно и ежегодно представляли дань. В связи с этим лошади, крупный рогатый скот и овцы в государстве [Вэй] подешевели, а войлоков и кож накопилось очень много» (Таскин, 1984, с. 404). Впрочем, мнение об отсутствии необходимости в зерновой пище у кочующих в

степи гаоцзюйцев вряд ли достоверно — тот же историограф, Вэй Шоу, неоднократно сообщает о крупных зерновых «дарах» вэйских императоров союзным с ними гаоцзюйским вождям. Так, «изъявившему покорность» вождю гаоцзюйского кочевья в 900 юрт император Тайцзу пожаловал военный титул и 20 тыс. ху зерна (1 ху соответствует примерно 52 литрам) (там же, с. 405).

Наиболее важными чертами общественного и политического устройства гаоцзюйцев Вэй Шоу считает: а) родовую сплочённость — «члены рода единодушны между собой и, когда подвергаются набегам, дружно помогают друг другу»; б) отсутствие связующей племена верховной власти, политическую

(52/53)

рыхлость племенного союза — «нет единоначальствующего великого вождя, каждый род имеет своего вождя»; в) слабость военной организации — «в сражении не создают боевых рядов, а нападают разрозненно, внезапно появляясь, внезапно отходя; упорного боя вести не могут» (там же, с. 401).

Какое-либо крупное объединение гаоцзюйских племён отмечалось историографами как сугубо кратковременное событие и только по конкретному поводу. Так, «при императоре Гаоцзу (471-499 гг.) пять гаоцзюйских кочевий, насчитывающих несколько десятков тысяч человек, собрались вместе, чтобы совершить жертвоприношение Небу. На состоявшемся большом собрании они устраивали скачки лошадей, забивали жертвенный скот, ходили по кругу с песнями и наслаждались существующими обычаями. По их мнению, никогда в прошлом не было такого торжественного собрания» (там же, с. 404). Столь же редко несколько племён ненадолго объединялись с военными целями.

Между тем, конфликтные ситуации и военные столкновения в степи с участием гаоцзюйцев были обыденным явлением. Двумя постоянными противниками гаоцзюйских племён были жуаньжуани и табгачи. Ситуации, когда одно или несколько гаоцзюйских племён восставали против господствующих в степи жуаньжуаней и обращались за поддержкой к вэйским императорам, или же когда те же племена устраивали набег на вэйские земли, возникали постоянно и зафиксированы в источнике во множестве. «Они постоянно враждовали с жуаньжуанями, а также часто нападали на государство [Вэй] и грабили его» (Там же, с. 402). В этой короткой фразе полностью суммирована «политическая линия» вождей гаоцзюйских племён, которую разнообразили лишь временные союзы то с одним, то с другим из своих грозных соседей.

Ещё первый вэйский император Тоба Гун (Тайцзу, 386-409 гг.), ведший нелёгкую войну с каганом Шэлунем, совершил несколько «карательных походов» против гаоцзюйских племён, живших близ оз. Угей-нур (Северная Монголия). Его военачальники нанесли поражение более чем «30 кочевьям» (племенам), «после чего все кочевья гаоцзюйцев содрогнулись от страха» (там же, с. 402-403).

Более столетия в степи менялись лишь имена кочевых вождей и вэйских полководцев, а картина происходивших событий оставалась неизменной. Её монотонность была нарушена лишь однажды, когда несколько гаоцзюйских племён, возглавленных инициативными вождями, воспользовались благоприятными для них обстоятельствами и предприняли успешную, хотя и ограниченную по времени попытку создать собственное государство за

пределами коренных земель в Северной Монголии.

В 485 г. каганом жуаньжуаней стал Доулунь, отличавшийся, по словам историографа, свирепостью и склонностью к убийствам. Он жестоко расправился со своими сановниками, настроенными на мир со Срединной империей, и развязал военные действия (487 г.). В 492 г. Тобо Хун (император Гаоцзу) послал в «карательный поход» против Доулуня 70 тыс. всадников. «В связи с этим гаоцзюйский вождь Афучжило, входивший в число кочевий Доулуня, бежал на запад во главе 100 тыс. юрт и объявил себя ваном (правителем)» (там же, с. 278, 404). Доулунь бросился в погоню, потерпел несколько поражений и, вернувшись, был убит в собственной ставке.

(53/54)

Афучжило, вместе со своим двоюродным братом и соправителем Цюнци, занял полностью или частично Джунгарскую горно-степную страну — обширную низменность между Монгольским Алтаем и Восточным Тянь-Шанем и прилегающие к ней горные районы. Судя по неясным сообщениям о последующих военных столкновениях, на юге своих владений Афучжило контролировал район оз. Пулэй (Баркуль) и оазис Иу (Хами), т.е. важный участок Великого шёлкового пути. Контроль над этим районом пришедшие с Афучжило гаоцзюйские племена сохраняли и через несколько веков. Во всяком случае, Пэй Цзюй, политический агент династии Суй (581-618 гг.) в Западном крае, следующим образом рисует северную ветвь Пути — из Дуньхуана до Иу (Хами), а из «Иу проходит у озера Пулэй (Баркуль), [через земли] теле (т.е. гаоцзюйцев, см. ниже), ставку тюркского кагана (Суяб, см. ниже)» (Восточный Туркестан, 1988, с. 271).

Афучжило стал именоваться «правитель, великий сын Неба» (так гласит китайский перевод титула) и почти сразу же установил посольские связи с вэйским двором, оправдывая свой самопровозглашённый суверенитет необходимостью покарать жуаньжуаней, врагов императора. Ответное посольство привезло императорские дары.

Сам Афучжило поселился в степной части страны на севере, а юг, т.е. район оз. Пулэй (Баркуль), отдал вместе с частью племён своему соправителю Цюнци. Но именно в эти годы обозначилась эфталитская экспансия в Восточном Туркестане. Уже в 479 г. эфталиты подчинили Карашар, а вскоре, вплотную подступив к Хами, поставили под свой контроль весь Таримский бассейн. Цюнци стал для них помехой, был убит, а его сын Миэту попал в плен. Тем временем, в результате заговора и мятежа, был убит Афучжило, после чего эфталитские отряды напали на его ставку, устранили наследников Афучжило, а правителем поставили, очевидно связав обязательствами, его двоюродного племянника и своего пленника Миэту, который возобновил обмен посольствами с Вэй. Все эти события произошли еще до кончины императора Тоба Хуна (Шицзу, ум. 499 г.), который, пытаясь вернуть контроль над Иу и Гаочаном, обещал Миэту военную помощь против жуаньжуаней. Однако на берегах оз. Пулэй Миэту, проиграв сражение кагану Футу, ушёл на запад, а жуаньжуани вторглись в земли оазиса Иу. Император сдержал обещание — посланный им конный отряд заставил кагана покинуть Иу, а разгром жуаньжуаней довершил Миэту: «Он убил Футу севернее озера Пулэй, отрезал у него волосы (снял скальп? — С.К.) и послал их» начальнику вэйского отряда (Таскин, 1984, с. 405). Всё же война с жуаньжуанями

завершилась для Миэту трагически — в 516 г. сын и наследник Футу, Чоуну «выступил в карательный поход на запад, против гаоцзюйцев, нанёс им сильное поражение», а Миэту был взят в плен и казнён. «Затем Чоуну покрыл его череп чёрным лаком, сделав из него чашу для питья. Весь народ Миэту ушел к ядасцам (эфталитам)» (Таскин, 1984, с. 405). Лишь через несколько лет, опираясь на военную поддержку эфталитов, младший брат Миэту, Ифу, вместе со своим народом вернул себе владения в Джунгарии, нанёс поражение жуаньжуаням и установил связи с вэйским двором. Впрочем, война не закончилась, сам Ифу был убит родичем, а тот — убит сыном Ифу, Биши (539-542 гг.), также неудачно воевавшим с жуаньжуанями. Всё же их династия ещё долго сохраняла свою власть над Джунгарскими гаоцзюйцами.

[4] Империя Нёкёр и её вассалы.

В конце IV — первой половине VI в. этнополитическую обстановку в глубинной Центральной Азии определяли три крупнейшие племенные объединения — табгачи-сяньбийцы, властвовавшие над Северным Китаем и ставшие элитарной частью его населения; жуаньжуани (жоужань), создавшие в Монголии и Джунгарии свою степную империю; гаоцзюйцы (гаоцзюйские динлины, гаочэ) — мятежные вассалы жуаньжуаней, окончательно распавшиеся в V в. на две обособленные группировки — восточную, в степях Монголии, и западную, в Джунгарских и казахстанских степях. Восточнотуркестанская (таримская) ветвь западной группировки сумела создать в конце V в. некое политическое объединение, прообраз степного государства. Количественно обе гаоцзюйские группировки, по-видимому, превосходили все иные объединения кочевых племён Внутренней Азии.

Только табгачи названы в китайских анналах своим собственным именем (t'ora < tabγač), впоследствии ставшим в тюркоязычных текстах общим названием Китая и китайцев. Их язык, как и языки (диалекты?) всех других сяньбийских племён, определён и частично реконструирован — это один из древнемонгольских (прамонгольских) языков (Ligeti, 1970).

Какие же племена и племенные союзы скрывались за китайскими прозвищами-кличками жуаньжуань «ядовитые насекомые» и гаоцзюй «высокие телеги»?

В китайских династийных хрониках излагается несколько противоречащих друг другу версий об образовании племенного союза жуаньжуаней и его поименованиях. Две главные версии содержатся в самом информированном и авторитетном труде «История династии Вэй». Первая, представленная наиболее подробно, уже изложена выше. Суммируем ещё раз её основные положения. Основателем династии был безродный раб и дезертир по прозвищу Плешивый, ставший предводителем преступной шайки степной вольницы. Сама эта шайка, каких в то смутное время в степи было множество, названа сыном Плешивого, унаследовавшим предводительство, словом жоужань (по тексту буквально «он назвал себя жоужань»). Название жоужань «табгачский владыка», исполненный презрения и отвращения к своему северному соседу и вассалу, приказал передавать иероглифами жуаньжуань, ассоциирующими чужое слово с неким китайским названием ядовитого и гадкого насекомого. В этой явно тенденциозной версии предельно ярко проявилось стремление в известной степени

китаизированной табгачской аристократии отмежеваться от тех, с кем они были связаны своими степными корнями. Здесь следует обратить внимание на само слово жоужань, на его связь с основателем новой династии, вышедшим из степной вольницы и превратившим своё самопоименование в название династии и государства.

По эмоциональному настрою первой версии и её целеполаганию она может быть поименована табгачской, точнее официальной версией табгачского двора, призванной обозначить отношение к северному соседу и предельно отмежеваться от него. А отмежеваться было политически необходимо, дабы императору-табгачу не выглядеть в глазах своих китайских подданных и своего

(55/56)

китайского окружения «одного поля ягодой» с невежественными варварами, о чём очень кратко и осторожно, скорее намёком, сказано во второй версии.

Вторая версия Вэй Шоу совершенно не совпадает с первой. Согласно её основному и главному постулату жуаньжуани — потомки дунху, т.е. они генеалогически родственны ухуаням (аварам) и сяньбийцам, в том числе и тем же табгачам. Более того, династия имела идущее от дунху или их потомков родовое имя — Юйцзюлюй. Вэй Шоу не может скрыть этих, очевидно известных в образованных кругах, фактов, но он делает попытку как-то оправдать официальную версию, соединить её с достаточно известными реалиями; для этого Вэй Шоу предлагает следующее разъяснение: поскольку родовое имя Юйцзюлюй созвучно с именем легендарного раба-предка Мугулюя, то потомки раба и разбойника стали называть себя Юйцзюлюй, очевидно стыдясь своего нехорошего прародителя. Это явно надуманное разъяснение нигде более не повторяется, как и подлинное родовое имя династии. Гораздо более удобным оказалось самоназвание (или всё же название?) жоужань, возникшее ещё до появления нового государства и относящееся к вождю группы степных удальцов. Скорее всего это слово было хорошо известно табгачам и, для получения нужного эффекта, оно было переделано в бессмысленное сочетание с уничижительным значением иероглифического написания.

Своё подтверждение вторая версия находит в одном из эпизодов истории жуаньжуаней, сохранённом в «Истории Северных династий» (Бэй ши). Здесь запечатлён следующий диалог, состоявшийся во время аудиенции жуаньжуаньского кагана Анагуя во дворце вэйского императора Суцзуна в 520 г. и воспроизведённый по протокольной записи: «Совершив двойной поклон и встав на колени, Анагуй сказал: „Предки Вашего слуги ведут происхождение от великой династии Вэй“. Император приказал ответить: „Мы хорошо знаем об этом“. Анагуй встал с колен и продолжал: „Предки Вашего слуги пасли скот, отыскивая хорошую траву, а затем поселились на землях к северу от пустыни"».

Анагуй недвусмысленно напомнил императору-табгачу об их общих предках-сяньбийцах и общей прародине, и император не только не уклонился от признания генеалогического родства, но, напротив, подтвердил правильность заявления Анагуя.

Эта поразительная запись, предназначенная для очень узкого круга лиц из окружения императора, не попала в официальную «Историю династии Вэй», а

была воспроизведена лишь много позже после гибели династии, в начале VII в., историографом Ли Янь-шоу в его суммарной «Истории Северных династий» (Таскин, 1984, с. 281, 414, примеч. 56). Понятно, почему её игнорировал вэйский летописец Вэй Шоу, ведь в этом диалоге открыто утверждаются два факта — во-первых, табгачская династия и так называемая династия Мугулюя были генеалогически связаны, если не родственны, и, во-вторых, предки Анагуя «пасли скот» в IV в. там же на юге, т.е. на Среднекитайской равнине, где и табгачи, и лишь «затем» вынуждены были уйти (бежать?) на «север от пустыни», т.е. в Монголию, скорее всего под давлением сородичей-табгачей. Вот тогда-то будущий основатель династии и стал предводителем степной вольницы, что ловко использовали в своей главной версии предшественники историографа Вэй Шоу для дискредитации основателей пра-

(56/57)

вящей династии жуаньжуаней, степных соперников и главных противников Тоба Вэй.

Вторая версия «Истории династии Вэй», дополненная и разъяснённая каганом Анагум, и является собственной генеалогической версией жуаньжуаней, лишь подтверждённой китайским историографом в «Истории Северных династий».

Имеется ещё одна китайская версия генеалогии жуаньжуаней, сохранённая придворными историографами Южных династий (Сун шу, конец V в.: Лян шу, начало VII в.). Согласно южной историографической традиции жуйжуй (жуаньжуани) были «отдельной ветвью сюнну» и их «другим названием» был этноним датань (таньтань) (Таскин, 1984, с. 288-289). Для политиков и историографов Южных династий, не имевших прямых военно-политических контактов с северными кочевниками, гунны были явно обобщённым именем древних кочевых народов северных степей, предками современных Южным династиям «северных варваров». Впрочем, связь жуаньжуаней с гуннами несомненна и по иной причине. Большие массивы гуннского населения поглощались не только сяньби, но и самими жуаньжуанями. Так, во времена первого кагана Шэлуня, в их племенной союз вошло «богатое и сильное кочевье сюнну», жившее в долине р. Орхон (Таскин, 1984, с. 269).

Ещё интереснее сообщение обеих историй Южных династий о «другом имени» жуаньжуаней. Оно явно связано с личным именем «победоносного кагана» Датаня, племянника фактического основателя империи Шэлуня. Датань восстановил единство империи после кровавой междоусобицы, последовавшей после смерти Шэлуня, и серьёзно угрожал государству Тоба Вэй в двадцатые годы V в. Здесь стоит вновь процитировать китайское наблюдение о родовых (племенных) названиях у дунху, потомками которых были жуаньжуани — «в качестве (родовых) фамилий используют имя сильного старейшины». Вот таким именем-эпонимом для жуаньжуаней или их части и стало имя Датаня, не связанное с появившимся ранее названием государства.

Реконструкцию произношения этого имени в середине I тыс. н.э. осуществил, по моей просьбе, С.Е. Яхонтов. И оказалось, что здесь мы впервые фиксируем этноним, ставший хорошо известным через два столетия после описываемых событий, ибо иероглифическое написание датань произносилось в V в. н.э. как

*dadar / *tatar. Согласно тюркским памятникам 732-735 гг. (о них см. ниже) послы от otuz tatar «тридцати (племён) татар» пришли в 552 г. почтить память почившего годом ранее тюркского Бумын-кагана, победителя жуаньжуаней и нового владыки тех их племён, которые покорились Тюркскому элю. «Тридцать (племён) татар» — та самая группа племён, входивших ранее в государство жуаньжуаней, которая сплотилась в 20-е гг. V в. вокруг Датаня / Татара; эта группа племён обеспечила его победу в междоусобице, победу над другими претендентами, которых поддерживали другие племенные группировки жуаньжуаней. И, в отличие от этих других группировок, «тридцать племён» носили имя своего вождя, имя, закрепившееся как самоназвание, подобно тому, как много веков спустя стали этнонимами имена Ногая и Узбека.

Таким образом, опираясь на три изложенные генеалогические версии, сохранённые китайской историографией, — табгачскую версию, жуаньжуаньскую версию и версию историографов Южных династий, — возможно обозна-

(57/58)

чить три линии возникновения этнополитических наименований в новообразованной степной империи:

а) сохранение имён древних племенных союзов авар (ухуань) и сорви (сяньби), к одному из которых принадлежал, вместе с табгачами, династийный род Юйцзюлюй;

б) появившийся позднее политоним (этнополитоним?) жоужань;

в) возникший в ходе политических неурядиц и межплеменной борьбы этнополитоним татар (датань), превратившийся в этнонимическое название крупной группы жуаньжуаньских племён.

Что же означало то основное имя нового государства и его населения, которое появилось вместе с возникновением самого этого государства?

По реконструкции С.Е. Яхонтова (личная консультация), иероглифы жоужань в своём звучании для середины I тыс. н.э. должны быть переданы, с некоторыми вариантами, транскрипцией *nōnōg. Этот термин обозначил в IV в. некую группу степной вольницы, возглавленную оторвавшимся от своего роду-племени вождём. Подобные группы в степи появлялись и исчезали в течение многих веков. Позднее, во II тыс. н.э., для их обозначения стал использоваться тюркский (кыпчакский) термин казак, этимология которого неясна. Термин породил глагол казакла = «казаковать, скитаться, жить по-вольному», обозначавший временное состояние отколовшегося от своего рода удальца, жившего военным бытом в степи. Казак — удалец, но также и группа удальцов, степная вольница, сплотившаяся вокруг своего военного предводителя, вождя, атамана, организатора набегов на ближних соседей и походов в дальние страны. Наиболее подробно этот термин в его политическом и социальном значении рассмотрен Т.И. Султановым (Кляшторный, Султанов, 2002, с. 248-255).

Существовал ли термин с подобным значением в монгольской языковой среде?

Исследования последних десятилетий, суммированные Г. Дёрфером, показали, что подобный термин в древнемонгольском существовал, он хорошо известен и в позднейшее время. Таково древнее значение слова *nökög*; в обычном и довольно позднем русском словоупотреблении, прошедшем через тюркоязычную адаптацию, оно звучало как нукер. Его правильное звучание в древнемонгольском именно *nökög*, а первоначальное значение — «другой, иной» (G. Doerfer: «der andere»). Позднее семантическое поле термина значительно расширилось. Прежде всего, оно обозначало воина, связанного узами добровольной службы с каким-либо военным предводителем, а не с родом-племенем. Нёкёр — дружинник степного вождя, а не участник племенного ополчения. И одновременно он член военного сообщества, дружины, возглавленной вождём. Тот же термин означал и само военное сообщество, сложившееся вокруг вольного степного вождя (Doerfer, 1963, S. 521-526).

Все эти значения как нельзя лучше совпадают с первичной семантикой термина жоужань / **nönpöŋ*. Его совпадение с *nökög* представляется настолько вероятным, что остается только предположить вполне обычную для китайских транскрипций чужих наименований звукоподражательную прогрессивную ассимиляцию согласного во втором слоге, обусловившую замену -k- на -n-, которая явилась результатом максимальной адаптации слова к его воспроизведению в древнекитайском.

Итак, главными этнополитическими составляющими степной империи Нёкёр (Жоужань) были прамонгольские племенные объединения авар (ухуаней),

(58/59)

сэрви/сэрби (сяньби) и татар (датань), поглотившие, но не ассимилировавшие многочисленные гуннские (сюннуские) кочевья и подчинившие непокорные, раздробленные на разные территориальные группировки племена гаоцзюй. Во главе государства стоял династийный род Юйцзюлюй, принявший в конце IV в., после вынужденного переселения в степи к северу от Гоби, новое имя Нёкёр, которое, во всяком случае на страницах китайских исторических сочинений, стало названием государства.

Кто же были гаоцзюй, «высокие телеги», названные китайскими историографами не собственным именем, а прозвищем?

К началу VII в. прозвище гаоцзюй в китайских хрониках было вытеснено другим прозвищем, теле, обозначившим тот же самый гаоцзюйский племенной союз. Как показал Дж. Гамильтон (Hamilton, 1962), слово теле является китайской транскрипцией древнемонгольского слова **tegreg*, вошедшего и в тюркские языки, с первоначальным значением «обод, колесо», а также «телега, тележник». Иными словами, китайцы позаимствовали из монгольской (сяньбийской или жуаньжуаньской) среды тот термин, который в этой среде использовался, но уже не в переводе, а в оригинальном звучании. И в связи с заменой термина в китайских исторических сочинениях танского времени (618-907 гг.), т.е. прежде всего в Цзю Тан шу («Старой истории Тан») и Синь Тан шу («Новой истории Тан»), впервые была дана справка о предках гаоцзюй / теле и их иных названиях, а также о названиях племён, составлявших эту степную конфедерацию. Одно из этих названий всего племенного союза гаочэ также переводится как «высокие

телеги» и является лишь иным написанием термина гаоцзюй. Другие названия, дили, чиле и тиле, также не оригинальны, это лишь иные варианты передачи слова теле / *tegreg.

Но вот указание на предков гаоцзюй / теле, которые названы динлин, вводит нас совсем в иной мир, в мир древнейших племён Центральной Азии и Южной Сибири. Ведь динлины, упомянутые ещё в источниках ханьского времени, названы среди тех племён и владений, которые покорил вместе с цзянькунями-кыргызами гуннский шаньюй Маодунь в самом конце III в. до н.э.

В отечественной историографии, со времён Г.Е. Грумм-Гржимайло (1926), обозначилась так называемая «динлинская проблема». Вот как излагает суть этой проблемы известный историк-востоковед И.В. Пьянков: «Кто такие динлины? Представление об этом народе, утвердившееся в отечественной науке, в общем (отвлекаясь от вариаций в деталях) примерно таково: динлины — древний европеоидный светло-пигментированный («белокурый») народ, живший в Минусинском крае на Среднем Енисее; во II-I вв. до н.э. на Средний Енисей под давлением хуннов продвигается монголоидный народ гяньгуни (цзянькуни, кыргызы), ранее обитавший в Туве и Западной Монголии; в результате происходит смешение этих народов. Минусинский край китайцы ещё продолжают называть некоторое время Страной Динлин, но после II в. н.э. о динлинах уже не слышно, они исчезают; получившийся в результате смешения народ унаследовал от гяньгуней название и язык, а от динлинов — внешний облик светло-пигментированных европеоидов. Так сформировались знаменитые енисейские кыргызы» (Пьянков, 2002, с. 199). В последующем анализе письменных и археологических источников И.В. Пьянков приходит к обоснованному выводу о динлинах как о ярко выраженных монголоидах, населявших часть

(59/60)

Северной Монголии и Забайкалья, и связывает с ними археологическую культуру «плиточных могил» (там же, с. 200-203). А исследовавший «динлинскую проблему» Э. Пуллиблэнк замечает, что предками тюркоязычных народов, зафиксированных в источниках ханьского времени, были только три группы племен — гэгуни или цзянькуни (предки енисейских кыргызов), динлины и синьли (позднейшие се, сир орхонских памятников; о них см. ниже) (Pulleyblank, 1990, р. 21-26).

Каков был состав племён союза теле, наследников и потомков динлинов-гаоцзюй? Китайские информаторы сообщают о девяти племенах этого союза, и на страницах исторических хроник теле нередко именуется «девять фамилий», которые впервые упомянуты в китайских источниках в 630 г. Вот список этих племён по Тан шу, приводимый Дж. Гамильтоном (Hamilton, 1955, р. 1-2): 1) уйгуры; 2) сиры (кит. сеяньто); 3) туба; 4) курыканы; 5) теленгуты (кит. доланьго); 6) буку; 7) байырку; 8) тонгра; 9) хун. Есть и другой список (состав конфедерации менялся в течение VII-VIII вв.), где упомянуты племена сыгыр, эдиз, айгыр, но не упомянуты сиры, покинувшие союз «девяти фамилий». Имеется ещё несколько списков, но все они начинаются с упоминания уйгуров как главенствующего племени.

Но по тюркским руническим надписям известно, что племенной союз, возглавляемый уйгурами, сам себя именовал токуз огуз «девять (племён) огузов».

И теперь позволительно сделать вывод — племенной союз гаоцзюй / теле имел самоназвание. Этим самоназванием оказалось имя огуз, происходившее, согласно древнеогузским легендам, из имени героя-эпонима Огуз-кагана. Более архаичной формой имени огуз является слово огур. В такой форме оно сохранилось в особой группе древнетюркских языков, наследником которой является современный чувашский.

Огузы / огуры, наряду с кыргызами и сирами, были древнейшими объединениями тюркоязычных племён, существовавших задолго до появления самого этнического, политического и лингвистического термина тюрк.

История самих тюрков будет рассмотрена в следующей главе, но прежде следует обратиться к историческим судьбам тех огузских племён, которые в V в., а может быть и ранее, в результате политических и военных потрясений в степях Внутренней Азии, переселились в степи Юго-Восточной Европы.

Во всяком случае, некоторые следы пребывания монголоидных пришельцев уже в III-IV вв. в низовьях Сырдарьи (Джетыясарский оазис) и в Терско-Сулакском междуречье на Северном Кавказе зафиксированы археологами и антропологами (Вайнберг, 1999, с. 192-194).

[5] Болгары, хазары и берсилы в евразийских степях.

Вопрос о первом появлении болгарских племён в степях Юго-Восточной Европы всё ещё остаётся предметом острых дискуссий. Столь же остро дискутируется вопрос об этническом и племенном составе ранних болгар (по терминологии современных болгарских учёных — праболгар).

В «Хронографе», составленном в 354 г. в Западной Римской империи и сохранившемся в рукописи V в. (предположительно, этот альманах, реконструированный Т. Моммзеном, восходит к сборнику римского писца Филокала), среди народов, обитавших на востоке и происходивших от библейского Сима, рядом со скифами и лазами, названы некие *vulgares*. Это имя обычно трактуется как несколько искажённая транскрипция названия болгар. Однако же источник прямо связывает названное племя с зихами, т.е. адыгскими этническими группами Западного Кавказа.

Достаточно уверенно фиксируется появление болгар в Причерноморье лишь после падения империи Аттилы. В 480 г. восточноримский император Зенон обратился к болгарам, уже жившим в Причерноморье, за помощью против остготов. По существу, это первая фиксация политической значимости болгарских племён в ареале византийских геополитических интересов, а вследствие этого и в сфере внимания византийского дипломатического делопроизводства и византийской придворной историографии.

Довольно часто имя болгар или племён, входивших в болгарское племенное объединение (оногуры-оюгундуры-хашандуры), упоминается в армянской историографии, главным образом в связи с набегами этих племён на Закавказье. Но достоверность хронологии армянских историков сомнительна из-за нередких и несомненно установленных анахронизмов в их сочинениях, а так-

Рис. 7. Болгарский воин. VII в.
Реконструкция М.В. Горелика

же их позднейшей переработки. Сколько-нибудь достоверные сведения относятся к концу V в. Что касается первоначальной территории, занимаемой болгарскими племенами, то указания источников слишком неопределенны, хотя во всех случаях речь идёт о Причерноморье. Если судить по сведениям «Армянской географии» Анания Ширакаци (конец VII в.), болгары обитали где-то в Западном Предкавказье. Позднее именно этот регион с центром в Фанагории византийские историки называли Великой Болгарией.

Хотя признание генетической связи болгар с тюркоязычными племенами преобладает в историографии, оно далеко не безоговорочно. Так, по мнению А.П. Новосельцева, «первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда — неясно) угров и были одним из их племён, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлечённых на запад в период гуннского нашествия» (Новосельцев, 1980, с. 72). Такая довольно распространённая точка зрения неверна прежде всего хронологически, так как болгары появились к западу от Волги только после краха гуннской державы в Восточной Европе. Она совершенно необоснованна и этнографически, ибо опирается только на очень сомнительные этимологические трактовки этнонимов

болгарских племён.

Более убедительна иная концепция ранней этнической истории болгар, основанная как на комплексе сведений письменных источников, так и на достижениях современной тюркологии в области истории тюркских языков. Ключевая роль принадлежит здесь восточноримской (византийской) историографии, в особенности Приску Панийскому, историку, прославившемуся своим отчётом о миссии в ставку Атиллы. В его другом историческом труде, сохранившемся лишь во фрагментах, рассказывается (фрагмент 30), что около 463 г. откуда-то из глубин Азии в Причерноморье вторглись некие неизвестные дотоле племена. Приск приводит их названия — огуры, сарагуры и оногуры.

Далее следует описание цепочки столкновений и войн, столь типичной для истории кочевников Евразии в самые разные эпохи. Подобные «цепные реакции» всегда заканчивались появлением в степях Юго-Восточной Европы, а иногда и много западнее, очередной волны степняков-завоевателей. По Приску, огуры прогнали с их земель жившие восточнее савиры (сяньби?), а тех, в свою очередь, авары. Все они, в установленной последовательности, появились у границ Византии или её заморских фем. А началась вся эта подвижка на запад степных народов с того, что на тех напал некий неизвестный народ, живший на берегу Океана, т.е., по представлениям античного мира, на краю света. Этот неизвестный народ, живший в стране морских туманов, внезапно стал жертвой грифонов, пожирающих людей, и должен был оставить свою страну.

Если исключить идущий от Геродота и очень популярный в античной и византийской традициях мотив грифонов, явно призванный объяснять необъяснимое, речь у Приска идёт о вполне исторических событиях. Все они подтверждаются позднейшими источниками — византийскими, армянскими, сирийскими. Но наибольший интерес представляют в этой связи сообщения китайских историков о событиях, имевших место в V в. где-то очень далеко на западе, в степях возле Западного моря. До Китая донёсся лишь глухой отзвук этих событий.

(62/63)

В IV-V вв. огромный пласт тюркоязычных огурских племён теле («тележников»), занимавших территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, не обладал никакой политической общностью и был разделён на многочисленные группировки, зачастую враждовавшие друг с другом. Во всяком случае, через триста лет, в надписи уйгурского Бёгю-кагана (уйгуры были частью огурского племенного сообщества), автор, вспоминая эти древние для него времена, сетует: «Тот мой народ затевал многие междоусобные распри и ссоры» (Тэсинская стена, стк. 10) (Кляшторный, 1983, с. 88). Возникновение могущественного Жуаньжуаньского каганата и его неудержимая экспансия на запад в начале V в. оказали решающее влияние на неустойчивый силовой баланс кочевого мира евразийских степей. Западная группировка огуров покинула казахско-джунгарские просторы и перешла Волгу; по представлению китайских историографов, несколько десятков племён теле ушли на запад от Западного моря.

Эти события случились в середине V в. Там, в волго-донских степях, в степных просторах Причерноморья, агонизировали остатки великой империи Атиллы.

Новые пришельцы, огурские племена, оказались в политическом вакууме. Это очень быстро почувствовали за чертой старого римского лимеса, в пограничных фемах Византии. В 463 г. послы огуров, сарагуров и оногуров появились в Константинополе. А три года спустя, одержав победу над племенами гуннов-акациров и утвердившись в Приазовье, они, исполняя условия договора с Константинополем, совершили набег на принадлежавшее персам Закавказье.

В дальнейшем все три племени — огуры, сарагуры (сар огур, «белые огуры»), оногуры (он огур, «десять [племён] огуров») редко действовали совместно, вступая в разные политические коалиции. Именно в этот период из нескольких огузских группировок, при решающей роли оногурских племён, где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар. Само их название (букв.: мятежники, отколовшиеся) указывает, что сложение этого нового союза явилось следствием распада или разделения более раннего объединения огузских племён. В течение нескольких десятков лет болгары были грозой окружающих стран. Если в битве под Сирмиумом в 480 г. болгары спасли Византию от грозного нашествия остготов, то в последующие времена они сами представляли немалую опасность для империи. В 493, 499, 502 гг. болгары вновь и вновь опустошали Иллирию, Мёзию и Фракию. В 514 г. они поддержали мятежного византийского военачальника Виталиана, двинувшегося на Константинополь с берегов Дона.

Во второй половине VI в. болгары подпадают под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Однако ситуация в Причерноморье начала меняться уже в конце VI в., после появления тюрков, нанеших аварам ряд сокрушительных поражений. Авары были резко ослаблены, и только междоусобная война в Тюркском каганате и дипломатическая игра Византии на тюрко-аварской вражде позволили аварам удержать власть в Предкавказье. Вскоре наметившийся военный союз авар с Ираном, направленный против Византии, заставил Константинополь оказать решительную поддержку огуро-болгарским племенам Прикубанья, враждебным аварам. Для этого им-

(63/64)

ператору Ираклию представился очень удобный случай. В Константинополе провёл свои юношеские годы племянник Органы, вождя болгар, Кубрат, принявший там в 619 г. святое крещение. Он с детства был дружен с Ираклием. Ираклий в течение многих лет проводил политику союза с теми степными властителями, которые были готовы к войне с Ираном и его союзниками. Еще в 627-628 гг. под стенами Тбилиси, осаждённого тюрко-хазарским войском, он возложил корону на голову правителя западных тюрков Тон-ябгу-кагана и пообещал ему в жёны свою дочь, принцессу Евдокию, за продолжение войны с Ираном. Ободрил он своей поддержкой и Кубрата.

Под предводительством Кубрата аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. болгарами. Возникло новое государство, Великая Болгария, со столицей в Фанагории, первое Болгарское государство, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (642 г.) 5. [сноска: 5 О дате смерти Кубрата см.: (Оболенский, 1998, с. 72); однако, по другому предположению, Кубрат царствовал до 665 г. (Pritsak, 1955, р. 36, 76), а центр его державы располагался в Южном Поднепровье (Rona-Tas, 2000, р. 1-22).] Пять сыновей

Кубрата поделили между собой болгарские племена и болгарские земли в Предкавказье и Приазовье. Однако, разделившись, они оказались не в силах сдерживать натиск хазар. Большая часть болгар, давно перешедшая к осёдлому и полуосёдлому образу жизни, подчинилась хазарам и составила самую значительную часть населения Хазарского каганата. Те, кто сохранял традиции кочевого быта, ушли на запад и на север. Наиболее известно племя Аспаруха, создавшего Болгарское царство на Дунае (679 г.), вскоре признанное Византией (681 г.).

Ещё одно государство болгар возникло в Среднем Поволжье и Прикамье. Нет никаких сведений о времени и обстоятельствах его возникновения. Предположения на этот счёт колеблются в пределах середины VII в. по середину VIII в. (или даже начало IX в.). Предпочтительнее, впрочем, разделять дату возможного переселения болгар в Поволжье (скорее всего, вторая половина VII в.) и дату возникновения там нового государства, находившегося в вассальной зависимости от хазар. На последнее, в частности, указывает титул государя болгар, зафиксированный мусульманскими источниками, — йылтывар, т.е. эльтебер, древнетюркский титул зависимого от хана главы племени или племенного союза. Этот титул государь болгар носил ещё в начале X в.

Источники довольно единодушны в описании племенного состава Болгарского государства. Кроме собственно болгар упоминаются ещё два племени — сувар и эсгель, равноправные с болгарам, хотя их князья и были вассалами эльтебера. В обоих этих этнонимах без труда прослеживаются уже знакомые савиры (савиры) греческих источников и известное по древнетюркским и китайским источникам огузское (ретросп. огурское) племя изгиль / эзкель. Наряду с болгарскими племенами в состав Болгарского царства входили финно-угры, прежде всего племена югра и вепсов (юра и вису мусульманских источников).

Именно мусульманские источники, наряду с древнерусскими летописями, сохранили наиболее подробные сведения о государстве болгар в Поволжье. В частности, подчеркнуто отмечен такой важнейший в истории болгар фактор, как посредствующее положение между славянами и хазарами. Контроль на верх-

(64/65)

ней части Волжского торгового пути в страны Средней и Передней Азии и главная роль в торговле мехами предопределили относительно быстрое хозяйственное развитие Болгарского царства. Политические и экономические интересы государства подтолкнули одного из болгарских государей, Алмуша (по реконструкции имени О.И. Смирновой — Эль Алмыш), сына Шилки, к принятию ислама. С этой целью было инициировано прибытие в ставку болгарского царя посольства багдадского халифа (922 г.), секретарём и историографом которого был Ахмед ибн Фадлан.

Лишь монгольское завоевание насильственно прервало существование этого процветающего государства в Поволжье, хозяйственные и политические амбиции которого были унаследованы не столько Золотой Ордой, сколько позднейшим Казанским ханством, но в совершенно иной геополитической обстановке (Хузин,

1997).

Ещё более неясна, чем в случае с болгарами, ранняя история хазар, создателей одного из самых могущественных государств на западе евразийских степей. Хазарская традиция в сохранившемся доныне виде почти не содержит воспоминаний о далёком прошлом. Во всяком случае, в письме хазарского царя Иосифа, кроме генеалогического древа потомков Тогармы, замечается, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» (Коковцев, 1932, с. 92).

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов, «живущих в шатрах» (Пигулевская, 1941, с. 163; Czeglédy, 1961, с. 239-246). Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А.П. Новосельцев относит первые появления военной активности хазар к 90-м гг. VI в., но, по мнению М.И. Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. (Новосельцев, 1980, с. 86; Артамонов, 1962, с. 171).

Всё это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феофана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феофана: «...После того, как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» (Чичуров, 1980, с. 61). Здесь, по крайней мере, определены исходные даты — вскоре после смерти Кубрата и исходная территория хазарской экспансии.

Местоположение Берсилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки на этот предмет составлены П. Голденом (Golden, 1980, р. 143-147) и А.В. Гадло (Гадло, 1979, с. 65-68). Берсилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А.В. Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакаци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале VII в., когда барсилы были впервые упомянуты Феофилактом Си-

(65/66)

мокаттой, их коренной территорией был так называемый «Чёрный остров», т.е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсилов, но к концу VII в. ситуация поменялась — хазары полностью подчинили барсилов, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсилов» (Гадло, 1979, с. 62). Представление об изначальной генеалогической близости барсилов и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции (там же).

Ещё более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников — китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племён VII-VIII вв. сочинения, относящиеся к танскому своду источников, упоминают племенное название коса, надёжно реконструируемое синологами как касар / казар (Hamilton, 1955, p. 3). В среднеперсидском тексте из Турфана (Махриамаг, 825 г.), упомянут один из вождей племени — Хазар-тегин (Golden, 2000, p. 292).

Выше была изложена самая общая схема событий V-VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников ещё недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии, в Хангайской горной стране, две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были сооружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника были разбиты и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее, сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бесценной информации не только актуального, но и историографического характера (Klyashtorny, 1982, p. 335-366; Klyashtorny, 1985, p. 137-156). Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата — Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бёгю-кагана — в 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная их идея, казалось бы, парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огузо-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племён)» и «деяти огузских (племён)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль — кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междоусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушений Элей, охватила более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели.

(66/67)

[Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс., стк. 7-8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне

на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган Бумын был выставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «Йолыг-каган... Бумын-каган [эти] три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истощился и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные огузы... [тогда погибли]» (стк. 16-18). Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи (стк. 9-10): «...Из-за вождей бузуков [их народ], придя в неистовство, истощился и погиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истощился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие [междоусобные] распри и ссоры».

Время и пространство междоусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына — это время и пространство Первого Тюркского каганата после смерти Бумына, т.е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. (см. ниже гл. III). Междоусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и завершилась в 603 г. Имена трёх каганов, царствовавших после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования — обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров — её Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхинская надпись, стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи — термин бузук. Сохранённое позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племён) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племён — бузуков и учуков, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племён, одно из которых, ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части, деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на тёлисов и тардушей, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (орду) формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная

(67/68)

древняя структура — деление на дулу и нушиби, восточное и западное объединения племён, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю

возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племён, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена — вождя берсилов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение — и хазары, и берсилы косвенно причислены кучукам, т.е. к западному крылу огузо-огузских племён. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I — первой половины II тысячелетия берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же, как сиры (сеяньто китайских хроник), они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сиры — в 630-647 гг.).

И, наконец, ещё одна особенность цитированных фрагментов — в обоих случаях вождь берсилов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа взаимосвязь между этими племенами была столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской историографических традиций.

Подводя краткий итог наших наблюдений и нашего анализа древнеуйгурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и берсилов / барсилов не только взаимосвязана, но и генетически привязана к огузо-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

[6] Праславяне в Поволжье.

Три этнических блока в течение длительного времени определяют культурную палитру Поволжья, три блока, создавших здесь многообразное единство экологически обусловленных хозяйственно-культурных типов. Их симбиотическая связь и, в то же время, разнообразие цивилизационных устремлений в немалой степени были предопределены направленностью Великого водного пути, теми возможностями, которые открывались и диктовались связующей ролью водной трассы. Эти три главных этнических массива — финно-угорский, тюркский и славянский. Иногда их слияние в бассейне Волги трактуется как относительно недавнее явление, результат исторических событий последнего полутысячелетия. Иногда, напротив, неправомерно преувеличиваются временные и территориальные параметры распространения той или иной эт-

(68/69)

нической группы. Теперь возможно изложить здесь новые выводы о начальном этапе формирования нынешнего поволжского триединства.

Шёл 119 г.х. или 737 г. от Р.Х. Наместник Кавказа и Джазиры, омейяд Марван ибн Мухаммад, окончательно завершивший подчинение Халифату Закавказья, готовился к большой войне с хазарами. В покоренной Грузии наместника

прозвали Мурван Кру «Марван Глухой», так как, по мнению грузин, он не считался с голосом разума и отличался невероятной дерзостью своих замыслов и действий. Армянские нахарары во главе с Ашотом Багратуни присоединились к стодвадцатитысячной сирийской армии Марвана. Вслед за армянами в армию Марвана влились отряды «царей гор», т.е. ополчение северокавказских племён. Двумя отрядами армия формировала горные проходы, вышла на плоскость и штурмом взяла крупнейший хазарский город Самандар.

Дальнейшие перипетии похода относительно подробно изложены арабским историком начала X в. Ибн Асамом ал-Куфи и менее подробно у ат-Табари, ал-Балазури и ал-Йакуби. Разделы об арабско-хазарской войне 119 г. из сочинения ал-Куфи были впервые опубликованы А.З.В. Тоганом в 1939 г. и А.Н. Куратом в 1949 г. (Togan, 1939, p. 296-298; Kurat, 1949, p. 258). Согласно ал-Куфи, главной целью Марвана было принуждение хакана к принятию ислама, т.е. окончательное решение «хазарской проблемы» в контексте борьбы трех держав — Византии, Халифата и Хазарии — за Кавказ и Малую Азию. Поэтому, не удовлетворившись богатой добычей в Самандре, Марван повёл войско в дальний поход к ставке хакана, городу ал-Байда, т.е. «Белому», и осадил его. По мнению Тогана, ал-Байда тождествен позднейшей столице хазар, Итилю, но скорее речь идёт о другой хазарской ставке, Сарыгшине, как это уже предположили И. Маркварт и В.Ф. Минорский (Minorsky, 1996, с. 452-454). Дело в том, что в языках болгарской группы слово сары / сарыг означало белый цвет и арабы просто калькировали название хаканской ставки. Согласно позднейшим источникам, Сарыгшин был расположен в степи.

Вот что пишет ал-Куфи о дальнейших событиях: «Хакан бежал от Марвана и достиг гор. И упорно продвигался Марван с мусульманским [войском] по стране хазар, пока не прошёл с ним [по этой стране] и не оставил [её] позади. Потом он напал на славян (ас-сакалиба) и на соседних с ними неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем подошёл он к реке славян (нахр ас-сакалиба) и стал лагерем». Марван приказал одному из своих военачальников сразиться с выступившим против арабов хазарским войском, возглавляемым полководцем Хазар-тарханом. Этот военачальник, ал-Каусар б. ал-Асвад ал-Анбари, во главе сорока тысяч всадников ночью переправился через реку, внезапно напал на хазар и разгромил их. После поражения хакан отправил в Марвану послов с просьбой о мире, причём посол в ходе переговоров упомянул о хазарах и славянах, убитых и взятых в плен арабами.

После того как арабское войско подошло к ал-Байда, хакан бежал в сторону гор. А.З.В. Тоган считает, что Ибн Асам в данном случае имел в виду Общий Сырт, т.к. путь на юг, к Кавказу, был отрезан арабами. Других гор, по его мнению, поблизости не имеется. Такое толкование текста понадобилось А.З.В. Тогану для доказательства его гипотезы, согласно которой сакалиба — не славяне, а «тюркско-финская помесь» [Togan, p. 296]. Какие именно горы, по мнению

(69/70)

арабских и персидских географов, окружали хазарские города, можно ясно понять из сообщения анонимного автора Худуд ал-Алом (X в.) и карты ал-Идриси (XII в.). По Худуд ал-Алом, горы опоясывают страну хазар от земель хазарских печенегов, кочевавших в Приазовье. В разделе о хазарских печенегах эти горы названы «горами хазар». На современной карте им соответствуют Ергени. По карте ал-

Идриси, «земля хазар» с востока ограничена Итилем (Волгой), а с юга, запада и северо-запада — Хазарским (Каспийским) морем и полукольцом гор (Кавказ, Ставропольская возвышенность, Ергени, Приволжская возвышенность) (Minorsky, 1996, с. 160; Miller, 1926, I, taf. 5).

Следующий этап, отмечающий в рассказе Ибн Асама продвижение арабов, — «река славян», упоминаемая также Ибн Хордадбехом. Т. Левицкий убедительно показал, что «рекой славян» Ибн Хордадбех назвал Итиль (Волгу), которая, как пишет Ибн Хордадбех в другом месте своего сочинения, вытекает «из земель славян». А.З.В. Тоган также приходит к выводу, что «река славян», упомянутая Ибн Асамом, может быть только Волгой (Togan, 1939, р. 296; Lewicki, 1956, р. 76-77; 133-134). Следовательно, преследуя кагана, бежавшего в сторону гор, арабское войско в то же самое время подошло к Волге.

Местом в «земле хазар», где горы сближаются с рекой, является район севернее излучины Волги. Там, по карте ал-Идриси, был расположен хазарский город Хамлидж, в котором, согласно сообщениям Ибн Хордадбега и ал-Масуди, находилось большое хазарское войско, взимавшее пошлину с купцов и закрывавшее путь по Волге для врагов. В этом месте отряд ал-Каусара переправился через реку и на восточном берегу разгромил хазарское войско. Сам Марван через реку не переправлялся. Но, двигаясь на север от ал-Байда в сторону гор, Марван покинул пределы Хазарии, напал на поселения ас-сакалиба, т.е. славян и их иноплеменных соседей, угнал в полон 20 тыс. семей. Речь идёт не о сплошном славянском населении в районе боевых действий, не о 20 тыс. славянских семей (так у ал-Балазури), а о славянских поселениях, вкрапленных в разнородный массив севернее пределов Хазарии.

Эти выводы опубликованы ещё в 1964 г. (Кляшторный, 1964а, с. 16-18). Однако они были поставлены под сомнение только на одном основании — археологически ранние славяне ни в Среднем, ни тем более в Нижнем Поволжье не были тогда выявлены, а точнее, не были опознаны. Прошло два десятилетия, и археологическая ситуация здесь существенно изменилась. Получила вполне определённую этническую атрибуцию открытая ещё в 1953-1954 гг. казанскими археологами Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым так называемая именьковская культура. После раскопок В.Ф. Генингом в 1956-1957 гг. именьковского могильника у с. Рождествено выявился характерный для этой культуры обряд трупосожжения и возникла длительная дискуссия об этнической принадлежности именьковцев. Значительный вклад в дальнейшие исследования внёс П.Н. Старостин, опубликовавший в 1967 г. свод памятников этой культуры (Старостин, 1967). После раскопок больших именьковских некрополей в 70-80-х гг. и нескольких поселений в Ульяновской и Куйбышевской областях был, наконец, накоплен достаточный материал для уверенных выводов.

Именьковская культура IV-VIII вв. создана племенами, основу хозяйства которых составляло пашенное земледелие, до того в Среднем Поволжье не прак-

(70/71)

тиковавшееся, земледелие с очень широким набором зерновых культур. Оказалось, как это впервые показала самарский археолог Г.И. Матвеева, что именьковская культура генетически связана с праславянской зарубинецкой

культурой Верхнего и Среднего Приднестровья (конец I тыс. до н.э. — начало I тыс. до н.э.) и её вариантом — пшеворской культурой. По солидно аргументированному выводу Г.И. Матвеевой, поддержанному и развитому крупнейшим археологом-славяноведом В.В. Седовым, племена именьковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения. Сейчас здесь известно более 600 памятников именьковской культуры, из которых исследованы в разной степени лишь несколько десятков. На рубеже VII-VIII вв. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Приднестровье. Между тем и Г.И. Матвеева, и В.В. Седов не сомневаются, что более широкие раскопки именьковских поселений позволят выявить материалы VIII-IX вв. (Смирнова, Скарбовенко, 1999; Седов, 1994).

Немаловажное значение для атрибуции языковой принадлежности «именьковцев» имеют выводы лингвистов. Ими установлено, что в финно-угорских языках Поволжья и Приуралья (удмуртском, коми, марийском, мордовском) ряд терминов, связанных с земледелием («рожь», «участок земли», «пахотная земля»), были заимствованы из языка балто-славянского круга не позднее середины I тыс. н.э. Но именно с именьковской культурой связано в ту эпоху распространение в Среднем Поволжье прогрессивных форм земледелия и новых зерновых культур, в частности ржи. Таким образом, есть основания полагать, что создатели именьковской культуры говорили на языке (языках) праславянского круга (Napolskich, 1996).

Теперь вопрос о несоответствии сведений письменных источников археологическим материалам снят. Более того, сняты и те сомнения, которые высказывались относительно этнической семантики термина ас-сакалиба в сообщениях арабских авторов о походе Марвана. В их повествованиях речь идёт о масштабном историческом событии — первом и единственном вторжении войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территории к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, где они нападали на поселения славян и других племён, захватывали в полон и переселяли массу полонян в пределы Халифата и, возможно, побуждали к бегству и уходу с насиженных мест немалое число людей.

Вместе с тем, речь идёт также о важнейшем историографическом факте — первой письменной фиксации славянского населения в Среднем и Нижнем Поволжье, первой фиксации сосуществования на этой территории этнически смешанного населения, включающего в себя и значительный славянский массив.

В начале X в. Ибн Фадлан сообщает читателям его рисаля, как титулуется себя владетель Болгарии, носивший хорошее древнетюркское имя Эльалмыш. В наиболее полной форме титула, зафиксированной Ибн Фадланом и несомненно восходящей к болгарской традиции, он именуется «ылтывар (т.е. эльтебер), малик Болгар и амир Слави». Имя и титул царя Болгарии ещё в 1981 г. восстановлены О.И. Смирновой, замечательной исследовательницей, текстологом и нумизматом, но её статья на сей предмет ещё не оценена должным образом (Смирнова, 1981, с. 249-255).

(71/72)

В начале X в. Эльалмыш именуется ылтываром (эльтебером), т.е. вождем, главой племенного союза, а также царём страны болгар и эмиром страны славян.

Ясно, что в X в. титул «амир Славии» был уже таким же анахронизмом, таким же историческим воспоминанием, как упоминание царств Казанского, Астраханского и Сибирского в титуле российских императоров, но воспоминанием, имеющим свою политическую цену легитимности власти.

В XII в. багдадский проповедник и историограф Ибн ал-Джаузи, очень плодовитый сочинитель и собиратель сведений о прошлых событиях в Багдаде, рассказывает, что в июле 1042 г. в Багдад, по пути в Мекку, прибыл некий вельможа из Болгара в сопровождении 50 спутников. Халифский двор оказал ему внимание, его кормили продуктами из дворцовой кухни. В числе сопровождающих был хорезмиец Йа'ла б. Исхак, которого опросили в диване в присутствии кади, т.е. как бы под присягой. В частности, его спросили о болгарях — что они за народ? И хорезмиец ответил: «Это народ по происхождению между тюрками и славянами (рождённый между тюрками и славянами) и страна их на окраине тюркских стран».

И это было последнее смутное воспоминание о древнейшем тюрко-славянском единении на берегах Волги.

III. Империя тюркских каганов.

[Введение.] — 73

Легенды о роде Ашина. — 75

Чёрная Выдра, Анагуй и Бумын. — 81

Общая концепция этнической истории древнетюркских племён. — 85

Наследники Бумына (551-630 гг.). — 89

Удел Истеми-Кагана и евразийская геополитика VI века. — 92

Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья. — 97

Новые каганы в Отюкенской черни. Тюркешский эль в «Стране десяти стрел». — 101

[Введение.]

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращурь — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!».

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах их далёкий потомок Йоллыг-тегин, «Принц счастливой судьбы», первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на «вечном камне», на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам — Бильге-кагану и Кюль-тегину — и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды — в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин Хангая, близ реки Орхон, там, где ставили юрты и строили дворцы властители могущественных империй.

Время сотворения мира совмещено в тексте со временем появления людей, а сотворение «сынов человеческих» предельно

(73/74)

близко ко времени царствования первых тюркских каганов, покоривших «народы четырёх углов света». Почти через двести лет после начала начал, после возникновения Тюркского эля история совместилась с легендой, а величие прошлого было призвано возвышать настоящее.

Что же стояло в реальной истории за патетикой первого тюркского летописца?

В I тыс. н.э. началось постепенное изменение этнической среды в евразийских степях. Преобладание здесь всё более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. н.э. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной Азии и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюркешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой.

Ниже мы познакомимся в самых общих чертах с этнической, социальной и политической историей тюркских народов Центральной и Средней Азии во второй половине I тыс. н.э. Именно в это время возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций. Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков — возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатлённая на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда — после перехода к осёдлой и городской жизни, как, например, в Семиречье и Восточном Туркестане, была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая своё место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы невозможно расчленить на «истории» отдельных племён и народов Великой степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых — древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в начале бронзового века и достигшие расцвета в скифское время, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

[1] Легенды о роде Ашина.

В 1968 г. в Монголии, в 5 км севернее р. Хойто Тамир, был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — четырёхсторонняя стела с согдийской надписью по трём сторонам (лицевой и двум боковым) и остатками санскритской надписи по задней широкой поверхности. По месту находки я назвал стелу Бугутским памятником (монг. Бугут, «Оленья падь»). Вскоре согдийская надпись была прочтена В.А. Лившицем, интерпретирована и издана (Кляшторный, Лившиц, 1971; Klyashtornyĭ, Livšic, 1972). В навершии памятника изображена волчья фигура, которой приданы некоторые «драконьи» черты. Что знаменовал этот странный барельеф на каганской стеле, содержащей эпитафию четвёртого тюркского кагана Таспара и рассказ о временах и правителях, ему предшествовавших и ему близких? Ответ на этот вопрос содержится в генеалогических легендах о происхождении царского рода (племени) тюрков — Ашина.

В китайских династийных историях Чжоу шу, Бэй ши и Суй шу, которые мы не раз уже цитировали, воспроизведены две легенды, посвящённые этому сюжету. Они записаны со слов самих тюрков, чьи посольства не раз посещали столицы китайских Северных дворов и тщательно опрашивались чиновниками внешнеполитических ведомств. В китайских записях отмечено, что эти генеалогические повествования рассказаны разными людьми и, очевидно, в разное время. Наиболее подробно легенды изложены в Чжоу шу. Для самих тюрков оба повествования и были подлинной историей их предков. Действительно, обе легенды, наряду с мифологическими сюжетами о звере-прародителе, содержали вполне конкретные сведения о военных и иных событиях, местах, где эти события совершались, об именах древних вождей и о приписываемых им способностях и деяниях, иногда вполне реалистических, а иногда и уводящих слушателя (читателя) в мир чудес и волшебства.

Согласно первой легенде, предки правящего рода тюрков, жившие на краю большого болота (по Бэй ши и Суй шу — на правом берегу Сихай «Западного моря»), были истреблены воинами соседнего племени, а по переводу Б. Огеля — «воинами государства Линь», которых он отождествляет с одним из сяньбийских племён (Ögel, 1957, p. 103-104).

В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему отрубили ноги), которого спасла от смерти волчица. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших последнего из истреблённого племени, волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис), т.е. в горы Восточного Тянь-Шаня. Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасённый ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды; их потомки принимают родовые имена матерей. Один из сыновей носит имя Ашина, и его имя становится именем его рода. Вождём нового племени, составленного из родов десяти потомков волчицы, стал Ашина, который оказался способнее своих братьев. Впоследствии число родов увеличилось до нескольких сот. Вождь племени, один из наследников Ашина, Асянь-шад, вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они

становятся подданными жуаньжуаней, добывая и обрабатывая железо. На Алтае, вобрав в свой состав местных жителей, племя принимает наименование тюрк, которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор.

В этой легенде особый интерес вызывают места происходивших событий, сохранённые в тюркской традиции и идентифицированные китайским историографом согласно его географической номенклатуре. Если упоминания «гор севернее Гаочана», т.е. горных хребтов Восточного Тянь-Шаня, прилегающих с севера к Турфанскому оазису в долине р. Тарим, а также другое упоминание, Циньшань «Золотые горы», т.е. Монгольский и Горный Алтай, Большой Алтай, давно и без каких-либо сомнений отождествлены, то с названием Сихай «Западное море» дело обстоит сложнее. Кроме поименования нескольких различных озёрных и морских акваторий, расположенных западнее собственно Китая (Куку-нор, Арал, Каспий), Сихай назывались некоторые административные округа. Так, в I в. до н.э. — VIII в. н.э. название Сихайцзюнь «наместничество Сихай» носила область на границе Западного Цинхя — юго-восточной части Ганьсу. Для IV-V вв. это название уверенно локализуется применительно к обширной дельте р. Эдзин-гол (предгорья Гобийского Алтая), протоки которой впадают в озера Гашун-нор и Сого-нор, окружённые множеством мелких озёр и солончаковыми болотами; в указанное время округ Сихай был частью провинции Лян, включавшей большую часть Ганьсу, Турфанскую депрессию на северо-западе, Синин на юге (Mather, 1959, p. 75, 88). Тем самым определяется географическое пространство легенды — оно ограничивается на первом этапе ганьсуйско-гаочанской предгорной зоной, примыкающей на северо-западе к Восточному Тянь-Шаню, а на втором этапе — горами и долинами Большого Алтая.

По второй легенде, предки правящего рода тюрков происходят из «владения Со». Лю Маоцзай и Б. Огель достаточно уверенно идентифицируют «владение Со» с территорией одного из сяньбийских племён, носившего то же название (Liu Mau-tsai, 1958, Bd. II, S. 489; Ögel, 1957, p. 103-104). Глава племени, Абанбу, имел семнадцать братьев, один из которых, Ичжинишиду, назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду, его род оказался в наиболее благоприятном положении. Один из его сыновей стал «белым лебедем» и основал владение Цигу (один из вариантов имени кыргызы), расположенное между реками Афугу и Гянь (Абакан и Кем, т.е. Верхний Енисей). Третий сын правил на реке Чжучже, а старший сын, Нодулу-шад, поселился в Цзянсы Чжучжеши (вариант: Басычусиши). К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жён, сыновья которых носили родовые имена матерей. Сыном его младшей жены был Ашина. После смерти Нодулу-шада его сыновья решили, что вождём племени станет тот из них, кто окажется более сильным и ловким, чем другие. Победил в состязании Ашина, который, став вождём, принял имя Асянь-шад. Ему наследовал его сын или племянник Туу. Сын Туу, Тумынь (Бумын рунических текстов) стал основателем государства.

По Тан шу: «Прародителем западных тюрков был Туу, внук Нодулу. Он прозывался великий ябгу. Тумынь был старший сын Туу» (Liu Mau-tsai, 1958, Bd. II, S. 490). Следовательно, Асянь-шад, сын Нодулу, мог быть отцом или дядей Туу.

Автор раздела о тюрках в Чжоу шу отмечает, сравнивая обе легенды: «Хотя это сообщение отличается от другого (т.е. от первой легенды. — С. К.), они совпадают в том, что тюрки происходят от волчицы» (Liu Mau-tsai, 1958, Bd. I. S. 6). Однако, этим не ограничивается сходство обоих вариантов генеалогического мифа тюрков. И в той, и в другой легенде говорится о гибели племени (владения), к которому принадлежали отдалённые предки тюрков, о бегстве (расселении) того (тех), кто спасся, о первоначальном десятиродовом составе племени (в одном случае — по числу сыновей волчицы, в другом — по числу жён внука волчицы, сыновья которых носили родовые имена матерей), о выдающейся роли Асянь-шада в истории племени, о сравнительно позднем возникновении этнонима тюрк, который принимает род Ашина и подвластные ему роды. В остальном обе легенды фиксируют внимание на частных моментах этой эпопеи, различно освещённых в каждой из них. Возможно предположить, что здесь скорее следует видеть два варианта легенды, восходящих к общему архетипу, с разной степенью подробности воспроизведённых китайским хронистом, чем две самостоятельных по своему происхождению легенды.

Мотив «пещерного рождения» предков, отсутствующий в китайском пересказе второй легенды, имеет, тем не менее, иные веские подтверждения, прежде всего в китайских описаниях обрядовой жизни тюрков. Согласно Чжоу шу «каган постоянно проживает в горах Юдугень (Отюкен йыш «Отюкенская чернь» рунических текстов. — С.К.). Ежегодно, в сопровождении вельмож, он приносил жертву в пещере предков» (Pelliot, 1929, p. 214).

Неожиданно возможность перекрёстной проверки китайских известий о связи культа пещеры с культом предков у тюрков даёт воспроизведённая ал-Бируни легенда о происхождении тюркской династии шахов Кабула: «У индийцев были в Кабуле цари из тюрков, происходивших, как говорили, из Тибета. Первым из них пришёл Бархатакин. Он вошёл в пещеру в Кабуле, в которую нельзя было войти иначе как боком или ползком. Там была вода, и он положил туда еду на несколько дней. Пещера эта известна до сих пор и называется Вар... Через несколько дней после того, как Бархатакин вошёл в пещеру, вдруг выходит кто-то из неё, когда люди были в сборе и видели, что он как бы рождается из чрева матери. Он был в тюркской одежде, состоявшей из каба, высокой шапки, башмаков и оружия. Народ воздал ему почести как чудесному существу, предназначенному на царство, и он воцарился над теми краями с титулом кабульского шаха. Царство оставалось за его сыновьями в течение поколений, число которых около шестидесяти» (Бируни, 1963, с. 359-360).

Краткий вариант этой же легенды ал-Бируни повторяет в своей «Минералогии»: «Жители Кабула в дни невежества верили в то, что Барахмакин, первый из их тюркских царей, был сотворён в некоей тамошней пещере, называемой сейчас Бугра, и вышел оттуда в царской шапке (калансува)» (Бируни, 1963а, с. 27).

По сведениям Сюань Цзана, область Каписы, куда входил и Кабул, была завоёвана западнотюркским Тон ябгу-каганом (т.е. между 618-630 гг), после чего в Южном Афганистане, по всей вероятности, утвердилось несколько тюркских владетелей из рода Ашина (Chavannes, 1903, p. 24; Göbl, 1967, p. 256-

(77/78)

258). После распада Западнотюркского каганата в середине VII в. они сохранились и обрели самостоятельность. В Кабуле они носили титулы кабул-шах, тюрк-шахи, шахи-тигин.

Обращаясь к реалиям легенды, следует отметить, что только вариант ал-Бируни очевидно обнаруживает связь «пещерного» рождения с правом на царскую власть, связь, менее ясно проявлявшуюся в китайском варианте записи легенды. Ж.-П. Ру связывает рождение в пещере с древним культом пещеры-матери, рождающей предка (небесного зверя) (Roux, 1966, p. 286-287). Однако мотив зверя как будто отсутствует в варианте ал-Бируни. В этой связи привлекает внимание имя её героя — Барах-тегин. Слово *barah* ~ *baraq* имеет совершенно ясную семантику в тюркских языках: «лохматый, покрытый густой шерстью», «лохматая собака» (так у Махмуда Кашгарского) (ДТС, с. 83). Альтернатива волк ~ собака довольно часто отмечается в сказаниях многих тюркских и монгольских народов, но в данном случае совершенно не исключено синонимическое обозначение волка (*böri*), поскольку табуированные имена предков и старших родственников обычны в тюркской ономастике.

С учётом этимологии имени Барах-тегина, можно сделать вывод о сохранении в раннесредневековом Кабулистане древнетюркского каганского культа пещеры, тесно связанного с генеалогическим династийным (resp. племенным) культом зверя-прародителя.

Поздняя реминисценция древнего центральноазиатского сказания, сохранённая ал-Бируни, яснее, чем ранние китайские записи древнетюркской легенды, свидетельствует о социальной переориентации родоплеменной мифологии, впитавшей в себя идею сакральной легитимизации ханской власти (resp. власти военных вождей племени).

Исторические сведения, относящиеся к «доалтайскому» периоду существования племени тюрк наиболее полно сохранены в Суй шу: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было Ашина. Когда северовэйский император Тай У-ди уничтожил Цзюйцюй (439 г.), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жужу (жуаньжуаням). Они (племя ашина) жили из рода в род у гор Циньшань (Алтай) и занимались обработкой железа» (Liu Mau-tsai, 1958. bd. I, s. 40). Это сообщение Суй шу тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина), с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308-460 гг.

Проникновение гуннов в Пинлянь и Хэси началось в первой половине II в. до н.э. Оттеснив на запад, в Семиречье и Среднюю Азию, автохтонное население — юэчжей и усуней — гунны, однако, не удержались на захваченной территории — начавшаяся в годы правления У-ди (140-87 гг. до н.э.) китайская колонизация Хэси и бассейна Тарима вынудила их отступить на север. Миграция юэчжийских и усуньских племён не была полной — ещё в V в. н.э. некоторые из них упоминаются в пределах племенной территории (Haloun, 1937, p. 280, 284-285, 293-297). В 25-55 гг. н.э. в Хэси, под защиту Великой стены, бегут многие роды разгромленных гуннами динлинов, ухуань и сяньби. Массовое переселение гуннских племён в этот район началось в 265 г., когда «на границе за Великой

стеной (роды) Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие, 20 000 слишком семейств приняли (китайское) подданство. Император, при-

(78/79)

няв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова (они) смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пинян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин, во всех округах не было (округа), где не было бы гуннов» (Цзинь шу, цз. 97 цит. по: Бернштам, 1951, с. 220).

После распада Цзиньской империи в Хэси и Гаочане утвердилось китайская династия Ранняя Лян. В 376 г. Северный Китай на несколько лет был объединён династией Раннее Цинь, но уже в 385 г. полководец этой династии Люй Гуан создал в Хэси независимое царство Поздняя Лян (385-403 гг.), протекторат которого распространялся на Гаочан и некоторые другие оазисы Таримского бассейна. К началу V в. гунны Ордоса, возглавленные племенем хэлян, захватили северную часть Шэньси и Пиньлян. Их вождь, Хэлянбобо, создал здесь царство Ся (407-431 гг.), последний государь которого погиб в борьбе с сяньбийским племенем тугухунь, а земли — захвачены вэйским императором Тай У-ди. Племя хэлян и примыкавшие к нему гуннские племена частью подчинились табгачам, частью бежали на запад, в Хэси, где в 397-401 гг. гуннским князем Цзюйцзюй Мэнсюнем была основана династия Северная Лян (территория Хэси и Гаочан). В 439 г. Тай У-ди захватил Хэси, но двое из сыновей Мэнсюна — Ухой и Аньчжоу — с 10 000 семейств бежали в Шаньшань (район Лоб-нора), а затем в Гаочан, где, опираясь на союз с жуаньжуанями, продержались до 460 г. В 460 г. этот союз был нарушен; по сообщению Цзычжи тунцзянь «жуаньжуани напали на Гаочан, убили Цзюйцзюй Аньчжоу и уничтожили род Цзюйцзюйев».

Сведения о связях племени ашина с гуннскими племенами Пиньляна и Хэси в сопоставлении с тюркскими генеалогическими легендами делают весьма вероятным предположение, что это племя иммигрировало в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую стену гуннских и зависимых от гуннов племён Центральной Азии и Южной Сибири. За время обитания в Пиньляне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некуитайского и негуннского населения страны («смешанные ху»; ср. мотив женитьбы на турфанских женщинах в первой легенде). После разгрома государства Цзюйцзюйев в Хэси, ашина вместе с Ухоем и Аньчжоу бежали в Гаочан, где вскоре (после 460 г.) попали под власть жуаньжуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование тюрк, а старое название племени стало династийным именем правящего рода.

Очевидно, что следует отказаться от традиционной реконструкции ранней истории племени ашина (тюрк), согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири, а специфические особенности социальной организации и культурные традиции тюркского общества не выходили за пределы норм и представлений, носивших строго региональный характер.

Таким образом, возможно выделить два основных этапа ранней истории племени тюрк (ашина): ганьсуйско-гаочанский (265-460 гг.) и алтайский (460-553). Не отрицая возможной связи предков ашина с Алтаем и Сибирью до момента

миграции на юг от Великой стены, следует помнить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племён, возглавленная

(79/80)

вождями из рода Ашина — Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем, которая в 551-555 гг. нанесла смертельный удар Жуаньжуаньскому каганату.

Естественно, специфика ранних этапов истории племени ашина не могла не проявиться и в раннем слое лексических заимствований, сохранённых древнетюркским языком и отражённых в древнетюркской письменности. Мы не раз обсуждали эту тему (Кляшторный, 1964; Кляшторный, 1966 [д.б.: 1965]) и не будем к ней возвращаться. Однако, одно слово требует специального исследования и объяснения. Это слово — самоназвание (имя) рода (племени) и его предка-основателя, имя, ставшее названием династии. Это имя — Ашина.

Известное в китайской иероглифической передаче, оно обычно предшествует личным именам каганов и их родичей. По реконструкции С.Е. Яхонтова (личная консультация), иероглифы, составляющие китайскую транскрипцию имени, читались в интересующее нас время как âsinâ ~ âsəpâ, т.е. так же, как в настоящее время. В отличие от китайских источников памятники на тюркском языке нигде не называют имя Ашина в подобной или близкой по звучанию форме. Даже в тех разделах надписей, где содержатся имена первых каганов, их родовое имя не упомянуто. Его единственное упоминание за пределами китайских текстов — в согдоязычной Бугутской надписи.

Ситуация представляется несколько необычной и заставляет искать объяснения, одним из которых может быть иное, чем то, которое фигурирует в китайских источниках, обозначение в тюркских надписях правящего рода тюрков. В таком случае подсказать решение могла бы этимология имени Ашина.

Тюркские этимологии этого имени обычно возводятся к глаголам аш = «переваливать гору» (П. Будберг) или еш = «скакать, прыгать» (К. Сиратори) (Boodberg, 1979, p. 77-78). Случайность обоснований делает эти попытки неубедительными. Остановимся на трёх сравнительно новых гипотезах.

1. Гипотеза С.Г. Кляшторного (Кляшторный, 1964). Поскольку и тюркские легенды, и собственно китайская информация связывают происхождение имени Ашина с родовой ономастикой автохтонного населения Восточного Туркестана, исходную форму имени следует искать в местных иранских или тохарских диалектах. В качестве одного из возможных гипотетических прототипов предложено хотаносакское asapa «достойный, благородный». Пример, однако, неудачный, так как китайская передача второго гласного предполагает лишь i-ə.

2. Гипотеза Х.В. Хауссига (Haussig, 1979). В историческом труде византийца Феофилакты Симокатты, завершённом около 602 г., упоминается война в Тавгасте, т.е. в Китае, которую вели между собой «красноодежные» и «черноодежные». Хауссиг переносит место военных действий на южный берег Амударьи, идентифицирует «красноодежных» с кермихионами-эфталитами, а «черноодежных» — с тюрками, весь эпизод он рассматривает как сообщение о

тюрко-эфталитской войне. По мнению Хауссига, тюрки названы «черноодежными» по своему царскому роду Ашина, имя которого он сближает с древнеперсидским *axšaena* «тёмноцветный».

3. Гипотеза К. Беквиса (Beckwith, 1987). В сохранившихся фрагментах труда византийского историка конца VI в. Менандра Протектора содержится следующая фраза: «Старейший единоподержавец турков прозывается Арсила (Αρσίλας)». Обычно это имя трактуется как искажение тюркского *arslan*. Беквис же полагает, что Арси-

(80/81)

ла — родовое имя тюркских каганов, транскрибируемое в китайских источниках как Ашина. Эта историографическая гипотеза предполагает, однако, две фонетические натяжки, каждая из которых маловероятна: пропуск -г- и передача -п- через -л-.

В каждой из этих трёх гипотез содержится рациональное зерно и есть, как очевидно, слабые стороны. Наиболее общим для двух первых предположений является вывод, что тюркская этимология имени Ашина маловероятна, а иранская или тохарская, в особенности связанная с Восточным Туркестаном, напротив, предпочтительны. Если обратиться к древней царской ономастике Восточного Туркестана, то следует отметить присутствие там цветовых обозначений. Так, царский род Кучи именовался «белым» (тохарское *A kutsi*, санскр. *arjuna*, китайская калька 白) (Bailey, 1937, p. 900).

В таком контексте историографически неоправданная гипотеза Хауссига в той части, где он предполагает связь между именем рода Ашина и древнеперсидским *axšaēna*, может получить вполне удовлетворительную этимологическую разработку. Если даже ограничиться восточнотуркестанской сюжетикой, то искомая форма представлена в согдийском *'xs 'yn 'k* (-əxšēnē) «синий, тёмный»; в хотанско-сакском (письмом брахми) *āṣṣeīṇa* (-āṣṣeṇa) «синий», где долгое -ā- появилось как развитие *axš-* > *āṣṣ-*; в тохарском *A āśna-* «синий, тёмный» (из хотанско-сакского или согдийского). Именно сакская этимология слова ашина (<*āṣṣeīṇa* ~ *āṣṣeṇa*) со значением «синий» является фонетически и семантически безупречной. Последнее утверждение нуждается, впрочем, в текстологическом подтверждении.

В больших орхонских надписях, в повествовании о первых каганах, народ, населявший вновь созданную империю, назван *kök türk* — в обычном переводе «голубые (синие) тюрки». Не касаясь многочисленных интерпретаций слова *kök* в этом сочетании, отметим его идеальное семантическое совпадение с реконструированным здесь значением имени Ашина. Явное калькирование имени предполагает не утраченное знание его первоначального смысла и чужеродного происхождения, вполне совместимого с полиэтническими слагаемыми культуры Первого Тюркского каганата, утратившими, однако, популярность в «национализированной», по выражению Л. Базена, политической и культурной среде Отюкенской ставки эпохи Бильге-кагана.

Итак, упоминание в орхонских памятниках сочетания **kök türk**, переводимого мною как «кёки и тюрки», «ашина и тюрки», позволяет констатировать присутствие в текстах имени царского рода тюрков и возможное осознание ими, во всяком

случае для почти легендарного времени первых каганов, двусоставного характера тюркского племенного союза.

[2] Чёрная Выдра, Анагуй и Бумын.

В последней трети V в. империя Тоба Вэй была в зените своего могущества. Император Тоба Хун, пытаясь сгладить неизжитые противоречия между своими китайскими подданными и своими соплеменниками-табгачами, всё более

(81/82)

содействовал своими указами росту влияния китайской аристократии на государственные дела. Сама династия приняла китайскую фамилию Юань, а ставка императора была перенесена в древнюю столицу — Лоян. Прошло три десятилетия, и глухое недовольство табгачей-сяньбийцев растущей значимостью китайцев взорвалось мятежом. В 523 г. в шести северных наместничествах империи, где были расселены табгачи и другие их сяньбийские сородичи, началось восстание, которое, то утихая, то вспыхивая вновь, привело к гибели династии и её приверженцев (534 г.). Власть перешла в руки сяньбийских вождей, сделавших принцев из вэйской династии подставными правителями двух вновь созданных государств — Западной Вэй со столицей в Чанъани и Восточной Вэй со столицей в г.

Разразившаяся в 537 г. война между двумя частями некогда единой империи оказалась тяжёлым испытанием для обоих табгачских государств и заставила их вождей искать себе новых союзников.

В Западной Вэй шел 8-й год эры Датун. Бессильный и безвластный император Вэньди царствовал, но не правил. Его дворец в Чанъани, где он принимал иноземных послов, был лишь символом имперского величия. Послы подносили диковинные дары и рассказывали о своих странах, своей вере и своих календарях. Послы из Дацинь — Византии считали тот год 542-м со дня рождения Мессии, именуемого ими Христом.

Подлинным правителем царства был Юйвэнь Тай по прозвищу Чёрная Выдра. Сам из племени сяньби, он скромно именовал себя первым советником императора. Впрочем, жизнь в императорском дворце его не привлекала, и Чёрная Выдра учредил свою ставку в горном округе Хуа.

Год Собаки (Чёрная Выдра предпочитал степной календарь) был тревожен. Не прекращалась вражда с Восточной Вэй и южным царством Лян. Но более всего беспокоила Чёрную Выдру протяжённая степная граница на севере. Там, за рекой Хуанхэ, жили родственные сяньбийцам монголоязычные жуаньжуани. Их ещё недавно дружественный каган Анагуй вдруг начал переговоры с Восточной Вэй о брачном и военном союзе. А тут ещё сообщение с западной границы — на округ Суйчжоу, что в излучине Хуанхэ, напало кочевое племя, называвшее себя тюрк.

Вот уже несколько зим, как только река замерзала, тюркские отряды переходили её по льду. В этом году племянник Чёрной Выдры отразил набег одной лишь демонстрацией силы. Но ведь вчерашний враг мог стать завтрашним союзником,

а опора в степи стала для Западной Вэй крайне нужна. И вэйский правитель приказал собрать и представить ему все сведения о тюрках. То, что он узнал, попало в анналы правящей династии и после нескольких редактур стало главным источником сведений о древнейшем периоде тюркской истории.

Раньше тюрки жили далеко на запад от китайской границы, в южных предгорьях Алтая. Восемь лет назад, в год Барса (534 г.), их вождем стал Бумын, унаследовавший от отца титул «великий ябгу», т.е. «великий князь». Формально он считался вассалом жужаньского кагана и посылал в его ставку дань железом из своих алтайских рудников и плавилен. В действительности же Бумын пере-

(82/83)

стал считаться со своим сюзереном и продвинул владения тюрков далеко на восток. Тюрки появились на берегах Хуанхэ и поначалу вели себя мирно. На пограничных китайских рынках они выменивали лошадей на шёлк и зерно. Пограничные чиновники не поощряли торговлю, шедшую мимо их рук, и чинили препоны. Тогда и начались зимние набеги.

В 542 г., когда тюрки распространили свои владения от Алтая до берегов Хуанхэ, Чёрной Выдре предстояло определить — кого из степных соседей он предпочтёт для заключения военного союза. Альтернативой были многочисленные и многолюдные племена, которых китайцы именовали гаоцзюй, т.е. «высокие телеги», а монголоязычные жужане на своем наречии называли их тегрег «тележники» (в китайской транскрипции теле). Сами себя они называли огурами/огузами. Позднее их племена возглавили уйгуры, но в VI в. огузы не имели лидера. Не отличаясь от тюрков ни по языку, ни по образу жизни, огузы в противоположность тюркам не были консолидированы властью одного вождя и часто враждовали друг с другом. Мятежные подданные кагана Анагуя, они регулярно восставали против жужан и каждый раз терпели неудачу. В 542 г. жужанами был подавлен очередной мятеж огузов. Вождь, возглавлявший восстание, бежал в столицу Восточной Вэй. Там он был обласкан и обнадёжен. Для Западной Вэй союз с огузами стал невозможен.

Чёрная Выдра принял решение и стал готовить посольство к тюркам. Он учёл информацию об иранских генеалогических связях царского рода Ашина. Во главе посольства был поставлен согдиец из бухарских выходцев, живших на крайнем западе Китая, в одном из торговых центров на Шёлковом пути. В год Быка, т.е. в 545 г. от Р.Х., посольство прибыло в ставку Бумына. С этого момента государство тюрков, получив признание одной из крупнейших держав того времени, обрело международный статус. Вот как описывает китайский историограф состоявшееся событие: «Тюрки поздравляли друг друга и говорили: „Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!“». В следующем году тюркское посольство прибыло в Чанъань. Военный союз состоялся.

Обретя столь сильную опору на юге, Бумын начал покорение севера. Первыми были покорены 50 тысяч семей огузов. Объединёнными силами Бумын обрушился на главного врага, на жужан. Их государство было уничтожено, Анагуй кончил жизнь самоубийством. В 551 г. Бумын был поднят на белой кошме и провозглашён каганом Тюркского эля. Начался отсчёт дней новой империи Великой степи.

Бумын умер в 552 г., вскоре после женитьбы на китайской принцессе из вэйского

дома. Его брат и соправитель Истеми-каган начал завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, на Волгу, на Северный Кавказ. А сыновья Бумына, Муган-каган и затем Таспар-каган, утвердили господство династии в Центральной Азии и Южной Сибири. Оба северокитайских государства стали фактическими данниками Тюркского эля, и Таспар-каган насмешливо именовал их государей «сыночками», т.е. вассалами. Часть жуаньжуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие — на запад.

Много позже этих событий, весной 596 г. стратит Приск был назначен командующим византийской армией на Западе для войны с аварами и перешел Истр (Дунай). Посол аварского катана потребовал объяснений, так как был на-

(83/84)

рушен договор о разграничении владений. Но Приск ответил послу, что Нижняя Мёзия — древняя ромейская земля, а катан аваров — всего лишь «беглец с Востока» (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 159). А в 598 г., тюркское посольство к византийскому императору Маврикию привезло письмо, пересказ которого содержится в Истории Феофилакта Симокатты. В письме, написанном от имени кагана тюрков, «были описаны с великими восхвалениями все его победы» (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 159). Упомянуты далее победы над абделами (эфталитами) и аварами, но тут же Феофилактом оговорено, что речь идёт не об аварах, «живущих в Европе и в Паннонии» (их Феофилакт назвал псевдоаварами), а об аварах, живущих близ Тавгаста, т.е. Табгача. Табгач — тюркское название Северного Китая и его населения. Согласно пересказу Феофилакта, авары частью бежали от тюрков в Тавгаст, а часть нашла убежище на униженных условиях у народа Мукри. Название Мукри (китайское Гаоли, санскритское Mukuri), упомянутое и в древнетюркских рунических текстах как Böklî, было передачей названия северокорейского государства Когурё (Кляшторный, 1964, с. 23).

Эта часть письма кагана совершенно точно указывает два основных направления бегства жуаньжуаней после их поражения и косвенно подтверждает тождество «азиатских» аваров с жуаньжуанями или какой-то частью жуаньжуаней.

Затем каган «подчинил себе людей племени огор. Это одно из самых сильных племён в силу своей многочисленности и благодаря военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там где течёт река Тил, которую тюрки обыкновенно называют Чёрной. Древнейшими вождями этого племени были Уар и Хунни» (Феофилакт Симокатта, с. 160). В этом фрагменте конденсируется максимум значимой информации об огурских (огузских) племенах середины — второй половины (Тил, Итил) и Чёрным Иртышем. Феофилакт объединяет названия обеих рек в одно, но путаница очевидна — речь идёт о восточном и западном пределах страны огоров (огуров).

И, наконец, сообщается о подчинении огоров в прежние времена аварам и гуннам («древнейшие вожди Уар и Хунни»), что полностью совпадает с информацией о ранней истории гаоцзюйских (огурских) племён. Мы ещё вернемся к тексту Феофилакта, пока же отметим существенную значимость его информации, несмотря на некоторую путаницу при её вольном пересказе.

Включив в состав своих орд многочисленные позднегуннские племена Поволжья,

Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558-568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная своё государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин тюрк получил широкое распространение. Согдийцы передавали его как турк, согдийское множественное число — туркут, «тюрки». Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (туцзюе — тюркют), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве

(84/85)

согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем термин тюрк фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, в тибетский.

До создания каганата слово тюрк означало лишь название союза десяти (позднее двенадцати) племён, сложившихся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении тюрк бодун; слово бодун как раз и означает совокупность, союз племён (из бод, «племя»), народ, состоящий из отдельных племён. Еще в середине тюрк было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом, — Тюрк эль. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. В более широком смысле термин тюрк стал обозначать принадлежность различных кочевых племён к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Позднее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX-XI вв., где слово турк появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства (Бартольд, 1968, т. 5, с. 584). Именно в арабской литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племён. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка не проявлялась. Так, в русских летописях 985 г. упоминается племя торков (т.е. тюрков), но это лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, чёрными клоабуками, половцами.

Последовательному изложению политической и социальной истории древнетюркских государств теперь, после прояснения основных понятий, с ними связанных, предстоит предпослать хотя бы самый общий набросок этнической истории тех племён, которые, в сущности, сформировали мир древнетюркских кочевников

[3] Общая концепция этнической истории древнетюркских племён.

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т.е. территории формирования этих этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних

цивилизаций, ни от горно-таёжных и степных племён иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую степь. Отличительной чертой этногенетических процессов

(85/86)

в Великой степи был их дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших её племён. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и Средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родоплеменной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобретали определённую направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад.

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому приходится ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих и ярко очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако связь последних с гуннами, несмотря на определённую тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна. К настоящему времени достаточно определённо выявилось различие между «неалтайской» (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования.

Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в VI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют, тем не менее, кроме собственно тюркской генеалогии, обнаружить истоки ещё трёх племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза кыргызов, кыпчаков и теле (огузов).

Обычно интерпретируются две записанные в Чжоу шу и Бэй ши легенды о происхождении тюрков. Обе они являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающей последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в

Китае генеалогии — это группа цигу, т.е. енисейских кыргызов, группа «белого лебедя», отождествляемая мною с кыпчаками, и группа теле, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р. Чжучже.

(86/87)

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства. Во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племён, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда ещё ощущалось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во-вторых, по счёту поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в. или, возможно, IV-V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство даёт возможность обратиться к сохранившимся фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в III-V вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская и, возможно, раннекыпчакская. Так, в таштыкской культуре III-V вв., сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших развитие в культуре енисейских кыргызов. Памятники берельского типа на Горном Алтае (III-V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннетелеские. В синхронных памятниках Северного Алтая, по-видимому являющегося центром сложения верхнеобской культуры, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры раннесредневековых кыпчаков. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гуннского времени, но в III-V вв. древнетюркские культуры уже обособились как проявления самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменных традиций и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как этап легендарных предков.

В середине VI в. четыре основных группировки древнетюркских племён вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашинами, [видимо, неудачная редакция, д.б.: «тюрками-ашина», ср. выше] и тем самым было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной Азии — этапу архаических империй (VI-IX вв.).

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация процессов выделения господствующих и подчинённых групп населения), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на всю Великую степь и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации). Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром.

Образование тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные социально-политические структуры, предопределили постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками, этнических процессов на территории Центральной Азии.

(87/88)

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм, т.е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес — им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после её распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого иному культурному миру. Вместе с тем в Семиречье, Восточном Туркестане и отчасти в Среднеазиатском Междуречье обозначились совершенно отличные от выше отмеченных процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские нации.

Центростремительные и центробежные процессы, сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широко распространённые по всему степному поясу во второй половине I тыс. н.э. формы предметов материальной культуры (сёдла со стремянами, сложносоставленные луки, трёхпёрые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отражённых в погребальном обряде, формы памятников изобразительного искусства. С другой — достаточно чётко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Так могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором, — культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сроткинская, т.е. кимакско-кыпчакская культура Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается по характеру распространения инноваций — с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. в Центральной Азии и степной части Юго-Западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане в рамках общих для тюркской этнической среды процессов происходило сопряженное формирование культурных традиций, связанных с собственно тюркским, огузским, кыргызским и кыпчакским этногенезом.

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племён консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов. Кимакско-кыпчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейн Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. Кыргызы, раздвинув границы своего енисейского государства,

освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX-X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе — могильник Узун-Тал и другие погребальные памятники енисейских кыргызов, открытые за последние годы на Гор-

(88/89)

ном Алтае; кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племён в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета всё более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине VIII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. Тюрки, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центральноазиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в. после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь — потомки тюрко-огузских племён Западного каганата, теснимые карлуками, — тогда же формирует государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчётливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой степи — этапу варварских государств, преобразующихся в раннефеодальные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную специфику тюркских протонародностей раннего Средневековья.

Вместе с тем резко изменилось соотношение внутренних и внешних факторов, определивших направленность этнокультурных процессов. Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских компонентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой — иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской, славянской. Обе линии этнического развития — привнесённая центральноазиатская и местная субстратная — по-разному проявились в расогенезе, культуругенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов.

[4] Наследники Бумына (551-630 гг.).

Муган-каган (правил в 553-572 гг.), наследник Бумына и Кара-кагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. По словам китайской летописи, он «привёл в трепет все владения, лежащие за границей (Великой стеной. — С.К.). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспия. — С.К.) до десяти тысяч

ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби. — С.К.) на север от Северного моря (Байкала. — С.К.) от пяти до шести тысяч ли, всё сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 229). Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских

(89/90)

Рис. 8. Бугутская стела. VI в. Фото автора

государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (правил в 572-582 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 60-х гг. VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая и ведёт борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581-588 гг. раздробленный

(90/91)

до того Китай был объединён под властью династии Суй (581-618 гг.); осуществлённые там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном роду Ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «Вместо хлеба употребляли растёртые в порошок кости» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 229). Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581-583 гг., новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — всё это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582-603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись всё это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (правил в 609-619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъём его политического могущества. Гражданская война в Китае (613-618 гг.) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618-907 гг.), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (правил в 620-630 гг.) возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Давно минули времена, когда весь тюркский племенной союз видел в набегах нормальный и доходный промысел. Восьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привёл к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заинтересована не в походах за рабами и драгоценностями, не

в дани шёлком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над варварами, монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определённом этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в её военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620-629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабже-

(91/92)

ния огромной армии, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственный народ. Подати оказались особенно тяжёлыми в годы джута, падежа скота и голода (627-629 гг.). Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родоплеменными традициями, он заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального и имущественного неравенства было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых резюмированы историографом: «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели (Эль-каган. — С.К.) имел при себе одного китайского учёного, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход... так что его народ не смог более переносить эти тяготы... Год за годом [в стране] был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжёлыми, и племена всё более отвращались от Хели» (Бичурин, 1950, т. 1, с. 194).

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история Первого Тюркского каганата.

[5] Удел Истеми-Кагана и евразийская геополитика VI века.

Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперёд (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии и Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

(92/93)

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана, Истеми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул ябгу (явуга) был заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохранённой эфталитами. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже в 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной вплоть до Сырдарьи и Приаралья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племён и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., назвать этих беглецов «псевдоаварами». Однако сами тюрки, судя по свидетельству другого византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аварами.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоёванных ими землях Средней Азии, с городами и осёдлоземельским населением, существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания Тюркский каганат ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (он ок бодун), вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племён». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав «стрелы» входило несколько племён, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один тюмен, т.е.

десятитысячное войско, во главе с «великим предводителем» (шадом) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует:

«Восточная сторона называлась пять племён дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племён нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая „стрела” стала называться племенем, а великим вождям „стрел” было дано звание великих предводителей. Пять племён дулу обитали к востоку от Суяба; пять племён нушиби обитали к западу от Суяба» (Chavannes, 1903, p. 27-28).

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и Средневековья. Таков гуннский племенной союз с его восточной и западной сторонами, такова огузская конфедера-

(93/94)

ция, полумифический прототип которой, улус Огуз-хана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточнотюркском каганате была заменена системой «двенадцати племён», делившихся на две конфедерации — тѣлисов и тардушей (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединённая с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоёваны. Враждебность, сразу же появившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее восьми лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстин принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Всё это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряжённое положение.

Вместе с тем в конце 50-х гг. VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана, Хосров Ануширван

(правил в 531-579 гг.), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договорённость о прочном мире была достигнута только в 561-563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключён и скреплён договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда. Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождём одного из племён нушиби, Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока. По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане (на севере нынешнего Афганистана) сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил своё влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

(94/95)

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого шёлкового пути. Главными посредниками в торговле шёлком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шёлковых тканей была Византия. Торговля шёлком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество дорогих шёлковых тканей. Вместе с тем уже с конца IV в. в Согде существовало своё шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьём для него был шёлк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появился свой шёлк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шёлк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 г. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрков в свою страну и незаинтересованный в резком увеличении количества импортного шёлка на иранском рынке — что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства, — купил привезённый Маниахом шёлк и тут же сжёг привезённый товар. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шёлке, но была заинтересована в союзе с тюрками против

персов. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почётом принято при императорском дворе, и тюрки заключили с Византией военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, «стратиг восточных городов» империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы». И сразу же предложил путешественнику сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путём остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войска вернулись в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия на Волгу, к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568-576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы.

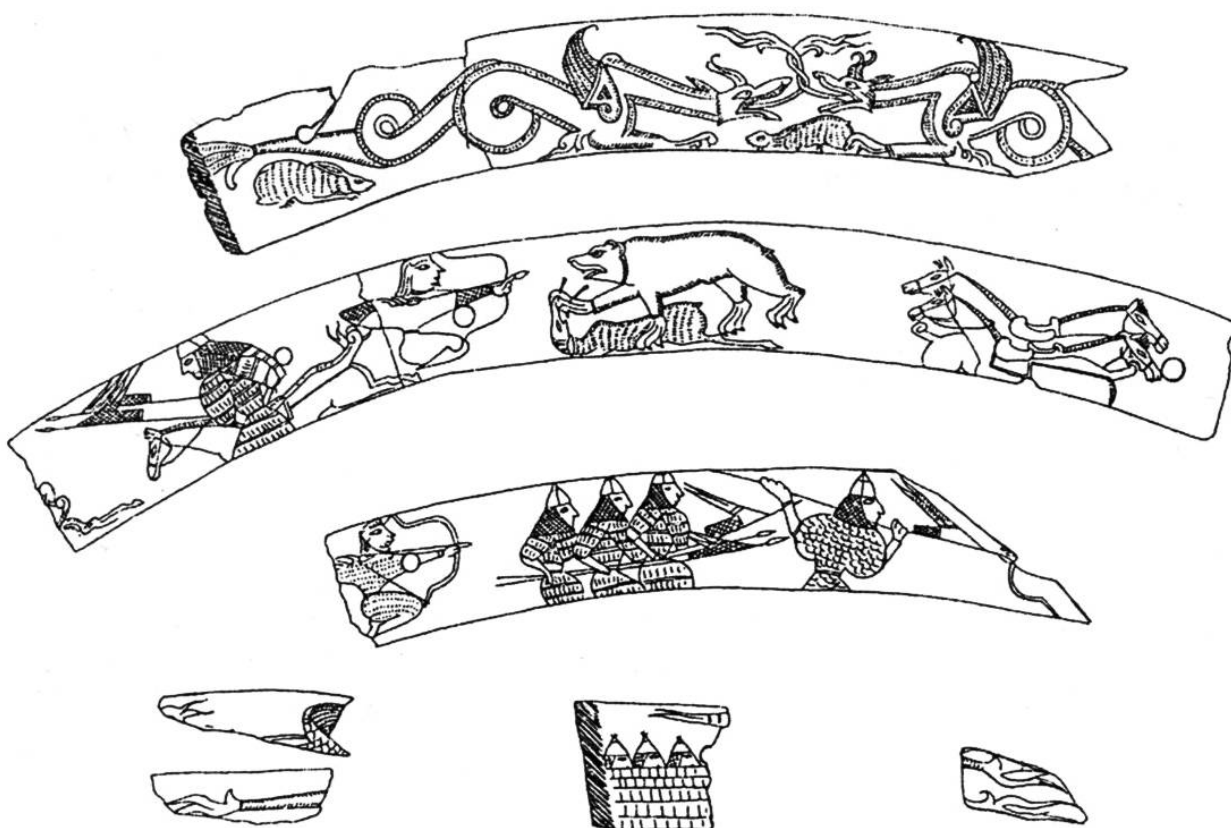

Рис. 9. Костяные пластины-подкладки передней луки седла с изображением военных сцен, животных и драконов. Шиловский могильник. Курган 1. Ульяновская область. Вторая половина VII в.

Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 «тюрков», т.е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своём это были купцы.

Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. Впрочем, в 575-576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истеми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и чрезвычайно недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вёл с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588-589 гг. Войско, возглавленное «царём тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шёлком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

[6] Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья.

Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства — Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского каганата при каганах Шегуе (правил в 611-618 гг.) и Тон-ябгу (правил в 618-630 гг.) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племён под эгидой каганской власти для почти непрекращавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Его ставка располагалась в «Белых горах» севернее Кучи (кит. Бэй Шань, у Менандра — Эктаг). Тон-ябгу возродил активную прозападную политику каганата и перенёс зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Ак-бешим близ г. Токмак), а летнюю ставку — в Минг-булак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестан). Новые походы раздвинули границы каганата до верховий Амударьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну, Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627-628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба и Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана были посланы уполномоченные кагана — тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владельцам были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из местных владельцев личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владельца — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда ещё западные варвары не были столь могущественны» (Chavannes, 1903, p. 24).

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на своё могущество и богатство, стал немилостив к подданным» (там же), скоро оказался

(97/98)

в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племён поддержала другого претендента, и межплеменная война началась. Уже в 630-634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз, — дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую «стрелу» был направлен член каганского рода — шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей была резко ограничена. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племён в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на два царства, граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану (Chavannes, 1903, p. 56).

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся последующие 17 лет (640-657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение «десяти стрел» потерпело поражение, а их последний независимый правитель, Нивар Ышбара-ябгу-каган (Ашина Хэлу китайских источников), был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Какое-то время эти методы были

действенными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени тюргешей Уч-элиг, создавший новое государство — Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат (его самоназвание было Он Ок эли — «Государство десяти стрел») весьма значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе большая часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших возводить свои торгово-земледельческие колонии на Великом шёлковом пути —

(98/99)

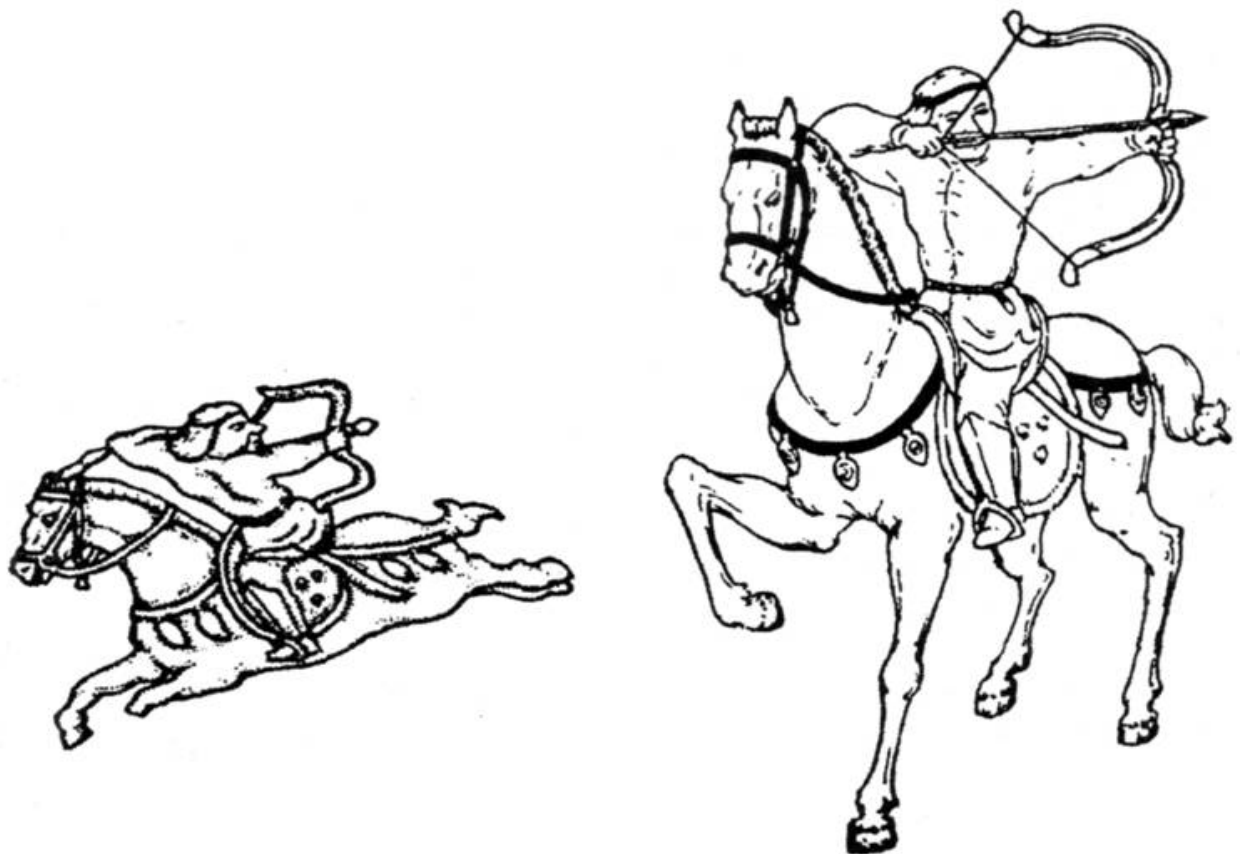

Рис. 10. Легковооружённый тюркский воин. VI-VII вв. Реконструкция Ю.С. Худякова.

в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V-VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и укрепленных посёлков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в

Чуйскую долину, приходится на VII-VIII вв. Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкали рабад (ремесленно-торговое предместье) и обнесённая стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — кёшки, окружённые садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50-100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI-VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населённых согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.:

«Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6-7 ли. В нём смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные (99/100)

одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» (Зуев, 1960).

Теми же словами характеризует путешественник другой крупный город — Талас. Сюань Цзан резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Согд, её население также носит это имя» (там же). Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзывается об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешённость от мирской суеты. Однако паломник не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (т.е. ремесленников и купцов), — поровну» (там же). Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями. (100/101)

В Западнотюркском каганате VII-VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных татами, т.е. зависимыми данниками. Однако есть все основания полагать, что роль согдийцев в Западном каганате была очень значительна — под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные

монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюркешских каганов, Суяба, имеют легенды на согдийском языке и были отлиты в согдийских мастерских.

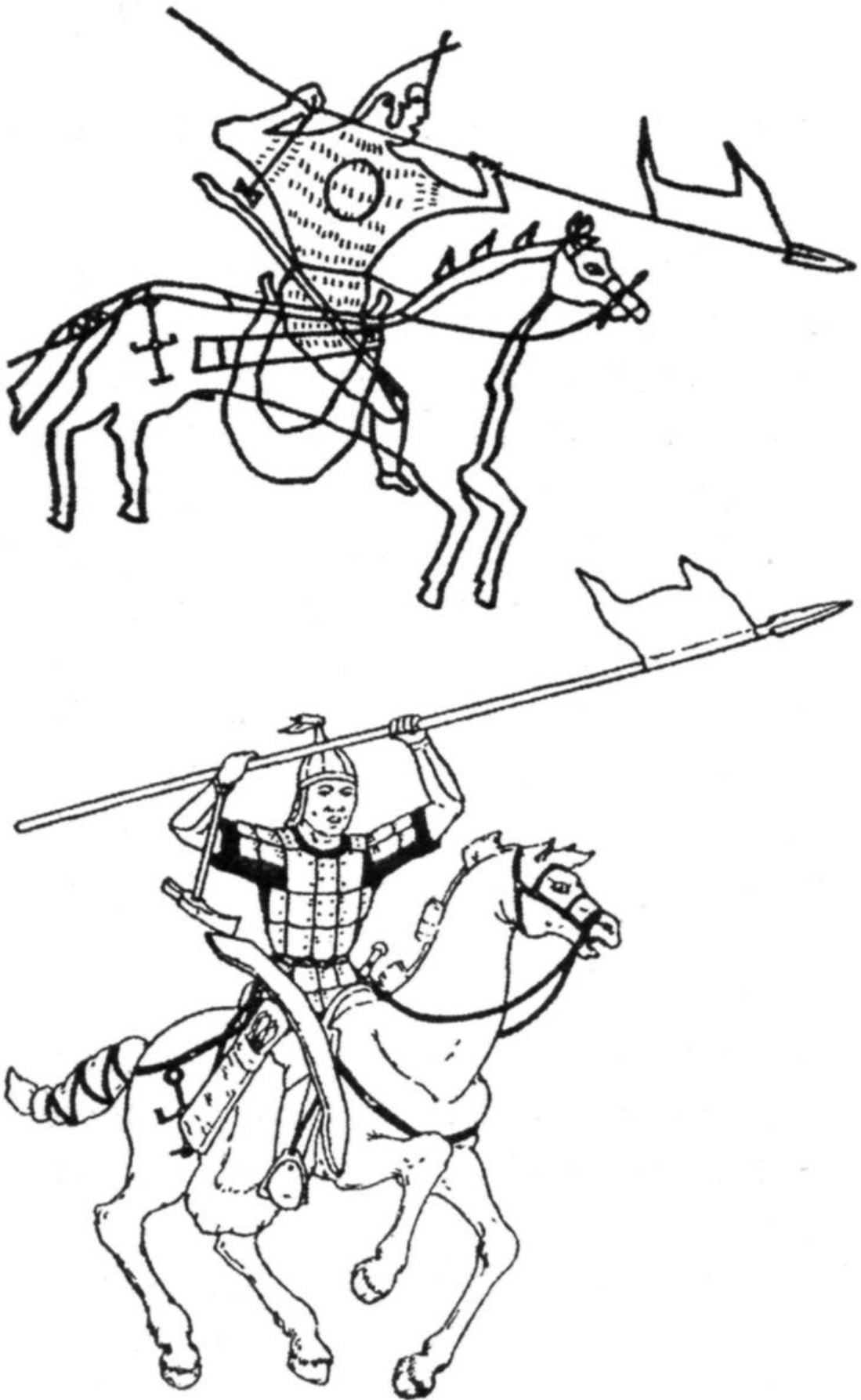

Рис. 11. Тяжеловооружённый тюркский воин. VI-VII вв. Реконструкция Ю.С.

[7] Новые каганы в Отюкенской черни. Тюргешский эль в «Стране десяти стрел».

В 679-689 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-каган. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, оставивший описание своих деяний запечатлённым на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 г., после смерти Эльтериша, на престол сел его брат Капаган-каган (правил в 691-716 гг.), при котором отмечен наивысший подъём военно-политического могущества Второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696-697 гг.), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709-710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западном каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 699 г. Уч-элиг, вождь тюргешей, вытеснил в Китай претендента на власть в Западном каганате, креатуру императорского двора, Хосрова Бёри-шада, и установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык ушло 60-70 тысяч человек из подвластных ему западнотюркских племён. Наместничество Бэйтин (Бешбалык), где кроме крупного китайского гарнизона сконцентрировались все подчиняющиеся Китаю вожди из рода Ашина, стало грозным врагом тюргешей. В 704 г. один из претендентов, Ашина Сянь, вместе с Бёри-шадом совершил глубокое вторжение в Семиречье. Тюргеши предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки, страна разделена на 20 областей (тутукств), каждая из которых выставляла 7 тысяч воинов. При наследнике Уч-элига, Сакале, которого китайские источники именуют Согэ, начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной китайскими войсками. Сакал нанёс поражение восставшим и разбил армию китайского наместника в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовился ещё Уч-элигом. Его задачей было заставить Танскую империю прекратить вторжения в Семиречье, постоянно организуемые китайскими властями. В полевом сражении китайские войска понесли сокрушительное поражение, погиб сам наместник Аньси, Нью Шицзянь, а вместе с ним и многие другие военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиживались в крепостях. Для тюргешей угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к восточному соседу, Капаган-кагану.

(102/103)

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана, Инэль, и апатаркан (главнокомандующий) Тоньюкук, разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших между собой брата были казнены по приказу

Капагана, и на некоторое время (711-715 гг.) Тюргешский каганат перестал существовать. Остатки тюргешских войск, возглавляемые полководцем и членом каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сырдарью и ушли на юг. Преследуя их, в 712-713 гг. отряды Восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но, разбитые арабским полководцем Кутейбой б. Муслимом, отступили и в 714 г., преодолевая сопротивление восставших на Алтае племён, возвратились в Отыкен.

Рис. 12. Изображение тюрка. Городище Афрасиаб (Самарканд)

Сулук же вернулся в Семиречье и, провозгласив себя тюргеш-каганом, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта. На западе стране серьёзно угрожали победоносные арабские армии, в 714-715 гг. совершившие походы за Сырдарью. На востоке китайский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чанъань, столицу Тан-

Рис. 13. Тюркское изваяние. VIII в. Западная Монголия. Фото автора

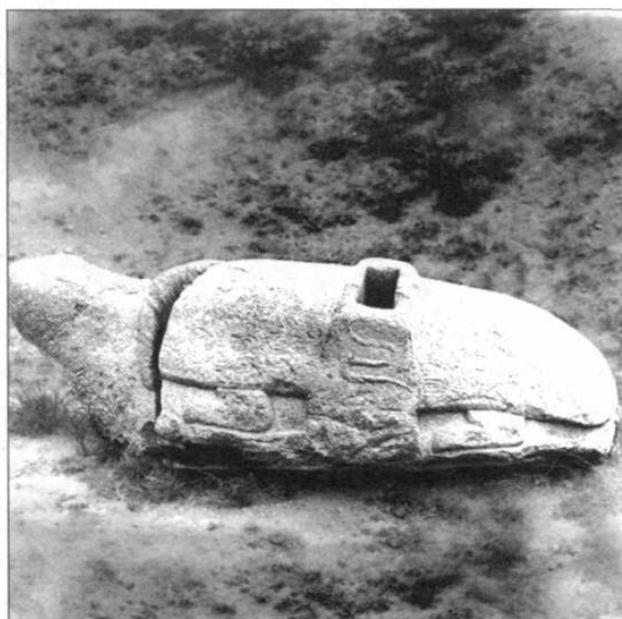
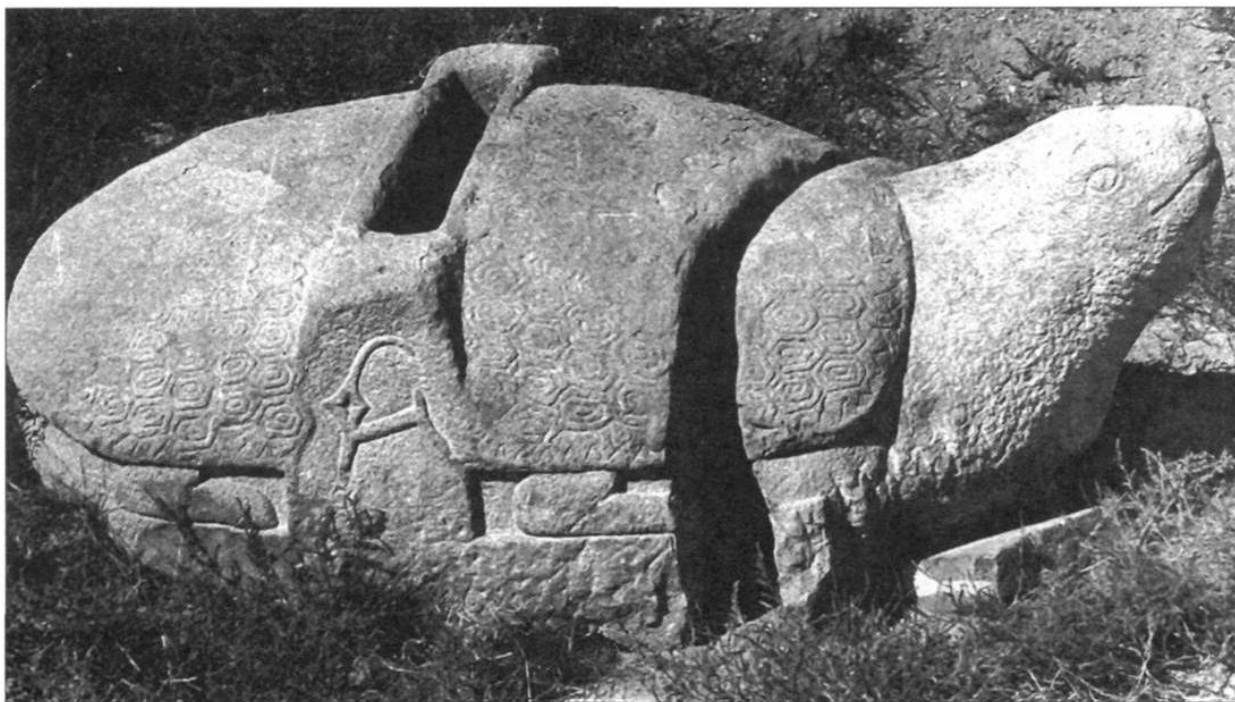

Рис. 14, 15. Черепахи из Мухарского погребально-поминального комплекса на р. Тола (погребение Капаган-кагана). Монголия. Справа — изображение змеи на щитке указывает на дату сооружения памятника — год Змеи — 717 г. Капаган-каган погиб в 716 г. Слева — изображение геральдического козла на щитке указывает на принадлежность памятника к династии Ильтереш-кагана. Фото автора

ской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой сделал дочь Бильге-кагана, сменившего Капагана на троне Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно пресекались. В 726 и 727 гг. тюркешская армия (во второй раз — вместе с тибетцами) дважды осаждала Кучу.

Однако основная военная активность Сулука была направлена на запад, где он решительно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720-721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюркешей («желтых» тюркешей) Кули-чор (Курсуль арабских источников), вёл успешные боевые действия против арабов в Согде б. [сноска: 6 Тюркешские племена делились на группы «жёлтых» и «чёрных» тюркешей (о цветовых маркёрах в тюркской этнонимии см. ниже).]

В 728-729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары согдийцы обратились за помощью к кагану. Вторжение тюркешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 730 г. арабы сумели достичь некоторых успехов, но в 731 или 732 гг. были вновь разбиты тюркешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд б. Абдаллах разбил тюркешей и вошел в Бухару.

Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюркешская армия вновь появилась в верховьях Амударьи, откликнувшись на призыв о помощи осаждённого там арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской династии). В короткий срок тюркешаи вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращении в Невакет (737 г.) он был убит своим полководцем (китайцы именуют его по титулу — бага таркан). Новый арабский наместник в Хорасане, Наср б. Сейяр, в 739 г. вторгся в Семиречье, нанёс тюркешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука Абу Музахим (букв.: «ударяющий, бодающийся») и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. В годы правления омейядского халифа Хишама (724-743 гг.) была сделана попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюркешского кагана в ислам. Точная дата и обстоятельства арабского посольства в тюркешскую ставку (одна из них была на р. Или) неизвестны, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало X в.), сокращенно изложенный в географическом труде Йакута «Муджам ал-булдан»:

«Посол рассказывает об этом: “Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатёр, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет — он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о [религиозных] правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о службе богу...”» (Йакут, 1937, т. 1, с. 839).

(105/106)

*Рис. 16. Тюркская статуя из урочища
Суминден. VIII в. Гоби-Алтайский аймак,
Монголия. Фото автора*

В тексте Йакута здесь пропуск. В полном тексте Ибн ал-Факиха, сохранённом мешхедской рукописью, каган спрашивает: кто мусульмане? И посол отвечает, что они — жители городов, и есть среди них банщики, портные, сапожники.

«Тогда каган велел мне подождать несколько дней. Однажды каган сел на коня, и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ними. (Вскоре) мы достигли окружённого рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть своё знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые кричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царём. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамёна, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамён, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников.

Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину — среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?» (цит. по: Marquart, 1920, с. 289-291).

Демонстрация войск «десяти стрел» выглядела достаточно убедительно, и арабы больше не пытались склонить кагана к принятию новой веры.

Мусульманские авторы, знавшие о тюрках от участников арабских походов в Туркестан, сохранили немало живых описаний нравов и обычаев кочевников, в особенности их военных качеств. Сочинением такого рода является трактат багдадского эрудита ал-Джахиза (ум. 869 г.). Вот что он пишет об образе жизни тюрков:

«Тюрки — народ, для которого осёдлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность их сложения основана на движении, и нет у них предназначения к покою... Они не занимаются ремёслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. И нет у них иных промыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражений витязей, поисков добычи и завоевания стран. Помыслы их направлены только на это, подчинены лишь этим целям и мотивам, ограничены ими и связаны только с ними. Они овладели этими делами в совершенстве и достигли в них предела. Это стало их ремеслом, торговлей, наслаждением, гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед».

Главное оружие тюрков — лук и стрела, которыми они владеют необычайно искусно:

«Тюрок стреляет по диким животным, птицам, мишеням, людям... Он стреляет, гоня во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпус-

(106/107)

кает десять стрел, прежде чем [араб]-хариджит положит одну стрелу на тетиву. И он скачет на своей лошади, спускаясь с горы, или в долине с большей скоростью, чем хариджит может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза — два на лице, два на затылке».

Ибн ал-Факих, описывая встречу посла халифа с каганом тюргешей, отмечает поразительную для араба деталь — каган собственными руками мастерил себе

седло. Джахиз подробно развивает эту тему. Рассказывая об изготовлении меча у арабов, он перечисляет восемь-девять операций, каждую из которых выполняет особый мастер, а затем отмечает:

*Рис. 17. Тюркская статуя из Хиргис-сомона. VIII в. Убсунурский аймак, Монголия.
Фото автора*

*Рис. 18. Тюркская статуя из урочища Яруу. Дзабханский аймак. Монголия.
Фото автора*

«Подобно этому происходит изготовление седла, стрел... колчана, копья и всего оружия... А тюрк делает всё сам от начала до конца, не просит помощи у товарищей, не обращается за советом к другу. Он не ходит к мастеру, и не тревожится его отсрочками со дня на день, его лживыми обещаниями, и не думает об уплате ему вознаграждения» (Мандельштам, 1956, с. 230-241).

Джахиз, конечно, не избегает утрировки в своих рассказах и сам это признает: «Но не каждый тюрк на земле таков, как мы описали». Именно арабские историки и географы первыми, сравнивая тюрков со своими соотечественниками и другими известными им народами, не ограничились регистрацией по литическим и

*Рис. 19. Тюркская статуя. VIII в. Дзабханский аймак. Монголия.
Фото автора*

юридических установлений, а обратили внимание на человеческие качества, особенности психологии и характера тюрков и попытались связать эти особенности с образом жизни и жизненными устремлениями кочевников. В суждениях арабов не было пренебрежения к «варварам», столь свойственного иным источникам; их эмоциональные оценки, восхищение или осуждение, зиждились не на предвзятых установках, а на личном опыте общения в течение нескольких столетий.

Гибель Сулука и недолгое правление его сына Тухварсен Кут-чор-кагана положили начало двадцатилетней борьбе за власть между «жёлтыми» и «чёрными» тюргешами и привели к распаду и деградации Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане для вмешательства в дела страны. Между тем Второй Тюркский каганат, после гибели Капаган-кагана (716 г.) и возникшего из-за восстания огузов кризиса власти, был возрождён Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином. Победой в войне с Китаем (721-723 гг.) Бильге добился выгодных условий мира — была расширена пограничная торговля, а в обмен на символическую дань в 30 лошадей император Сюань-цзун только в 727 г. прислал в тюркскую ставку 100 тысяч кип шелка. Это была щедрая плата за мир на северной границе, который Бильге-каган никогда не нарушал.

(109/110)

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге не надолго пережил брата — в 734 г. он был отравлен одним из своих приближённых. Близ р. Орхон, в межгорной котловине, на месте стоянки караванов в память обоих братьев были воздвигнуты поминальные храмы и стелы с руническими надписями — летописью бурной истории Второй Тюркской империи.

Наследники Бильге-кагана не изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали всё меньше считаться с центральной властью. В 741 г. малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей Кутлугом-ябгу, захватившим престол. Началась война с прежними вассалами — огузами, басмылами и карлуками, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. В 744 г. династия Ашина окончила своё существование. Каганом был провозглашён вождь басмылов, царствовавший, однако, немногим более двух лет.

Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе бывшей империи, на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.; в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат.

IV. Наследники тюркского эля.

Уйгурский каганат и государство карлуков. — 111

Саманиды и кочевники. — 118

Ранние Караханиды. — 122

Кыпчаки и сиры. — 125

Кимаки. — 134

Кыпчаки и половцы. — 136

Татары в Центральной Азии. — 142

1] Уйгурский каганат и государство карлуков.

Падение Второго Тюркского каганата создало в степи политический вакуум. В борьбу за господство над тюркскими племенами, за титул кагана, вступили племена-победители, довершившие разгром империи Ашина, — басмылы, уйгуры и карлуки. Сильнейшими оказались уйгуры, отнявшие власть у басмылов.

Уйгуры, так же как и тюрки, кыргызы и кипчаки, принадлежали к числу древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III-IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название гаоцзюй (букв.: 'высокие телеги'). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — теле (тегрег — «тележники») (см. выше). Значительная группа племён теле мигрировала на запад, в степи Казахстана и Юго-Восточной Европы. Оставшиеся в центральноазиатских степях были подчинены тюркам и вошли в состав их государства. Основные земли теле были тогда в Джунгарии и Семиречье. Но в 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, предводитель уйгуров увел племена в Хангайские горы, где они создали обособленную группу, названную китай-

(111/112)

Рис. 20. Развалины Ордубалыка. III в. (Городище Карабалгасун). Долина р. Орхон. Центральная Монголия. Фото автора

скими историографами «девятью племенами». В орхонских надписях племена этой группы названы токуз-огузами. С 630 г., после падения Первого Тюркского каганата, токуз-огузы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар.

Вождь токуз-огузов, эльтебер Тумиду, создал своё государство в 647 г. в бассейне рек Тола и Орхон. Китайские хроники сообщают: «Тумиду всё же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими должностями» (Chavannes, 1903, p. 91). Танское правительство не признавало вновь созданное государство. Более того, с. 630-663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Однако в начале 80-х гг. токуз-огузы потерпели поражение в боях с тюрками Эльтериш-кагана и утратили свою государственность.

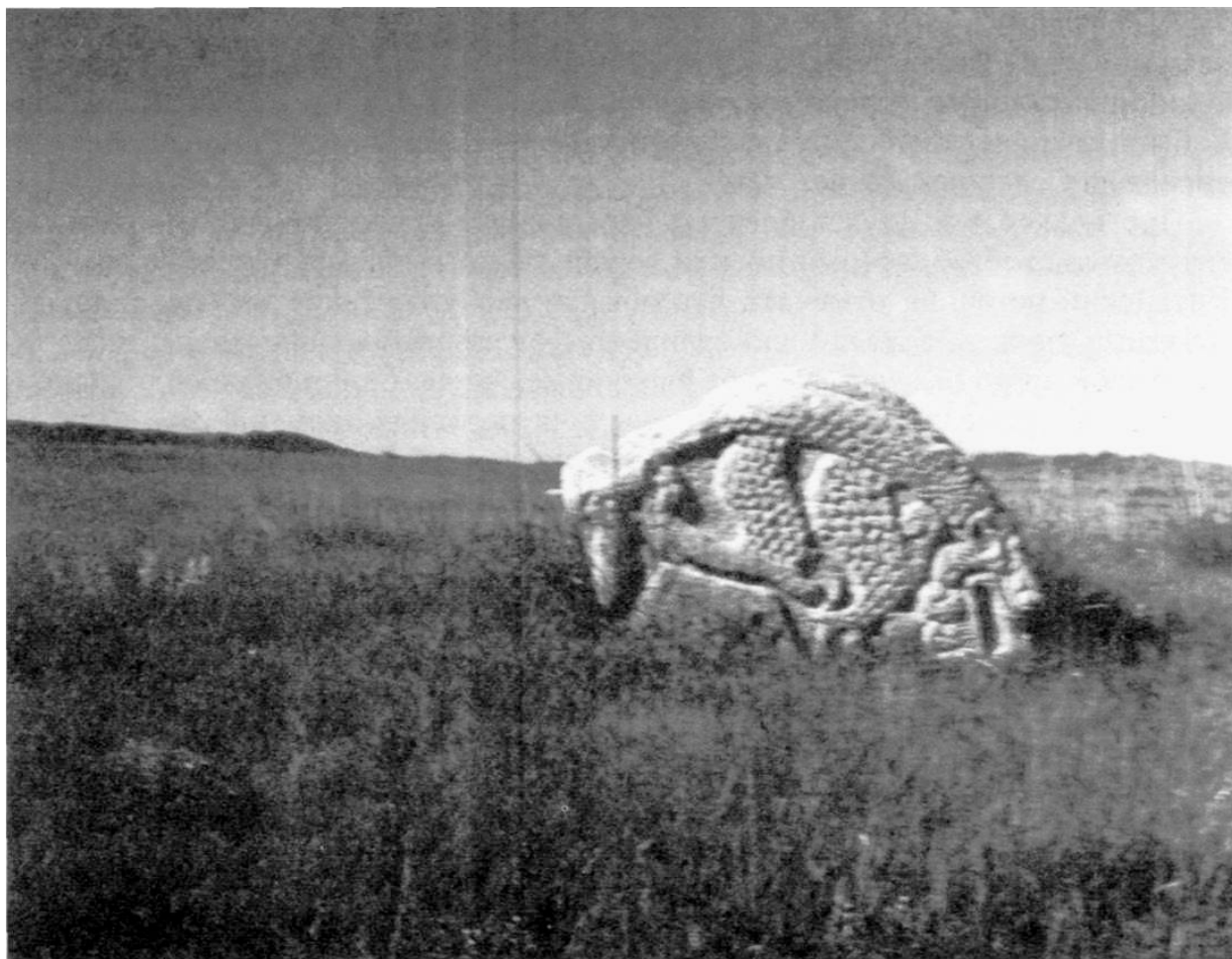
Новое государство уйгуров возникло в ожесточённой борьбе не только с бывшими союзниками, басмылами и карлуками; ожесточённое сопротивление

Яглакарской династии оказали многие племена токуз-огузов. Уйгурам удалось отстоять право рода Яглакаров на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, где после 755 г. вспыхнуло восстание северных пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушаня, а затем последовала гражданская война. Элетмиш Бильге-каган (правил в 747-759 гг.) и его сын Бёгю-каган (правил в 759-779 гг.), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятежи и получили громадные материальные выгоды за свою помощь. Добыча, дань и пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увёз из Китая в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения —

(112/113)

[между с. 112 и 113 — цв. вклейки 1-8]

*Рис. 21. Навершие Карабалгасунской стелы. IX в. (Городище Карабалгасун).
Фото автора*

согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне, освобождённой им от мятежников столице Танов. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры

стали решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы и карлуки.

С главенством карлуков связано возрождение государственности западнотюркских племён на новом витке истории тюркской Центральной Азии. Крупное племенное образование, неоднократно упоминаемое в рунических надписях под именем уч карлук («три карлука»), появляется в китайских источниках уже в связи с событиями первой половины VII в. Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племён.

В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западнотюркского каганата, где они кроме Джунгаро-Алтайского региона контролировали Тохаристан. Согласно арабским источникам, владетель Тохаристана именовался то «ябгу тохаров», то «ябгу карлуков». В 710 г. арабский завоеватель Средней Азии Кутейба ибн Муслим арестовал карлукского ябгу Тохаристана, и тот провёл долгие годы в Дамаске, что не помешало его сыну занять отцовский престол.

(113/114)

Восстание Джунгарских карлуков на Чёрном Иртыше в 630 г. стало одной из причин гибели западнотюркского Тон-ябгу-кагана. Известна также попытка подчинить эту группу карлуков, предпринятая в 647-650 гг. Восточнотюркским Чабыш-каганом, поднявшим восстание против Танской империи и обосновавшимся на Северном Алтае.

Предводитель карлуков впервые упоминается орхонскими надписями под титулом элтебер, который носили вожди крупных племенных объединений. Китайский источник отмечает, что обычаи карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от языка большинства из них. Характерной чертой языка карлуков было «джекание»: они произносили, например, джабгу, вместо обычного для соседних тюркских племен ябгу.

Оставаясь в сфере политического влияния Восточнотюркских каганов с конца VII в., карлуки не смирились с утратой независимости. Только в первой четверти VIII в. Бильге-каган и Кюль-тегин трижды участвовали в боях с мятежными карлуками, а в надписи их полководца Кули-чора Тардушского рассказано о поражении тюрков в жестокой битве на р. Тез (в Северо-Западной Монголии).

Участвуя в коалиции с басмылами и уйгурами, а затем враждуя со своими бывшими союзниками, глава карлуков принял титул ябгу, который носили правители западного крыла тюркских каганатов. Потерпев поражение, карлуки, согласно надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, «в год Собаки (746 г.), замыслив измену, бежали. На запад, в страну Десяти стрел, они пришли» (Кляшторный, 1980, с. 94). Элетмиш правильно оценил обстановку. Уже в следующем году карлуки в союзе с токуз-татарами вновь сражались с уйгурами. Однако быстрое изменение военно-политической ситуации между Сырдарьёй и Алтаем заставило карлуков на время забыть о соперниках на востоке и противостоять новому врагу.

Воспользовавшись фактическим распадом Тюргешского каганата после гибели Сулука, танская администрация Западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сырдарьи. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз, а правившая там тюргешская династия Кара-чоров физически истреблена. В Семиречье появляется китайский ставленник «хан десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. китайская армия взяла Чач (Ташкент). Местный владетель был казнён. Танский губернатор в Куче, Гао Сяньчжи, казалось, мог считать завершённым полное подчинение ещё недавно грозных соперников в Западном крае.

Между тем успехи Китая серьезно обеспокоили наместника аббасидских халифов в Хорасане Абу Муслима и вызвали всё нараставшее противодействие карлуков. Арабский отряд Ибн Хумейда взял Тараз, но был осаждён превосходящей китайской армией. Просьбы о помощи сына казнённого владетеля Чача и опасение за судьбу своего отряда в Таразе заставили Абу Муслима отправить на выручку осаждённому ещё один отряд под командованием Зияда ибн Салиха.

Противодействующие армии сошлись на р. Талас в июле 751 г., несколько дней не решаясь вступать в битву. На пятый день противостояния в тыл китайцам

(114/115)

внезапно ударили карлуки, и тогда атаку с фронта начали арабы. Танская армия, неся большие потери, дрогнула и обратилась в бегство. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу среди охваченных паникой бегущих воинов.

Мусульмане и карлуки овладели огромной добычей, а обнаруженные среди пленных китайские ремесленники были доставлены в Самарканд и в Ирак, где занялись изготовлением бумаги и шелкоткачеством. Таласское сражение «положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела» (Большаков, 1980, с. 132).

Своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанъань прибыло посольство карлукского ябгу. Причиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров. В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. Ябгу всё ещё рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной Яглакарами традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны — его союзниками стали енисейские кыргызы, басмылы и тюргеши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша.

Война с переменным успехом длилась более двух лет и велась в центре уйгурских земель. С огромным трудом уйгурскому кагану удалось одолеть своих противников, действовавших слишком разобщённо, чтобы победить.

Последствия войны имели немалое значение для будущего карлуков. Отюкенские карлуки подчинились Элетмишу и приняли поставленного им тутука

(управителя). Карлукский ябгу окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство. Отныне все его устремления были направлены на овладение Семиречьем и закрепление в Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Впрочем, и здесь он потерпел неудачу — в 756 г. уйгуры принудили к подчинению Джунгарскую группу карлукских племён.

О западном походе двух полководцев Элетмиша известно из Терхинской надписи кагана. Охваченный восстанием Ань Лушаня Китай уже не мог оказать поддержку отдалённым западным гарнизонам. Под контроль Уйгурского каганата попали не только основные городские центры Таримского бассейна, но и тюркские племена Восточного Туркестана. Среди них впервые упомянуто племя или племенной союз ягма.

О ягма было известно прежде всего по двум персидским географическим сочинениям — Худуд ал-Алам («Граница мира», X в.) и Зайн ал-ахбар («Украшение известий») Гардизи (XI в.). Согласно этим сочинениям, ягма объединили многочисленные племена, обитающие между уйгурами на востоке, кочевьями карлуков на западе, притоками Тарима на юге, т.е. на большей части Восточного Тянь-Шаня. На западе ягма контролировали округ и город Кашгар. В X в. правящий род ягма происходил из токуз-огузов. Гардизи, чьи источники восходят к VIII в., называет ягма «богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей», живущими в стране протяжённостью «в один месяц пути» (Бартольд, т. 8, 1973, с. 45-46). Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягма с карлуками и кимаками, об их зависимости от западнотюркских каганов.

(115/116)

Между тем в Семиречье карлуки встретили сопротивление не мелких тюркешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а ожесточённое сопротивление огузских племён, обитавших там со времен Тюркского каганата и обособившихся за несколько столетий от их восточной ветви (токуз-огузов). Общий ход борьбы между карлуками и огузами плохо освещён источниками. Известно только, что во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли в низовья Сырдарьи. Их глава также принял титул ябгу, претендуя тем самым на главенство над западнотюркскими племенами; вскоре в Приаралье сложилось государство огузов (мусульманские источники называли их гуззами) со столицей в Янгикенте, городе на Сырдарье.

История государства огузов стала предысторией Сельджукской державы, владевшей в XI-XII вв. всем Средним и Ближним Востоком, от Туркмении до Малой Азии. История государства Сельджуков и его связи с сопредельными государствами и народами подробно изучены и сделаны достоянием самого широкого круга читателей (Агаджанов, 1991).

Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб. С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан.

В 80-х гг. VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшились. Недовольство и опасения там вызвал антиманихейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бёгю-каган. Его

убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и манихейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах манихейство было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице.

Договорные принципы, благодаря которым прежнему правителю Бёгю-кагану удалось утвердиться в таримских оазисах, были нарушены — узурпатор выгодам торговли предпочёл ограбление согдийских и тюркских общин. Последствия не заставили себя ждать — города Притяньшанья восстали, а соседи — карлуки и тибетцы, заключив между собой союз, поддержали восставших. Как пишет китайский историограф, «тюрки в белых одеждах», т.е. манихеи, вместе с карлуками нанесли несколько серьёзных поражений командующему уйгурской армией Иль Огеси; в 790 г. тибетцы и тюрки взяли Бешбалык, последний оплот уйгуров. Новая уйгурская армия в 50-60 тысяч воинов попыталась было изменить положение, но потерпела неудачу.

Поражение в Джунгарии и на Тариме не прошло бесследно для каганской ставки — начались распри, наследник Алп Кутлуга был свергнут и убит своим младшим братом, который не сумел удержаться у власти и сам погиб в ходе мятежа. Тяжелая война с карлуками и тибетцами продолжалась; ход её почти не освещается источниками.

В смутное время к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени эдиз, «принявшая прозвание Яглакар» и тем самым отождествившая себя с ле-

(116/117)

гитимным каганским родом (795 г.). В столице была восстановлена «религия света», и туда прибыл манихейский пресвитер. После пятнадцатилетнего перерыва были возобновлены союзные и договорные отношения с манихейскими общинами Притяньшанья, а Шёлковый путь по «уйгурской дороге», через Ордубалык, вновь открыт для караванов.

Карлуки лишились мощной опоры в Северном Притяньшанье, где города и кочевые племена (вероятно, ягма) признали протекторат кагана Отюкенской черни. В 803 г. уйгурское войско заняло Кочо (Турфан) и, нанеся поражение карлукам, через Фергану вышло на Сырдарью. Это был последний успех уйгуров на западной границе.

В первом десятилетии IX в. главным врагом Уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Войны между ними, с переменным успехом, шли более двадцати лет. В 840 г. кыргызы, объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем, взяли Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении.

Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки токуз-огузов во главе с одним из яглакарских принцев, оставив родину кыргызам, пришли на свои прежние пограничные земли. Единство племен вскоре было утрачено. Беглецы укрепились в Куче и Бешбалыке. Вождь бешбалыкских уйгуров Буку Чин, разгромив тибетцев,

стал господином положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало Уйгурскому государству Кочо с центрами в Турфане и Бешбалыке.

Несмотря на неудачи в войнах начала IX в., положение Карлукского государства, опиравшегося на богатые семиреchenские города, оставалось прочным. Обогащению ябгу способствовали выгодная торговля тюркскими рабами для гвардии аббасидских халифов на сырдарьинских невольничьих рынках и контроль за транзитом в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля. Укрепились позиции карлуков и в Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда. Самым опасным для ябгу оказался поход знаменитого сподвижника халифа ал-Мамуна (правил в 813-833 гг.), Фадла ибн Сахла, известного под титулом Зу-р-рийасатайн («Обладатель двух знамён»). Арабы предприняли поход между 812-817 гг. в район Отрара. Там был убит начальник карлукской пограничной охраны, а затем будто бы была захвачена в плен семья ябгу, а сам ябгу бежал к кимакам. Успех нападавших явно преувеличен в донесении Фадла, однако положение пограничного отряда карлуков действительно могло создать для ябгу напряжённую ситуацию на западной границе.

Прошло четверть века, и крах последних каганов Отюкена, доминировавших на протяжении трех веков, создал во всей тюркской Центральной Азии совершенно новую геополитическую ситуацию: впервые за триста лет окончательно исчез мощный центр власти, определявший возможности экспансии или даже существования любого государства в Туркестане. Отныне тюркские племена признавали лишь высокий статус рода, унаследовавшего каганский титул, но уже никогда — его единую власть.

[2] Саманиды и кочевники.

В тревожное время писал свой географический труд хорасанец ал-Балхи (919-920 гг.), подданный Исмаила Самани и протеже саманидского везира ал-Джейхани. Да и само сочинение ал-Балхи сохранилось лишь в переложении его современника, арабского географа ал-Истахри (941 г.). «Вся граница Мавераннахра, — повторяет ал-Истахри записи хорасанца, — место военных действий: от Хорезма до окрестности Исфиджаба — с тюрками-огузами, а от Исфиджаба до отдалённых мест Ферганы — с тюрками-карлуками».

Казалось бы, сплошная фронтовая линия поделила Среднюю Азию на два враждующих мира, на Иран и Туран, застывших в вечном противостоянии и противоборстве, противостоянии не только военном, но также этнокультурном, а тогда, в IX-X вв., ещё и религиозном. Ибо к западу от Сырдарьи прочно утвердился ислам, а в степи к востоку от реки почитали небесного бога Тенгри и его божественную супругу Умай; в городах и селениях Семиречья и Ферганы шли службы и возносились молитвы в христианских церквях и манихейских обителях, в храмах огня и буддийских монастырях.

Но обратимся к иным страницам арабских и персидских географических трудов, к записям, основанным на личных наблюдениях путешественников и купцов, лазутчиков и послов. И тогда перед нами предстанет совсем иная картина. И к западу, и к востоку от Сырдарьи, в городах и селениях Мавераннахра и

Семиречья, живут в смешении и мире иранцы и тюрки, мусульмане и «неверные». Среди семиреченских горожан и селян преобладают согдийские дехкане со своими сородичами и слугами. Некоторые из них уже приняли ислам, но все они подданные карлукского ябгу. А в Мавераннахре опора Саманидов, их гвардия, рекрутировалась из тюркских воинов-гулямов, возглавленных тюркскими же военачальниками. Более того, границу с тюрками в Исфиджабе и Шаше (соответственно район современного г. Чимкент в Казахстане и Ташкентский оазис), вместе с иранцами-гази, т.е. «борцами за веру», охраняют, сражаясь при нужде со своими соплеменниками и сородичами, тысячи тюркских воинов. Вот как описывает Ибн Хаукаль, младший современник ал-Истахри, пограничный городок Сюткенд: «...в нём собираются тюрки из разных племён огузов и карлуков, которые уже приняли ислам. Они живут по своему обычаю в шатрах, и у них нет построек». А вот свидетельство самого ал-Истахри о тюрках в другом пограничном городке, Бискенте: «...они из огузов, карлуков и других племён, которые стали мусульманами... Все они являются гази». Кроме почётного прозвания гази, тюрки-мусульмане приобрели ещё одно имя — их стали именовать туркменами. Об этом сообщают самые компетентные среднеазиатские учёные — хорезмиец ал-Бируни и мервец Тахир Марвази. А тюркский филолог XI в., Махмуд ал-Кашгари, уточнил, что туркменами именуют выходцев только из двух племён — огузов и карлуков. «Карлуки — пишет Махмуд — племя из тюрков, они кочевники, но не огузы. Они также туркмены». Это очень важное уточнение для понимания свидетельств о войнах Саманидов с тюрками.

За много веков до описываемых событий долины Северного Притяньшанья стали зоной активной колонизации и урбанизации выходцами из Согда и Хора-

(118/119)

сана, Ферганы и Шаша. Толчком к расселению согдийцев и их сородичей стал Шёлковый путь, связавший две суперцивилизации тогдашнего мира — дальневосточную и средиземноморскую. Но за торговыми караванами потянулись на новые земли те, кому не хватило земли и достатка на родине. Они строили города и распахивали поля, охраняли и снабжали торговые караваны и, самое главное, вживались в новый мир, создавали новую структуру отношений с окружающим кочевым миром. В середине VI в. формы политического существования страны городов и пашен со страной пастбищ и кочевых ставок надолго определились. Новым структурным фактором стала созданная кочевниками первая евразийская империя — Тюркский каганат. Империя стала интегральной и интегрирующей частью тогдашнего мира, связав в единое целое земли и страны между Китаем, Ираном и Византией. От Согда до Китайской стены сложился общий для тюрков и иранцев полиэтнический и поликонфессиональный мир, в котором сложились устойчивые формы хозяйственного и культурного синкретизма и симбиоза, иногда нарушаемого, но не разрушаемого локальными вспышками враждебности, грабежей и военных столкновений.

В начале VIII в. ситуация стала меняться. В Мавераннахре утвердилась власть арабов. Шёл неотвратимый процесс исламизации, в основном завершённый к середине века. Не смилившиеся с новой властью и новой верой уходили за Сырдарью. Но там обозначилась другая угроза — агрессия танского Китая. В 740-749 гг. китайская армия вышла на рубеж Сырдарьи. Владетели Шаша и Тараза были казнены, наследник тюркских каганов убит, его столица, Суяб, разрушена.

Лишь карлуки ещё оказывали сопротивление танским войскам.

Помощь пришла с запада. Арабский наместник на востоке, Абу Муслим, обеспокоенный китайским продвижением, послал в Семиречье два сильных отряда. Их союзниками стали карлуки. Судьба сердцевины Евразии решилась столкновением двух держав — в 751 г. в пятидневной битве на р. Талас победу одержали арабы. Китайская армия бежала, арабы вернулись в Хорасан, а карлуки утвердили свою власть между Сырдарьей и Черным Иртышом.

В 840 г. карлукский ябгу принял высший титул в иерархии Великой степи — он стал каганом. В том же 840 г. Нух б. Асад Самани, после успехов в Фергане, овладел Исфиджабом. И оказался лицом к лицу сразу с двумя тюркскими племенными государствами — Карлукским каганатом в Семиречье и государством огузов на Нижней Сырдарье. А в их тылу тогда же, в 840 г., возникло ещё два — Кыргызское государство на Енисее и Алтае и государство кимаков в Прииртышье.

Изменившаяся политическая конфигурация на востоке Средней Азии создала новую ситуацию для государства Саманидов. Пассивная оборона становилась бессмысленной, а потенциальная военная угроза более ощутимой. Поэтому, овладев Исфиджабом, Нух б. Асад сохранил у власти прежнюю династию Каратегинов, ставших его вассалами. Более того, он отказался от доходов этой богатейшей области — исфиджабский владетель ежегодно посылал Саманидам... четыре медные монеты и метлу. Ибн Хаукаль пишет об Исфиджабе: «область плодородная и обширная. Во всём Хорасане и Мавераннахре нет города, с которого бы не взимался харадж, кроме Исфиджаба». А члены династии Каратегинов, приняв ислам, не раз занимали при саманидском дворе высокие управленческие посты.

(119/120)

Надёжная поддержка сильного и влиятельного владетеля Исфиджаба была дороже денег. Ведь Исфиджаб был той ключевой позицией, где скрещивались торговые пути и военные маршруты, идущие во все страны Великой степи — на север, к огузам, на восток, к карлукам, на северо-восток, к кыргызам и кимакам.

Уже в 812 г. Исфиджаб и Отрар (ныне г. Туркестан в Казахстане) привлекли внимание будущего халифа ал-Мамуна, тогда наместника Хорасана, того самого ал-Мамуна, который возвысил Самана, убедил его принять ислам. Полководец ал-Мамуна, Фадл б. Сахл, обрушил удар на Исфиджаб и Отрарский оазис, вторгся во владения карлуков, убил начальника карлукской пограничной стражи и заставил бежать к кимакам карлукского ябгу. Ставка ябгу была недалеко от Исфиджаба, и ал-Макдиси пишет о ней: «Орду — это маленький городок, где живёт царь туркмен, а тот постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба». Вспомним, что туркменами назывались соседи Исфиджаба, карлуки, многие из которых приняли ислам.

Нух б. Асад правильно оценил обстановку и заключил союз с сильным вассалом. А вот Отрарский оазис, находящийся ниже по Сырдарье, на границе с огузами, и позволявший контролировать их, был подчинён только через четверть века племянником Нуха, Насром б. Ахмедом, старшим братом Исмаила.

Другой ключевой позицией на границе с тюрками был город Тараз, столица Западного Семиречья, которое в тюркской манихейской рукописи IX в. названо «золотой страной Аргу». Подъём Тараза как городского центра связан с переселением сюда в VI в. группы бухарских дехкан. Даже в XI в. в Таразе, наряду с тюркскими, был в обиходе согдийский язык. Правили здесь, согласно бухарскому историку Нершахи, «эмир и дехкане», т.е. согдийская знать. Но город имел и тюркских сюзеренов — карлукского кагана и князя карлукского племени чигилей, носившего пышный титул «чигильский лев, опора государства Алп Баргучан Таркан-бег». В Таразе были самые крупные в Семиречье христианская несторианская церковь и манихейский монастырь, прихожанами которых были иранцы, согдийцы, тюрки, сирийцы.

Богатство Исфиджаба и Тараза, их стратегическая роль в IX-X вв. определялись не только положением на дальней торговой трассе, но и их господствующей позицией на внутреннем центральноазиатском рынке, выросшем тогда в результате интенсивной торговли со Степью. Состав товарной массы, поступавшей на семиреченский рынок, определялся как хозяйственной деятельностью кочевников, так и их военной предприимчивостью. Наряду с лошадьми, другим скотом, мясом, шерстью, кожами, в Тараз и другие города поступали два главных стратегически важных товара: прежде всего серебро из богатейшего рудника Шельджи и двух других рудников, то самое серебро, из которого в Мавераннахре вплоть до XII в. чеканили серебряные монеты. Вторым по важности товаром были тюркские рабы, за которых на невольничьих рынках Ближнего Востока платили высокую цену, да и сами Саманиды комплектовали из них свою гвардию. В Степь шли караваны с зерном и сухофруктами, но главным товаром были ткани — от простых хлопковых до самаркандской парчи, а также высококачественная керамика и металлические изделия.

Очевидно, первоначальной целью походов первых Саманидов на восток было нанесение превентивных ударов вероятному противнику и создание дальних

(120/121)

оборонительных рубежей. Однако восточные войны Исмаила Самани вышли за рамки этих достаточно ограниченных задач. Исмаил вёл на востоке три войны. Рассмотрим их направление и результаты.

Обычно в исследовательской литературе упоминается лишь взятие Исмаилом Тараза в 893 г. Но эта констатация не исчерпывает существа проблемы; более того, она порождает ряд недоумений. Во-первых, ничего неизвестно о каких-либо вторжениях тюрков в Мавераннахр в IX в., хотя о столкновениях с ними на границах Исфиджаба, Шаша и Ферганы упоминается в источниках постоянно. Вместе с тем остаётся совершенно неясным, кто был инициатором пограничных стычек — гази или группы промышляющих набегами тюрков. Во-вторых, вызывает недоумение фиксация внимания лишь на одном походе 893 года. В действительности, на протяжении всего 10 лет Исмаил вёл три ожесточенные войны с карлуками, и все три — на их территории. В-третьих, отказ от ремонта и строительства в Мавераннахре оборонительных стен вокруг оазисов, да и сама знаменитая фраза Исмаила — «я стена Бухары!» показывает, что в его время серьёзной опасности появления тюрков в Мавераннахре не было. Всё это заставляет иначе, чем принято, оценить цели восточных походов Исмаила

Самани.

Заметим, что в 893 г. Исмаил уже был не только владельцем Бухары, но и правителем разорённого междоусобицей государства, однако ещё не стал правителем Хорасана. Война за Хорасан была на пороге, и она была неизбежна. И первый поход Исмаил совершил на восток. Туда, где в трёх рудниках добывалось серебро, т.е. живые деньги для оплаты армии и аппарата управления. Туда, где был основной рынок тюркских рабов-гулямов, живой силы саманидской армии. Туда, где в богатых торговых городах можно было получить огромную контрибуцию, столь существенную для истощённого внутренними войнами Мавераннахра.

Поход 893 года был направлен первоначально не против Тараза, а против ставки карлукского хана в городе Орду. Внезапность сыграла свою роль, хан попал в плен с большим числом приближённых и воинов. Только после этой победы и нелёгкой осады (Нершахи пишет, что Исмаил «перенёс много трудностей») Тараз капитулировал, а вместе с Таразом сдались на милость победителя и близлежащие городки. Во многих из них были разрушены оборонительные стены. Исмаил закреплялся в завоёванной стране Аргу надолго и прочно. Добыча серебром, пленниками и лошадьми была огромна. Казалось бы, все планы были реализованы, все цели достигнуты, «неверные» посрамлены, их храмы обращены в мечети, центры торговли со Степью и транзитные пути поставлены под контроль. В глазах всего мусульманского мира Исмаил стал славным воителем за веру, продвинувшим границу ислама далеко на восток. По существу, этот поход материально и политически подготовил успешную войну за Хорасан, начавшуюся через пять лет. Но победа над карлукским ханом не стала окончательной.

По сообщениям Ибн ал-Факиха, труд которого «Китаб ал-булдан» был написан в 903 г., уже став в 900 г. правителем Хорасана, Исмаил лично, с 20 тыс. воинов, совершает поход в степь и побеждает 60 тыс. тюрков. А в 904 г., как о том рассказывает Ибн ал-Асир, неназванный полководец Исмаила ведёт изну-

(121/122)

рительную войну с огромным тюркским войском и одерживает победу. Вот этот поход и был последней большой войной Саманидов с тюрками, последней войной с ними до конца X в.

Между тем, как упоминает ал-Масуди, карлукский хан стал именовать себя Табгач-ханом, буквально «ханом Китая», т.е. Кашгарии. А через несколько десятилетий, не без влияния бухарской исламской миссии, карлуки приняли ислам. Так Саманиды, сокрушив могущество карлуков в Западном Семиречье, сместили их центры в Кашгарию и Прииссыккулье. Там, возглавив союз тюркских племён и принудив их принять ислам, карлуки создали новую династию Табгач-ханов, возвели ее происхождение к «дому Афрасиаба», легендарного царя Турана, и подготовили крушение Саманидов.

[3] Ранние Караханиды.

По свидетельству нескольких мусульманских историков, после утраты уйгурами их

могущества верховный авторитет среди тюркских племён переходит к вождям карлуков. Связь с родом Ашина, правящим родом Тюркского каганата, позволила карлукской династии облечь эту власть в легитимное одеяние и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу, — пишет автор Худуд ал-Алам в X в., — это прежний титул царей карлуков».

Вряд ли можно говорить о реальной власти карлуков над тюркскими племенами в IX в. — старая традиция имела скорее морально-идеологическое значение. И всё же ясна основная тенденция этих сообщений, лучше других отражённая у ал-Масуди: из среды карлуков происходит «каган каганов», он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (т.е. Ашина!). Так было положено начало новой тюркской империи в Средней Азии и Кашгарии, названной в русской науке государством Караханидов. Политические амбиции Караханидского дома предельно ясно отражены в сообщении ал-Масуди.

Караханидское государство не оставило собственной историографической традиции, и все сведения о нём содержатся в трудах арабских и персидских авторов, живших за пределами каганата. Труд единственного Караханидского историка, имя которого сохранилось — имам Абу-л-Футух ал-Гафир ал-Алмай, — Тарих Кашгар известен лишь в небольших отрывках у Джамалы Карши (XIII в.). Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых, блестящий персидский литератор Низами Арузи, писал в 1156 г.: «Имена царей из дома хакана (т.е. Караханидов. — С.К.) сохранились только благодаря поэтам» (Бертельс, 1960, с. 458).

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов. В.В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, ягма, чигили). Теперь ясно, что чигили и ягма, а также одно из тюркешских племён, тухси, и остатки орхонских тюрков вошли в карлукский племенной союз, и история этих племён, во всяком случае с IX в., неразрывна.

(122/123)

Собственно Караханидское предание (кашгарская традиция у Джамалы Карши) называет первым государем Караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вёл войну один из саманидских эмиров, владетелей Самарканда и Бухары. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн Асад, в 840 г. совершивший поход против семиреченских тюрков и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул каган. Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник Караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Власть в Караханидском государстве была поделена между знатью двух племенных группировок, составивших в IX в. ядро карлукского племенного союза, — чигилей и ягма. Внешне это выражалось в разделении каганата на две части — восточную и западную со своими каганами во главе. Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Кашгаре и Баласагуне (городище Бурана, близ г. Токмак в Кыргызстане). Он был из чигилей и носил титул Арслан Кара-хакан. Западный, младший каган, из ягма, носил титул Богра Кара-каган и имел ставку в

Таразе, а позднее — в Самарканде. Существовала сложная иерархия правителей, своя в обоих каганатах: Арслан-илек и Богра-илек, Арслан-тегин и Богра-тегин и другие. Впервые дуальная система власти была реализована при сыновьях первого кагана, Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане, но окончательный распад державы относится к середине XI в. При Огулчаке успешным походом саманидского эмира Исмаила ибн Ахмада на Тараз в 893 г. начались длительные и жестокие войны между Караханидами и Саманидами за власть над всей Средней Азией. Войны длились более века и завершились полным крахом Саманидов и распространением власти их противников до Амударьи. На территории Средней Азии возникло множество Караханидских владений, зависимость которых от каганов в Баласагуне была минимальной, а отношения друг с другом — далеки от дружественных.

Крупнейшим событием времени ранних Караханидов было принятие династией и зависимыми от неё племенами ислама. «Ещё арабские географы X в. описывают тюрок как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами», — замечает В.В. Бартольд (Бартольд, 1968, т. 5, с. 59). Однако именно в X в. произошли решительные изменения. Арабский географ того времени Ибн Хаукаль сообщает о принятии ислама тысячами семей тюрок, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, т.е. в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сырдарьи. Но самое крупное событие такого рода произошло в 960 г., когда где-то во внутренних областях Караханидского государства, скорее всего в Семиречье, ислам приняли 200 тысяч шатров тюрок.

Этот факт связывается с именем Караханидского кагана, сына Базыра и племянника Огулчака, Сатук Богра-хана, который сам, ещё до массовой исламизации тюрок, принял новую веру и новое имя — Абд ал-Керим. Именно сын Сатука, Муса, унаследовавший престол в 955 г., объявил ислам государственной религией. Возможно, решение Мусы связано с деятельностью мусульманского богослова, нишапурсца Абу-л-Хасана Мухаммада ибн Суфьяна Келимати, жившего при дворе Сатука и Мусы, однако достоверно о его роли в событиях

(123/124)

ничего неизвестно (Бартольд, 1963, т. 2, ч. 1, с. 245-246). Несомненно одно: исламизация Караханидских тюрок не была следствием кратковременных усилий какого-либо миссионера, а, напротив, процессом постепенного проникновения ислама в тюркскую среду в силу тех экономических и политических выгод, которые проистекали из этого обращения. Уже Сатук, ведший длительную войну против своего дяди, великого кагана, использовал свой переход в новую веру для того, чтобы заручиться весьма существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука, Муса, под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществлял военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зоне мощного воздействия осёдлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии. Внешним выражением такой интеграции, по крайней мере в её идеологическом аспекте, была сравнительно быстрая исламизация тюрок в государствах

Караханидов и Сельджукидов, создавшая предпосылки для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Государства Караханидов и Сельджукидов, на первых порах продолжая традиции тюркских каганатов, не стали их повторением ни в экономическом, ни в социальном планах. Здесь возникла и оформилась иная, чем в Центральной Азии, политическая система, с иной, чем прежде, культурной ориентацией. Сложилась раннефеодальная военно-ленная структура (икта), породившая новую знать и получившая быстрое и полное развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии.

Нашествие кара-китаев (киданей) — дальневосточных монгольских племён — и создание ими своего государства в Семиречье (1130-1210 гг.) надолго превратило часть Караханидских владетелей в вассалов гурхана, главы киданей. Каракитай, впрочем, ограничились лишь верховным сюзеренитетом и взиманием налогов, не затрагивая ни устройства, ни религии, ни культуры своих подданных. Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке — реликт докараханидского государства карлукских ябгу — не было уничтожено ими. Тем не менее кара-китайское владычество стало началом политической гибели Караханидов.

В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнён хорезмшахом Мухаммадом последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

К этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племён в сферу осёдлой, прежде всего городской, цивилизации явно виделось оформление надплеменной этнической общности, с одним общеупотребительным языком и письменной культурой. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

[4] Кыпчаки и сирь.

Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, ещё в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (Северо-Западный Иран) — он стал там начальником государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой связи. Массу затруднений в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. И вот, собрав отчёты чиновников и донесения осведомителей, в 846-847 гг. он написал «Книгу путей и провинций», впоследствии не раз дополнявшуюся или сокращавшуюся и ставшую образцом для немалого числа подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и

экономической жизни, Ибн Хордадбех приводит некоторые сведения о соседях халифата. В частности, используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов — и тех, кто жил «по эту сторону реки», т.е. Амударьи, и тех, кто жил «за рекой». «По эту сторону реки», к западу от Амударьи, названы лишь тохаристанские карлуки и халаджи. Напротив, список «заречных» племён внушителен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. Чётко обозначена граница стран ислама и стран тюрков — область Фараба, т.е. нынешнего г. Туркестана: «В области находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков» (МИТТ, 1939, т. 1, с. 144). В 812 г. арабский отряд Зу-р-рийасатайна напал на карлуков и убил «начальника пограничной стражи» (Кляшторный, 1964, с. 159).

Естественно, Ибн Хордадбех упоминает только самые значительные «страны тюрков», как, например, землю тогузгузов (Уйгурский каганат), добавляя при этом: «Их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками». Сразу после страны тогузгузов в списке значится «страна кимаков», а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы кипчаки (кыпчаки).

Так, впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значимых для последующей этнической истории евразийских степей 7. [сноска: 7 Сообщение Ибн ал-Асира, арабского историка XII-XIII вв., об участии кипчаков на стороне хазар в их войне с арабами на территории Армении (722 г.) не подтверждается более подробным описанием этих событий в арабских исторических трудах IX в. (ат-Табари, Ибн Асама, ал-Йакуби, ал-Белазури) и является явным анахронизмом. Однако же появление в отмеченном контексте имени кипчаков вполне объяснимо их активным участием в закавказских делах XII-XIII вв., во времена, когда писал Ибн ал-Асир, который к тому же родился и вырос в Мосуле, близком к Закавказью.]

В VIII-X вв. преобладание кимаков и кипчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане становится определяющим фактором в этом огромном степном регионе. Крах государства кимаков и смещение части кипчаков к западу, в Приаралье и По-

(125/126)

волжье (вторая половина X — первая половина XI в.) составили основное содержание новой фазы кимакско-кыпчакского расселения. Наконец, в середине XI — начале XII в., на последней фазе миграций кипчаков в домонгольский период, окончательно формируются пять основных групп кыпчакских и близких им половецких (команских) племён: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую саксинскую, т.е. итиль-яикскую группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунайская (включая балканскую подгруппу). Отдельные группы кипчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгарский упоминает «местность кыпчаков (кыпчаков)» близ Кашгара (Махмуд Кашгарский, 1982, т. 1, с. 474).

Итак, более тысячи двухсот лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени кыпчак. Мусульманские историографы знают

кыпчаков как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывалось бы о прошлом кыпчаков 8. [сноска: 8 Попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цянем (II в. до н.э.) этнонима цюйше как кипчак не оправдана фонетически.] Даже легенды о происхождении кыпчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли, по словам В.В. Бартольда, «в более поздней народной и учёной этимологии» (Бартольд, 1968, т. 5, с. 550).

Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII-IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники. Для проверки этого предположения вернёмся к самому раннему случаю фиксации этнонима кыпчак.

В 1909 г. во время путешествия по Монголии финский учёный Г. Рамstedт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «Надписью из Шине Усу» или, в другом месте, — «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (правил в 747-759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганатами в 742-744 гг.

В полуразрушенной строке северной стороны стелы Рамstedт прочёл: «Когда тюрки-кыпчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет...» (Ramstedt, 1913, S. 40). Японский учёный Т. Мориясу сделал попытку ревизовать чтение Г. Рамstedтом этого места надписи во время своего ознакомления со стелой. (Provisional report, 1999, p. 178, 182) Вместо слов *türk qıbçaq* Т. Мориясу очень гипотетически, судя по наличию в реконструкции квадратных и круглых скобок, предлагает читать *t(ürük q) [γ]n čiq...* и переводит всю фразу следующим образом: «Я слышал, что тюркские каганы сидели на троне пятьдесят лет».

Т. Мориясу читает: а) начальное *q* во втором слове так же, как и Г. Рамstedт; б) произвольно вставляет *[γ]* и добавляет отсутствующее в тексте (*n*); в) транскрибируя последующие два знака, вслед за Г. Рамstedтом как *čq*, про-

(126/127)

извольно вставляет интерконсонантное *-i-*, хотя в случае опущения интерконсонантного гласного уместнее огласовка *-a-*, т.е. *čaq*, как у Г. Рамstedта, а не неимеющее смысла и не интерпретированное в переводе Т. Мориясу *čiq*. Последнее сделано, очевидно, с целью «спасти» своё чтение предыдущих знаков, т.к. огласовка, закономерно предложенная Г. Рамstedтом, полностью противоречит конструкции Т. Мориясу и делает достаточно убедительным старое чтение Г. Рамstedта.

В течение полевых сезонов 1968-1990 гг. я шесть раз возвращался к памятнику в местности Могон Шине Усу для сверки чтений Г. Рамstedта. Мною было установлено: а) текст памятника находился в худшем состоянии, чем в то время, когда в начале XX в. им дважды занимался Г. Рамstedт, и поэтому попытки иного чтения многих знаков в памятнике не имеют смысла. Для контрольной проверки я использовал сделанные Г. Рамstedтом эстампажи памятника, хранящиеся в

Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН; б) чтение Г. Рамstedтом сохранившихся или частично сохранившихся знаков памятника оказалось настолько точным и безукоризненным, что и с этой точки зрения оно не нуждается в ревизии, а уточнение интерпретаций Г. Рамstedта возможно только в сопоставлении с близкими по дате и содержанию Терхинской и Тэсинской надписями; в) я полностью убедился в правомерности чтения Г. Рамstedтом в 4-й строке северной стороны памятника первых двух слов как *türk qī[b]čaq*, а также в точности перевода Г. Рамstedтом всей строки. Таким образом, по моему мнению, историографическая интерпретация памятника опирается на достоверную палеографическую основу, предложенную Г. Рамstedтом.

Действительно, в 691-742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Хотя предложенное Рамstedтом слитное чтение «тюрки-кыбчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика (т.е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имён: «тюрки и кыбчаки (кывчаки)».

Совместное упоминание тюрков и кыпчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с тюрк бодун, «тюркским племенным союзом», лишь многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов. Рассказывается о покорении токуз-огузов в 687-691 гг. и о войнах с ними в 714-715 гг. и 723-724 гг. В объединении токуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племён)». Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «деяти огузов» Элетмиш Бильге-каган называет время существования Второго Тюркского каганата (681-744 гг.) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыпчаков».

(127/128)

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трёх тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он, так же как автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем образования тюркского государства в земле Отюкен, т.е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение тюрк бодун, «тюркский племенной союз», заменяется на тюрк сир бодун, «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)». Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров», но её властелин именуется «тюркским каганом». Вождя сиров в

полуразрушенном тексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван сир иркин, «иркин сиров». В заключительной строке надписи Тоньюкука «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поименованы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: «...О, живущие в юртах беги и простой народ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племён огузов, двух племён эдизов!» Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племён, чьё отношение к династии определяло, по меньшей мере, целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племён. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покорёнными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах:

Памятник	Перечень племенных союзов	Политический статус
Надпись Тоньюкука около 726 г.	тюрки и сирь огузы	господствующая группа племён подчинённая группа племён
Памятник Бильге-кагану 735 г.	тюрки шесть сиров девять огузов два эдиза	господствующее племя второе по иерархии племя подчинённые племена подчинённые племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу, 760 г. (128/129)	тюрки и кыбчаки уйгуры	господствующая в прошлом группа племён подчинённые в прошлом племена

Господствующая группа племён, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом сир, в то время как уйгурский — этнонимом кыбчак (кывчак). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известным авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т.е. ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Ещё в 1899 г. немецкий китаист Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена се и яньто составили конфедерацию Сеяньто. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски, полагал Хирт, именовались сирами и тардушами (сир-тардуши). В 1923 г. владивостокский востоковед И.А. Клюкин

доказал ошибочность отождествления этнонима яньто (ямтар орхонских надписей) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — тардуш. А вслед за тем американский китаист П. Будберг, не отвергая уравнивания се/сир, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение П. Будберга).

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как се, соответствует сир тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках сеяньто, в надписи Тоньюкука названо сир.

Первые сведения о племенах се и яньто весьма фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуннских племён, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337-370 гг.), т.е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочёвку подвластных ему 35 тысяч семей, правил, по всей вероятности, в 356-358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем се (сир), истребившим правящие роды яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группировки, существовавшей в IV-VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствовавшего племени, сиров, слилось с названием подчинённого племени яньто. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюркской этнонимии, это механическое соединение двух имён отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя — сирь.

После крушения империи жуаньжуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньшань (Восточный Тянь-Шань). В китайских исторических трудах упоминается, что «их (сеяньто) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков» (Chavannes, 1903, p. 35). В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тяньшаньские сеяньто оказались в подчинении у

(129/130)

западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле (огузов), к числу которых их относит источник, сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя сикер.

В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган, опасаясь мятежа тяньшаньских сеяньто, «собрал в большом количестве и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и переселение на восток части племён теле, а вместе с ними и сеяньто. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили большую часть сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождём Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились Восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после кагана титул «шад».

После того как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телеских племён, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьёзное

поражение, что тот бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, бывшие в Хангае, влились в состав сеяньто. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров».

В 630 г. после неудачных сражений с танскими войсками Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование Первого Тюркского каганата прекратилось (см. выше). В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те и другие прислали ко двору императора Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто и их вождь, Инанчу-иркин, провозгласивший себя Йенчу Бильге-каганом. Именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племён теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым завершилось формирование могущественной племенной конфедерации токуз-огузов. После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630-640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто. В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера.

Йенчу Бильге-каган принял в своём государстве ту же административную структуру, которая существовала в Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племён — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу р. Толы. В центре Отыуенской черни сложился новый племенной союз — объединение сиров и тюрков, при главенствующем положении сирской династии.

(130/131)

Тайцзун был серьёзно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшаня (Чугай кузы тюрков) и степи севернее Ордоса (Каракум), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (Хэйшачэн, «город Чёрных песков» китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана, Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей.

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско сиров и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сирсы оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о

«мире и родстве», которые тянулись более трёх лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барс-чор) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином». Против кагана сиров был заключён военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождём уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сиров и нанесли им тяжёлое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». Поражение сиров в Хангае совершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конницы. Государство сиров прекратило своё существование. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах. Приведём более короткий вариант (по Синь Тан шу).

«Прежде, перед тем, как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается, у него волчья голова (волк считался прародителем уйгуров. — С.К.). Хозяин не заметил. После того, как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь (Отюкенская чернь. — С.К.). Увидели там двух людей. Они сказали: „Мы духи (боги). Сеяньто будут уничтожены“. Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь [сеяньто] действительно разбиты под этой горой» (Синь Тан шу, л. 217б. Перевод С.Е. Яхонтова).

Спасшиеся после разгрома племени сиров частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647-648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзу-

(131/132)

на Кучу. Другая часть сиров осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна. Однако в 679-681 гг. сиры поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в «Чёрных песках» и несли тяжёлые потери.

Дальнейшая история сиров — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сиры были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских правителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и

сиров», и разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племён была различна. Этноним тюрк не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определённость. Этноним сир после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племён появляется этноним кыбчак (кывчак) — кипчак.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов сир и кывчак-кыбчак в тюркских и уйгурских рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племён. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика, т.е. смысловое содержание нового племенного названия.

Нарицательное значение слова кывчак-кыбчак в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании кывчак ковы — кыбчак кобы «пустой», «никчёмный» (по значению второго компонента) (ДТС, р. 449, 451, 462; Clauson, 1972, р. 582, 583; Arat, 1979, р. 252).

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стало новое самоназвание? Или старый этноним постепенно вытесняется названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частно-

(132/133)

сти, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имён-оберегов. Так, детям или взрослым, обычно после смерти предыдущего ребёнка или члена семьи (рода), а также после тяжёлой болезни или пережитой смертельной опасности, дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров

после междоусобиц и резни 646-647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И следовательно, надёжным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествлённых легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стала смена названия племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчёмные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрождённом Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сиры, знатнейшие из телеских (огузских) племён, хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем-оберегом была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр, никакого превосходства знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый вождём уйгуров каганский титул в правовых представлениях других огузских племён был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кыбчак и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Её запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», мифический предок уйгуров, дарует своим близким бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племён. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Иной вариант

(133/134)

той же легенды, приведённый Рашид ад-Дином и повторённый Абу-л-Гази, уточняет — имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым кабук (древнетюрк. ковук). Абу-л-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кипчак». Так прежнее значение слова кывчак-кыбчак сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево».

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали

Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII — первой половине IX в. усложнённых вариантов древнетюркских погребений с конём, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX-X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», созданной кимаками и кыпчаками (более подробно см.: (Ахинжанов, 1989, с. 66-71; также ниже по тексту).

Окончилась история сиров. Началась история кыпчаков, вначале одного из племён Кимакского каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племён Великой степи.

[5] Кимаки.

В то время как на Алтае вокруг сиров-кыпчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье, сложилось сообщество тюркских племён, которых мусульманские источники именовали кимаками, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский называл йемеками. То немногое, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников, изученных видным казахстанским историком-востоковедом Б.Е. Кумековым. Он впервые реконструировал по далеко не всегда ясным сообщениям генезис, состав и недолгую историческую жизнь племенного союза и государства кимаков (Кумеков, 1971 [в библиографии нет; видимо, д.б.: 1972]).

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее — о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII-IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племён Ибн Хордадбега. Легенда связывает возникновение кимакского союза с племенем татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племён Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимакский (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII-XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об отуз татар «тридцати татарах», а затем о токуз татар «девяти татарах», т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Рашид ад-Дин вообще отрицает ка-

(134/135)

кое-либо единство татар в прошлом и настоящем (т.е. в XIII в.), рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племён между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена (см. ниже).

Поэтому начальный этап формирования кимакской общности не следует обязательно связывать с монголоязычными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII-IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей

тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племён, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки токуз-огузских племён, бежавших сюда после разгрома. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кыпчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII — начала IX в.

Именно после 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакана) и тем самым обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в Степи.

Источники пишут об «одиннадцати управителях» областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также «царями», т.е. ханами, утверждаются каганом и наследственно правят своими уделами — картина не очень далёкая от способа политического управления и устройства Караханидского каганата. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей и в не меньшей степени племенным партикуляризмом, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после их создания и, на первых порах, успешных набегов и завоеваний.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они распространили свои владения до Джунгарии, овладев Северо-Восточным Семиречьем, а кыпчаки — и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси, использовавший сведения из несохранившейся книги Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, т.е. «Джанаха, сына кагана кимаков», так пишет о политической значимости Кимакского государства: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия» (Кумекон, 1972, с. 120). Несмотря на явную апологетику этой тирады, в ней совершенно реальный намёк на войны и набеги, которыми обильна история кимаков.

На западе и юго-западе кимаки граничили с сырдарьинскими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах то одного, то другого племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владетели которых тоже именовали

(135/136)

себя каганами и также претендовали на «уйгурское наследство», было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы «особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» (там же). Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и

кыргызов. Согласно Худуд ал-алем, одно из кыргызских племён по одежде не отличается от кимаков, а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов. Чрезвычайно интересен рассказ ал-Идриси о шестнадцати кимакских городах, в одном из которых была резиденция царя. Осёдлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. Пашни и селения, а также резиденцию царя упоминает анонимный автор Худуд ал-алем. Однако все источники свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение Кимакского государства в конце X или начале XI в. связано с миграциями племён в Великой степи. Наступило время господства кыпчаков.

[6] Кыпчаки и половцы.

Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадiane, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу (прозвание по месту рождения) — Марвази, т.е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», — писал он впоследствии (Бертельс А.Е., 1959, с. 175).

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрок». Политическая обстановка на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали Мафазат ал-гузз — «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил главную суть изменений — первым и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля Дешт-и Кипчак «Степью кыпчаков». Прошло полстолетия, и причерноморские степи стали «Подем половецким» русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-Дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что приволжские степные просторы, ранее называемые Хазарской степью, давно стали Степью кыпчаков.

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда ещё только омывавших запад Великой степи, содержится в беглом упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди в рассказе о печенегах и их уходе на запад

(136/137)

пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему: «...а мы упомянули... причины переселения этих четырёх тюркских племён с востока и то,

что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере (Аральском море. — С.К.)» (МИТТ, 1939, т. 1, с. 166).

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там своё государство со столичным городом Янгикентом на Нижней Сырдарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т.е. земли по Средней Сырдарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник, ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди, — в Приаралье и на Сырдарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран «(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков» (МИТТ, 1939, т. 1, с. 185). Те же сведения есть и у других географов — современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В.В. Бартольд — он заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кыпчаки, западное крыло Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кыпчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кыпчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Маликшаха и его наследников, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии Таба 'и ал-хайаван («Природа животных») и дополнил своё сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налётом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее, огузских племён:

«Среди них (тюрков) есть группа племён, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шары, а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Чёрного) моря» (Марвази, 1942, с. 29-30).

Туркменами, по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, по-

(137/138)

могает понять текст ал-Макдиси: «Орду — маленький город, в нем живёт царь

туркменов, который постоянно посылает подарки владельцу Исфиджаба» (МИТТ, 1939, т. 1, с. 185). Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, ещё в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, туркменами у Марвази названы исламизированные в IX в. саманидами карлуки, до того исповедовавшие несторианский толк христианства.

Итак, последний этап переселения, о котором кратко сообщил Марвази, особых трудностей не вызывает: просто события изложены им очень выборочно и неполно. Повторим последовательность событий: согласно Марвази, кытай, т.е. кидане, вытеснили из своих владений племя кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени каи куны вторглись в земли шары, те — в земли туркменов, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Чёрному морю, в земли печенегов.

Западные земли туркмен-карлуков, по р. Талас и в предгорьях Каратау, граничили с восточными землями сырдарьинских огузов, и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда ещё эпизодические религиозные войны. В начале 40-х гг. XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских огузов, и те ушли в приволжские степи. В 985 г. приволжские огузы, в союзе с князем Владимиром, совершают набег на камских болгар. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их торками, т.е. турками, а византийцы — узамы, т.е. огузами. Таков конечный итог событий на западе евразийских степей, сохранённых в изложении Марвази.

Что же произошло в азиатском ареале Великой степи?

Независимо от того, были ли войны между перечисленными Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племён была результатом неблагоприятных для них политических условий X — первой половины XI в., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу — тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане — Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьчжоу и окончательно закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский натиск, Ганьсуйский коридор. Исламизированные Караханидские карлуки, в недавнем прошлом — христиане-несториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад — через верховья Оби и Иртыша, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидане, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотоле восточнотюркских племени — кунов и каи. Ещё до того, около 960 г., на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками, войны, почти неизвестные мусульманским авторам. Отзвуки этих событий, запечатлённые в кара-

ханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари; к сожалению, в очень фрагментарных записях. Но там перечислены главные враги тюрков-мусульман, и среди них — ябаку, басмылы, чомулы, каи, йемеки. Самих мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари, как и Марвази, именует туркменами, так же как и исламизированных в X — начале XI в. огузов-сельджукидов.

Главным героем тех эпических отрывков, которые записал Махмуд, был гази Арслан-тегин, иногда именуемый еще бекеч, «принц». Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых Караханидских каганов, но надёжное отождествление вряд ли возможно. Впрочем, Б.Д. Кочнев считает, что «победителем Бука-Будрача наиболее правдоподобно считать Караханидского князя Арслан-тегина Ахмада ибн Мухаммада ибн Хасана/Харуна, который совершил поход против неверных около 440/1048-1049 г.» (Кочнев, 2002, с. 178). Иногда главным героем поэм выступает сам хакан, имя которого у Махмуда отсутствует. Впрочем, оно и не нужно было Махмуду, ведь приводимые им отрывки героических повествований были лишь стихотворными примерами, поясняющими употребление какого-либо слова.

Враги Караханидов, племена тюрков-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за рекой Ила (Или), в стране Мынглак. Это ограки, пограничное племя, которое жило в местности Кара Йигач. Это прииртышские йемеки. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трёх племён: басмылов, чомулов и ябаку, а также соседи ябаку — каи. Названные три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли ещё в VII-VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава, с её стремлением навязать свою власть и свою идеологию, отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало в мусульманских хрониках. И только песни о героях-гази, попавшие на страницы грамматического труда почтенного филолога из Кашгара, отразили напряжение и непримиримость, предопределившие силу и глубину будущего прорыва мусульманского барьера, массовость и стремительность миграций к новым землям и новым границам.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображаются ябаку, чомулы (остатки древнейших гунно-тюркских племен Семиречья, чуми китайских источников) и басмылы, которых уйгурская руническая надпись из Могон Шине Усу называет «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы после разгрома Тюркского каганата в 742 г. стали преемниками имперской традиции — ведь идикутами, т.е. августейшими государями, басмылов были князья из рода Ашина, но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками. Позднее басмылы входят как господствующее племя в иную племенную группу, и это зафиксировано Марвази. Рассказывая о народе шары, он пишет: «...они [шары] известны по имени их вождя, а он — басмыл» (Марвази, 1942).

Особенно досаждал мусульманам бек басмылов и вождь ябаку Будрач, носивший прозвище Бёке, т.е. «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришёл в страну мусульман с семисоттысячным (!) войском, но газы Арслан-тегин во главе сорока тысяч мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи газы накануне битвы:

*Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сожжём-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигиты 9.*

(Махмуд Кашгарский, 1982, т. 2, с. 330)

[сноска: 9 Поэтический перевод: (Стеблева, 1971, с. 147).]

Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд ал-Кашгари, или же их связывали иные отношения, остаётся неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное повествование армянского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» на «жёлтых». В исследовательской литературе принято отождествлять «жёлтых» или «рыжих» Матфея с шары, т.е. тоже с «жёлтыми», о которых писали Марвази и его компилятор Ауфи. Но упускается из виду, что только у ябаку вождь именовался «Великим Змеем» и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У Марвази народ, подчинивший на одном из этапов западной миграции шары, назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем каи, странным образом опущено Махмудом ал-Кашгари, отлично знавшим этническую ситуацию на Караханидской границе и не забывшим каи. Если в ситуации с шары Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем — так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью (Махмуд Кашгарский, 1982, т. 2, с. 166).

Куны — одно из древнейших тюркоязычных племён, занимавших почётное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. Каи принято отождествлять с монголоязычными си из племенного союза шивэй, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям си из племён шивэй, китайские источники многократно упоминают «белых си», которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза теле. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о каи как об одном из тюркоязычных племён, имевших, правда, свой диалект.

Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима шары. Здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «жёлтых» тюркешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюе изна-

(140/141)

чально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркёрами. Так, после распада Первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покорённых и переселённых на юг племен кроме тюрков-ашина, т.е. кёк-тюрков, «синих» тюрков, ещё и тюрков-шели, т.е. тюрков-шары, «жёлтых» тюрков. Это разделение на группы устойчиво сохранялось, и в 735 г. в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана — Мочжо — заменило его родовое имя — ашина) и «желтоголовых» тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (ак) и «чёрных» (кара). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны иные цветовые маркёры — «синие» и «жёлтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые». Обозначения со словом сары ~ шары преобладают среди племён кыпчакской группы — казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение кызыл преобладает среди туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркёры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племён (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племён — шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с Караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племён сохранялись две основные группы: куны-команы и шары-половцы.

Б.Е. Кумековым, изучившим арабские источники о кипчаках, установлено, что в IX-X вв. между Северным Приаралем и Южным Уралом кочевала отдельная группа команов (куманов), которая в начале XI в. «попала под политическое влияние кыпчаков» (Кумек, 1993, с. 66-67). В середине XI в. именно команы составили авангард западной миграции степных племён, вероятнее всего политически стимулируемой кыпчаками, но возглавленной команам-кунами-шары. Именно в этой группе, среди кунов-команов, существовало племя кытан, т.е. киданей, безусловно связанное с самым ранним и самым восточным этапом этой миграции.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных

рубежах Киевской Руси. В их составе оказались и тюркский династийный род Ашина — хан Осень (Асень) был отцом Шарукана Старого, — и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев. А из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей Второго Болгарского царства — Асений (Ашена).

(141/142)

В приаральской части Дешт-и Кипчака состав племён начал меняться в XII в.: появились многочисленные племена канглы, вошедшие в кыпчакские объединения, но не слившиеся с ним. Главная ставка канглы была на Нижней Сырдарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингисхане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» (Сокровенное сказание, 1941, с. 151). Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

Основные результаты приведенного сопоставления событий и этнонимов из разных источников могут быть суммированы в следующей таблице:

Мусульманские источники			Китайские источники	Русские и западные источники
ал-Бируни Марвази	Махмуд ал-Кашгари	Матфей		
кун	ябаку	«народ змей»	хунь	хынъ, кун, коман
каи	каи		белые си	каепичи
шары, басмыл	басмыл	«рыжие»	басими, туцзюе-шэли	половцы, плавцы, фалоны, паллидии
туркмены (карлуки)	туркмены (карлуки)			
гуззы	гуззы	узы		узы, торки
баджнаки	баджнаки	паченики		печенеги
кытай			цидань	кытань

Такова возможная реконструкция азиатского контекста половецкой истории, и, как мне представляется, этот контекст мало связан с историей сиров-кыпчаков.

[7] Татары в Центральной Азии (Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха)

Едва ли не главный наш источник, освещающий историю народов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, — труд Рашид ад-дина «Джами' ат-таварих». Основное место там, естественно, занимает история создателей Монгольской империи, но отдельными пятнами, более или менее яркими, высвечиваются иные времена и иные племена.

Вот сведения о татарах, тех татарах, племена которых, по версии «Сокровенного сказания», полностью истребил Чингис: «Их имя издревле было известно в мире. От них отделились и многочисленные ветви... Места их кочевий, стоянок и юртов были определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Китая. Их же основное обитание (юрт) есть местность, называемая Буир-Наур.

Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы» [РД, с. 101].

Итак, основной юрт татар находился вблизи озера Буир-нур, в Восточной Монголии. Но ведь упомянуты и какие-то другие юрты и другие ветви татар, издавна враждовавшие друг с другом. Далее рассказывается об их власти над монголами в дочингисово время. И неожиданно появляется экскурс в далёкое прошлое татар и окружающего их мира: «Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и [вообще] ни одна тварь не была бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племён и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почётом [от других]. Из-за [их] чрезвычайного величия и почётно́го положения другие тюркские роды, при различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами». Далее Рашид ад-дин добавляет, что ныне, т.е. в XIV в., по тем же причинам тюркские племена именуют себя монголами, «хотя в древности они не признавали этого имени» [РД, с. 102]. Наконец, ещё одна знаменательная реминисценция из дочингисовой истории Центральной Азии: «Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, — шесть» [РД, с. 103].

Рашид ад-дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее, её степной части, населённой преимущественно тюркскими племенами. Структурообразующими «конструкциями» схемы являются шесть татарских государств [1] («каждое в отдельности имеет войско и своего государя»), главным из которых был буирнурский юрт. Уже в «глубокой древности» татары, несмотря на отсутствие единства и межплеменные распри, подчинили своей власти «до границ областей Китая» все племена и области. Подчинившимися племенами были — прежде других — «тюркские роды». Они стали именоваться татарами по названию господствующего племени. События эти относятся к столь давнему времени, что монголам тут ещё места нет, ибо они «стали известны» только около «трёхсот лет тому назад», т.е. в IX-X вв. Впрочем, как замечает Рашид ад-дин, «в древности монголы были [лишь] одним из племён из всей совокупности тюркских степных племён» [РД, с. 103].

Как мы видим, Рашид ад-дин разделяет этнополитическую историю степей Центральной Азии на три хронологических этапа: а) этап господства «тюркских степных племён», временн.ые параметры которого не определены; б) этап подчинения тюркских племён татарами и превращения этнонима «татар» в общий политоним; временн.ые границы — от «глубокой древности» до начала татаро-монгольских войн (XII в.); в) этап возвышения монголов и, после истребления татар, превращения этнонима «монгол» в общеимперский политоним (XII-XIII вв.).

Вместе с тем, как замечает Рашид ад-дин, силы и могущество татар были в своё время столь велики, что и поныне, т.е. в начале XIV в., от Китая до Дашт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называют татарами [РД, с. 103].

Если термины «тюркская эпоха (время)», «монгольская эпоха (период)» в исследовательской литературе уже давно стали привычными, то столь же

генерализованное представление о «татарском периоде» в истории степей Центральной Азии не сложилось. Напротив, оно полностью интегрировалось в столь привычных стереотипах, как-то: «монголо-татарская эпоха», «монголо-татарское нашествие». Между тем схема Рашид ад-дина четко разделяет, противопоставляет и разводит во времени «татарский» и «монгольский» периоды.

Очевидно, что предложенная Рашид ад-дином историографическая концепция нуждается в очень обстоятельной фактологической проверке. К сожалению, в его тексте много недосказанного или сказанного намёком, много трудностей возникает при прочтении тех этнических терминов, топонимов,

собственных имён, которыми насыщен текст «Джами' ат-таварих». Всё это мешает оценке пространственно-временных параметров описываемых историком событий и ситуаций. Так, например, остаётся загадкой, где и когда существовали ещё пять татарских владений-юртов, кроме буирнурского? Поэтому здесь бесполезно привлечение иных источников, содержащих ранние сведения о татарах.

В 1960 г. С.И. Вайнштейн обнаружил в местности Хербис-Баары (Тува) не известную дотоле кыргызскую стелу с рунической надписью. Впоследствии эту надпись дважды издавал А.М. Щербак. [2] Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюг Йиге. Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар».

В 1976 г. Л.Р. Кызласовым была обнаружена в Хакасии, близ р. Уйбат, стела с рунической надписью (девятый памятник с Уйбата), изданной И.Л. Кызласовым, а затем повторно прочтенной и интерпретированной мною [Кызласов, 1987, с. 21-22; Кляшторный, 1987, с. 33-36]. В первой строке этой надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани или контрибуции. Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Впервые упоминает татар (отуз-татары) самая крупная из известных рунических надписей — памятник в честь Кюль-тегина (732 г.). Один раз они названы там в связи с похоронами первых тюркских каганов, т.е. событиями второй половины VI в. [КТБ, с. 4]. Второй раз они упоминаются той же надписью и под тем же названием (отуз-татары) в качестве врагов отца Кюль-тегина, Ильтерес-кагана (ум. в 691 г.). Тогда татары вместе с кыргызами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками [КТБ, с. 14]. В 723-724 гг. татары (токуз-татары) вместе с токуз-огузами восстают против Бильге-кагана, как о том свидетельствует другая руническая стела с эпитафией старшему брату Кюль-тегина [БКБ, с. 34]. Последний раз в орхонской рунике татары (токуз-татары) упомянуты в надписи из Могон Шине Усу, эпитафии уйгурскому Элетмиш Бильге-кагану (760 г.) [Рамстедт, 1913, с. 17]. Вместе с огузскими племенами татары в конце 40-х годов VIII в. восстают против уйгурского кагана и терпят поражение. Таким образом, в конце VII — первой половине VIII в. татары придерживаются той же политической ориентации, что и кыргызы, и являются их прямыми или эвентуальными союзниками.

Заметим, что в ситуации VI-VII вв. союз татарских племён назван в орхонских надписях «тридцатью татарами» (отуз-татары), а в середине VIII в., как и в

енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы «девятью татарами» (токуз-татары). Не исключено, что в изменении названия

отражен распад первоначальной группировки татарских племён, но для нас не менее примечательно, что упомянутые енисейской надписью события происходили не ранее второй половины VIII в. Впрочем, и по палеографическим особенностям обе кыргызские стелы не относятся к числу ранних енисейских памятников, датируемых первой половиной VIII в. [Кляшторный, 1976, с. 258-267].

Обратимся теперь к сообщениям китайских источников о татарах. Прежде всего отметим, что в составе Уйгурского каганата (744-840) татары были одним из вассальных племенных союзов; по словам китайского автора XII в. Ван Минцзи, тогда «татары были пастухами коров у уйгуров» [Кычанов, 1980, с. 143]. Кыргызы же, отброшенные уйгурами в 756 г. за Саяны, незадолго до 840 г. появились к югу от Танну-Ола. Тем самым определяется нижняя дата кыргызско-татарской войны. В связи с событиями 842 г. татары впервые упомянуты в китайском источнике — письме китайского чиновника Ли Дэюя — как враги кыргызов и союзники последнего уйгурского кагана [Пеллио, 1929, с. 125-126]. [3]

Главным направлением отступления уйгуров, разгромленных кыргызами в Северной Монголии, были Ганьсу и Восточный Туркестан. Именно на этом направлении их преследовали кыргызы. Ли Дэюй, который вёл в 842 г. в пограничной крепости Тяньдэ переговоры с кыргызским посольством, сообщает, что, по словам главы посольства, кыргызского «генерала» Табу-хэцзу, кыргызы пришли на «старые уйгурские земли» на р. Хэлочуань, т.е. в верховья Эцзин-гола, и им подчинились Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и дада (татары). Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргызов и татар, случившемся где-то в Ганьсу или Восточном Туркестане и завершившемся признанием татарами кыргызского сюзеренитета, иначе говоря, выплатой дани [Дай Вэныэнь, 1967, с. 148]. В следующем (843) году Табу-хэцзу (в ряде источников он именуется также Чжу'у-хэсу) возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору [Супруненко, 1963, с. 67-69].

В 1915 г. в долине р. Тес (Северо-Западная Монголия) Б.Я. Владимирцов обнаружил на скальную руническую надпись, повторно исследованную и прочтенную нами в 1975 г. Надпись содержала имя, которое после нового просмотра надписи в 1989 г. я читаю как Török Alp Sol (ср. [Кляшторный, 1978, с. 154]). По консультации С.Е. Яхонтова, китайская передача имени кыргызского военачальника Табу-

хэцзу есть несколько небрежная транскрипция тюркского Törük Alp Sol. Судя по содержанию надписи, которая теперь может быть датирована серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений кыргызского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после изгнания уйгуров и овладения севером Монголии. Так совпали до мелочей сведения из отчёта китайского дипломата и из эпитафий кыргызским участникам южного похода. [4] Впрочем, кыргызам не было суждено удержать земли на «уйгурской дороге» в Таримский бассейн, важном участке Великого Шёлкового пути. Еще до 875 г. ганьчжоуские уйгуры восстановили здесь свое господство [Малявкин, 1983, с. 109, 111].

Владение татар в Западном крае, столь далеко от их коренных земель в Восточной Монголии, появилось до падения Уйгурского каганата. Во всяком случае, в колофоне пехлевийского манихейского сочинения «Махр-намаг», переписанного в Турфане между 825-832 гг., среди местных вельмож упомянут и глава татар (tatar ara tekin) [Мюллер, 1913, с. 9]. А много позднее, в конце X в., китайский посол к уйгурскому идикуту, Ван Яньдэ, узнаёт в Турфане о другом китайском чиновнике, побывавшем там, — посольству к уйгурам предшествовало посольство к татарам [Малявкин, 1974, с. 90]. Дипломатическая активность была не частой, но обоюдной. Между 958 и 1084 гг. упомянуты три посольства к различным китайским дворам, совместно отправленные государями ганьжоуских уйгуров и ганьсуйских татар для заключения военного союза против тангутов [Малявкин, 1974, с. 63-86; Малявкин, 1983, с. 75; Пинке, 1968, с. 130]. Важное дополнение к этим известиям содержится в двух китайских манускриптах 965 и 981 гг. из пещерной библиотеки в Дуньхуане. Там прямо сказано, что центр государства татар был в Сучжоу, т.е. на границе Ганьсу и Восточного Туркестана [Гамильтон, 1955, с. 89-90]. Об этих же татарах сообщают хотано-сакские документы IX-X вв. [Бейли, 1939, с. 38; Бейли, 1949, с. 49]. В «Худуд ал-'алам», анонимной персидской географии X в., татары упомянуты как соседи и союзники тогузгузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной тогузгузов и татар» [Минорский, 1937, с. 47]. Весьма важны упоминания «чиновного лица (амга)», который «пришёл от татар», в деловых письмах из Дуньхуана на тюркском и согдийском языках (конец IX-X вв.), недавно интерпретированных Дж. Гамильтоном и Н. Симс-Вильямсом (доклад на Центральноазиатской конференции в Лондоне, 1987 г.).

Наряду со сведениями указанных источников о татарском государстве в Ганьсу — Восточном Туркестане имеется еще свидетельство эпистолярного источника XI в. Письмо тангутского государя Юань-хао, отправленное Сунскому двору в 1039 г., содержит декларацию о новых границах Тангут-

ского государства, весьма мало соответствующую действительной ситуации. Юань-хао хвастливо заявляет о добровольном подчинении ему туфань (тибетцев), тата (татар), чжанье (ганьжоуских уйгур) и цзяохэ (турфанских уйгур), т.е. всех соседних Си Ся владений, расположенных в Ганьсу и Восточном Туркестане или обладавших там какими-либо землями [Кычанов, 1968, с. 134].

В домонгольскую эпоху, во всяком случае в X-XII вв., этноним «татары» был хорошо известен не только в Срединной империи, но также в Средней Азии и Иране. Так, наряду с Караханидскими тюрками, татары достаточно часто упоминаются в стихах известнейших персидских поэтов. Газневидский поэт Абу-н-Наджм Манучихри (XI в.) пишет о красивом юноше с «тюрко-татарским обликом»; для других его современников обычной метафорой было «благоухание тысяч татарских мускусов», а имам Садр ад-дин Харрамабади (XI-XII вв.) в касыде, посвященной султану Искандеру, упоминает некоего «татарина» [Браун, ч. 1, с. 166, 169, 202; Ворожейкина, с. 26].

Итак, в IX-XII вв. на территории Ганьсу и в Восточном Туркестане существовало государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам. Всё же сведения об этом государстве казались южносунскому учёному и чиновнику Ли Синьчуаню (1166-1243) столь необъяснимыми, что вызвали следующее замечание: «Два государства жили на востоке и западе, и обе страны

глядели друг на друга на расстоянии в несколько тысяч ли. Не знаем, по какой причине их объединяют и они получили единое наименование» [Кычанов, 1980, с. 145]. До сих пор эта сентенция Ли Синчуаня оставалась непонятой. [5]

Вряд ли пока возможно столь же определённо локализовать другие татарские государства, упомянутые Рашид ад-дином. [6] Но его информированность о предмонгольской эпохе в истории татар, вопреки сомнениям В.В. Бартольда [Бартольд, с. 559], ныне очевидна. [7] Недаром компетентный источник XI в. называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Мах-

муд Кашгарский, с. 159], — точно так же южнорусские и казахстанские степи именовались тогда мусульманскими авторами «Дашт-и Кипчак» («Кыпчакская степь»). Название «Татарская степь» хорошо согласуется с другими сведениями о расселении татар в IX-X в. и объясняет, почему столетие спустя монголы, занявшие то же пространство, в тюркской и мусульманской среде, как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси, и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли. [8]

Кыргызско-татарская война 842 г., участником которой был герой енисейской рунической надписи Кюлюг Йиге, стала отражением новой ситуации в Центральной Азии, определявшейся в IX-X вв. взаимоотношениями кыргызов, татар и киданей, прежних аутсайдеров, занявших тогда политическую авансцену.

Комментарии

[1] Я вполне разделяю выводы Е.И. Кычанова о раннегосударственном характере объединений кочевых племён Центральной Азии в средние века («улусы татаро-монголов XII в.», «чжурчжэни XI в.» — см. [Кычанов, 1986, с. 97; Кычанов, 1990, с. 10-24]).

[2] Об обстоятельствах находки и местоположения стелы см. теперь [Васильев, 1963, с. 33-34]. См. также [Вайнштейн, 1963, с. 41-45; Щербак, 1961, с. 238-241; Щербак, 1964, с. 145-149].

[3] Относительно этнической принадлежности татар, упомянутых в орхонских надписях, П. Пеллио замечает: «Допустимо, что они уже тогда были монголоязычны: впрочем, титулатура и номенклатура татар в XII в. сохраняли следы тюркского влияния» [Пеллио, 1949, с. 232-233]. Вполне оправдан, однако, скепсис некоторых современных исследователей по поводу самой возможности достоверных этнических определений крупных племенных сообществ древней Центральной Азии [Мункуев, 1975, с. 91; Жэлэ, 1979, с. 73].

[4] Сообщения о первом после крушения Уйгурского каганата контакте кыргызов с танским чиновником исследованы Г.П. Супруненко [Супруненко, 1974, с. 243] и А.Г. Малявкиным [Малявкин, 1983, с. 101].

[5] Впервые на цитированное место у Ли Синьчуаня обратил внимание выдающийся китайский учёный Ван Говэй (1877-1927). Его замечания к труду Ли Синьчуаня «Цзянь-янь и-лай чао-цзи» («Различные официальные и неофициальные записи о [событиях] периода [правления] Цзянь-янь (1127)») переведены и изданы Н.Ц. Мункуевым [Мункуев, 1975, с. 51-52].

[6] Возможно, что ключ к поиску иных территорий расселения татар в X-XII вв.

содержится в упоминании Ли Синьчуаня о «границах татар» от Линьхуана (совр. Сира-Мурен) на востоке до границ Си Ся на западе и от Цзинчжоу на юге (близ г. Гуйхуачэн в Суйюани) до киданей на севере [Мункуев, 1975, с. 51]. Если эти указания верны, то все «шесть татарских юртов», упомянутых Рашид ад-дином, занимали большую часть степной и горно-степной зоны Монголии и Северного Китая.

[7] О соотношении труда Рашид ад-дина с прочими источниками, освещающими доингинговский период истории монголов, см. [Амбис, 1970, с. 125-133].

[8] В китайской политической и историографической традиции начиная с сунского времени решительно преобладало наименование монголов татарами. Даже в тех случаях, когда для служащих сунских военных и дипломатических ведомств не было сомнений, как в самом деле надлежит именовать новых соседей империи, тексты редактировались желательным образом и этноним «монгол» заменялся либо на да-да «татарин», либо на мэн-да «монголо-татары». Очень показателен в этом смысле факт, приводимый Ли Синьчуанем: «Когда монголы (мэн-жэнь) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя Великим Монгольским государством (да мэн-гу го). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (мэн-гу)». Позднее последнее название было заменено на мэн-да [Мункуев, 1975, с. 123]. Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчёте сунского посольства 1211-1212 гг., недавно опубликованном Г. Франке, монголов последовательно именуют татарами [Франке, 1981, с. 170 и сл.]. Еще более показателен случай, приводимый автором «Мэн-да бэй-лу». По его словам, Мухали, наместник Чингис-хана в Северном Китае (го-ван Мо-хоу), каждый раз сам называл себя «мы, татары» [Мункуев, 1975, с. 53]. Ван Говэй, комментируя это место, замечает, что здесь просто употреблено то название монголов, которое было принято китайцами. Естественно, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татаринном [Мункуев, 1975, с. 135].

Амбис, 1970. — Hambis L. L'histoire des Mongols avant Gengis-khan d'après les Sources chinoises et mongoles, et la documentation conservée par Rasīdu-d-'Dīn. — CAJ. 1970, vol. XIV.

Бартольд. — Бартольд В.В. Татары. — Сочинения. Т. V. М., 1968.

Бейли, 1939. — Bailey H.W. Turks in Khotahese Texts. — JRAS. 1937, pt I.

Бейли, 1949. — Bailey H.W. A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantso. — AM. NS. Vol. 1. 1949, t. 1.

БК6 — Большая надпись в честь Бильге-кагана (текст по: Малов С.Е.

(145/146)

Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959).

Браун, 1906. — Browne E.C. The Lubabu '1-Albab of Muhammad Awfi, 1961. London — Leiden, 1906.

Васильев, 1983. — Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей бассейна Енисея. Л., 1983.

Вайнштейн, 1963. — Вайнштейн С.И. Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. 10. Кызыл, 1963.

Ворожейкина, 1971. — Ворожейкина З.Н. Диван Манучихри. — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1971.

Гамильтон, 1955. — Hamilton J.R. Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties

d'après les documents chinois. P., 1955.

Жэлэ, 1979. — Geley J.-Ph. L'ethnonyme mongol à l'époque prečinggisqanide (XIIe s.). Etude d'ethnologie politique du nomadisme. — Études Mongoles. Cahier 10. P., 1979.

Кляшторный, 1976. — Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников). — *Türkologica: K семидесятилетию академика А.Н. Кононова*. Л., 1976.

Кляшторный, 1978. — Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. — *Тюркологический сборник 1975*. М., 1978.

Кляшторный, 1987. — Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата. — *СТ*. 1987, № 1.

КТБ. — Большая надпись в честь Кюль-тегина (Текст по: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951).

Кызласов, 1987. — Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее). — *СТ*. 1987, № 1.

Кычанов, 1968. — Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

Кычанов, 1980. — Кычанов Е.И. Монголы в VI — первой половине VII в. — *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск, 1980.

Кычанов, 1986. — Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. — *Восточная Азия и соседние территории в средние века: История и культура народов Азии*. Новосибирск, 1986.

Кычанов, 1990. — Кычанов Е.И. О ранней государственности у киданей. — *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск, 1990.

Малявкин, 1974. — Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск, 1974.

Малявкин, 1983. — Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983.

Махмуд Кашгарский. — Mahmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects. Edited and Translated by R. Dankoff and J. Kelly. Pt I. 1982 (Harvard University Sources of Oriental Languages and Literatures, 7) .

Мункуев, 1975. — Мзн-да бэй-лу. Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Н.Ц.Мункуева. М., 1975 (Памятники письменности Востока. XXVI).

Минорский, 1937. — Minorsky V. Hudud al-'Ālam 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. L., 1937.

(146/147)

Мюллер, 1913. — Müller F.W.K. Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahnâmag). B., 1913.

Пеллио, 1929. — Pelliot P. L'édition collective des œuvres de Wang Kuo-wei. — TP. 1929, vol. 26.

Пеллио, 1949. — Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P., 1949 (Œuvres posthumes de Paul Pelliot, II).

Пинке, 1968. — Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit. Wiesbaden, 1968.

Рамстедт, 1973. — Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — JSFOu. 1913, vol. XXX, № 3.

РД. — Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.-Л., 1952.

Супруненко, 1963. — Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами. — *Изв. АН Кирг.ССР. Сер. обществ. наук*. Т. I. Вып. 1. 1963.

-
- Супруненко, 1974. — Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. — История и культура Китая. М., 1974.
- Франке, 1981. — Franke H. A Sung mbassy of 1211-1212: the Shih-Chin-lu of Ch'eng Cho. — BEFEO. 1981, t. LXIX.
- Цай Вэньшэнь, 1967. — Tsai Wen-shen. Li Tê-yü 'nün mektuplarına göre uygurlar (840-900). Taipei, 1967.
- Щербак, 1961. — Щербак А.М. Новая руническая надпись на камне. — УЗТНИИЯЛИ. Вып. IX. 1961.
- Щербак, 1964. — Ščerbak A. L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva) — UAJ. 1964, vol. 35.

V. Общественное устройство, культура и верования древнетюркских народов.

Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах. — 149

Памятники письменности тюркских племён Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье. — 158

Религия и верования. — 166

[1] Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах.

Атрибуция социальной природы древнетюркских государств, обладавших одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные государственные образования. Общеизвестная скудость источников побуждает многих исследователей руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем результатами анализа немногочисленных и не всегда ясных свидетельств.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. Отсчёт древнетюркских памятников начинается со стелы, получившей название Бугутской. Полтысячелетия воздвигались на поминальных курганах высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с руническими надписями, где апология усопших вождей соседствовала с царским хро-

(149/150)

ником и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но ещё сохранившей архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма Кутадгу билиг («Благодатное знание»). Её автор, государственный деятель и политический теоретик, хасхаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с социальными реалиями, запечатлёнными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нём, полностью лишённая индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, её поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Всё, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушение на основные разграничения почитаются абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского Средневековья столь же полно отражает образ мышления Караханидской аристократии. И ни один из памятников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в её поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей:

*О беки! Нам любо усердьё элика.
Да будет и Ваше раденье велико,
Усердием беков усилится власть,
От лености их ей назначено пасть!
Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь победу — наград не жалеи!
Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчись за добычей».* [10]

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и таласскими эпитафиями на Тянь-Шане. «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!» — повествует эпитафия Бег-чора, одного из таласских князей 30-х гг. VIII в. Структура древнетюркской общины веками складывалась и приспособлялась к це-

(150/151)

лям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (тюрк кара камаг бодун), состоявший из племён (бод) и родов (огуш), был политически организован в эль — имперскую структуру. Родоплеменная организация (бодун) и военно-административная организация (эль) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк. 4). Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри

своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племён и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покорённых, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т.е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!» — требует Бильге-каган, КТм 2), тюркские каганы и их приближённые выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуются: куркапыны, т.е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12). В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения — беги и народ (тюрк беглер бодун) «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских памятников середины VIII в.: атлыг, «именитые», и игиль кара бодун, «простой народ».

В памятниках отчётливо проявляется двухступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган-беги-народ».

Фиксируемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывает отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ 19). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохранённом Махмудом Кашгарским (МК 1, 466):

*Опора земли — гора,
Опора народа — бег!*

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии — завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е 10, стк. 7).

(151/152)

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление отколёвываться и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях Тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану (КТм 10-11, КТб 6-7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ»,

«провинившийся» перед каганом (Тон 1-4), но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа (КТб 6-7, 22-24). Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе позиции, столь отчётливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомлённого иноземного историографа о возвышении и гибели тюркешского кагана Сулу (Сулука):

«В начале (своего правления. — С.К.) Сулу хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу свою он отдавал подчинённым, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он стал скарредным, почему награбленные добычи начал малопомалу удерживать без раздела. Тогда и подчинённые начали отдаляться от него... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его».

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освящённым традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоёванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побеждённых и покоренных племён. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (правил в 553-572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (БК II 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрёл», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днём и не спали ночью» (КТм 9-10, КТб 26-27, БК 33, 38,

(152/153)

БК Ха 10, БК Хб 11-12). Бильге Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бы бездельником, что за горе у него [народа] было!» (Тон 57).

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемое путём внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани. Своё социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам общего наименования эр, «муж-воин».

«Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определённого возраста и получивший эр аты, «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином эр обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюль-тегин (КТб 30, 31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги её героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространённом варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) Ырк битиг («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (алп эр оглы) пошёл в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным, со славой [мужа], достойного зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча X). Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (огул) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута»: сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идёт не об отсутствии имени вообще — мальчика звали Басам, а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов: вместе с беками «пришёл мой дед Коркут; дал юноше имя: ты зовёшь своего сына Басамом [теперь] пусть его имя будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!»

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего «мужем-воином», т.е. полноправным членом тюркской общины.

(153/154)

Вместе с тем Тюркский эль, как и любое из племён, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени.

Строгая иерархия родов и племён была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его «мужского имени» и неотделимый, а часто и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись из Ихе Хушоту, где рассказана судьба сразу трёх поколений Кули-чоров, наследственных вождей и «бегов народа» тардушей. Именно титул указывал место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родовую тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счёте поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1).

(1) С вами, мой эль, мои жёны, мои сыновья, мой народ — о, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Моё имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (эб керегу) и постройки (барк), но прежде всего собственности на скот проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определённой. Имущественная дифференциация внутри тюркских племён, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк. 5). Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч своих коней (Е 3, стк. 5), т.е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием — «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» (ЫБ, X VII).

Богатым (бай, байбар, йылсыг) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (чыгай, йок чыгай). Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи» — «жалкий, ничтожный, низкий народ» (ябыз яблак бодун) (КТБ 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием

(154/155)

добывал своё богатство: «В мои пятнадцать лет я пошёл [походом] на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вар.: жён)!» (Е 11, стк. 9). Как бы перекликаясь с древними текстами, впечатляющий образ добычливого «мужа-воина» рисует Юсуф Баласагунский:

*У хваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилие зерна не скудеет,
Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времён! [11]*

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, на строительстве которых работали сотни людей и для украшения которых приглашали иноземных мастеров, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином, в полном вооружении, лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из множества тюркских курганов VI-IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далёкого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конём, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом агы, «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был погребён 30-35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпругенный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «эр стал на колени перед бегом» (Махмуд Кашгарский, 1982, т. 2, с. 21). Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь — люди, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них кулсыг эр «эр, подобный рабу» (Махмуд Кашгарский, 1982, т. 3, с. 128).

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сохранить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил поговорку-двустиие, бытовавшее в древнетюркской среде (Махмуд

Кашгарский, 1982, т. 1, с. 362):

(155/156)

*У кого приумножается имущество, тому и подобает быть бегом.
Оставшись без богатства, бег страдает из-за отсутствия эров.*

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезговавший подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, — полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический разбор терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Монголии и Енисея несвободный мужчина (кул) и несвободная женщина (кюн), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти термины употреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических памятников. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезёнными с мест их обитания, вырванными из их племенной (этнической) среды, лишёнными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей ещё остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племён, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства, которое является разновидностью патриархального рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьёй, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жён своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и

несколько утрированно обрисовал незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых Чингисидов Иоанн де Плано Карпини:

«Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи,

(156/157)

также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры».

Сведения Иоанна де Плано Карпини подтверждают и дополняют Вильгельм де Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивом одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины». Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в не меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всём этом женский труд играл основную роль. Поэтому и в многожёнстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата, и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительной рабочей силой своё семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин действительно диктовалось прежде всего соображениями безопасности. Концентрация рабов, т.е. недавних воинов враждебных племён, в аилах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — всё это было невозможно из-за простого самосохранения. Концентрация невольниц, часть которых становились жёнами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно Ясе Чингисхана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин».

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные «городки», труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто.

Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное хозяйство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и её боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников или, в ещё большей степени, невольниц. Захват полона был одной из главных целей тех войн, которые вели тюрки.

(157/158)

Как очевидно из изложенного, сложившееся в степной зоне Центральной Азии общество обладало высоким потенциалом горизонтальной социальной мобильности, принимавшей зачастую форму инвазии и сопровождавшейся по мере осуществления сегментацией первоначальных социальных ячеек. Основными факторами горизонтальной мобильности были в этих условиях крайняя неустойчивость экстенсивной скотоводческой экономики и её чрезмерная специализация, лишавшие кочевое общество возможности полного самообеспечения. Следует, конечно, оговорить экологическую обусловленность такого рода специализации.

Определяя формы вертикальной социальной мобильности, описываемое общество следует с некоторыми оговорками отнести к социологически открытым, чему, казалось бы, противоречит его строго иерархизованный характер. Однако роль богатства и личной воинской доблести создавали часто реализуемые предпосылки к продвижению или деградации, с последующей дифференциацией, не нарушавшей цельности системы. Лишь на самой высшей ступени власти изменение статуса неизбежно сопровождалось насильственной сменой всей правящей родоплеменной группировки и, строго говоря, одновременным изменением всего состава привилегированного сословия.

Вместе с тем допустимые формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера. Они воспринимались обыденным сознанием, но не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по всей вероятности, следует связать с общей незрелостью социально-политической структуры или, точнее говоря, с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества.

[10] Перевод С.Н. Иванова.

[11] Перевод С.Н. Иванова.

[2] Памятники письменности тюркских племён Центральной Азии и Сибири в раннем Средневековье.

В VI-VII вв. тюркоязычные племена Центральной и Средней Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западнотюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Очевидно, необходимость в письме возникла из нужд административной и дипломатической практики, из нужд фиксации государственных актов и государственной традиции; определённую роль могли играть и религиозные мотивы.

Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки) при исчислении «количества требуемых людей, лошадей, податей и скота». Вместе с тем тюркские послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь ко двору Юстина II тюркский посол, согдиец Маниах, привёз послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менандр, «скифскими письменами».

(158/159)

О том, что это были за письмена, можно судить по древнейшему сохранившемуся памятнику Тюркского каганата — Бугутской надписи из Центральной Монголии (рис. 8). Стела с надписью была водружена на кургане с захоронением праха одного из первых тюркских каганов Таспара (правил в 572-581 гг.), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; на другой стороне стелы имелась также короткая надпись на санскрите письмом брахми, почти полностью уничтоженная эрозией. Основной согдийский текст, к сожалению сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар-кагана. Из обращений к читателю видно, что согдийский текст был понятен в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов: они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чём прямо сообщают иноземные источники; они строили осёдлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежавшими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно; главным образом через согдийцев турки познакомились с достижениями древних цивилизаций Средней и Передней Азии.

Рис. 23. Памятник Кюль-тегину. VIII в. Кошо-Цайдам. Монголия. Фото автора

(159/160)

Есть все основания полагать, что наряду с использованием согдийского языка турки использовали согдийский алфавит для фиксации собственной речи. В те же годы, когда была воздвигнута Бугутская стела, в переводе на тюркский язык было впервые письменно зафиксировано буддийское сочинение («Нирвана-сутра») — с целью пропаганды буддизма среди турков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного туркам согдийского. Позднее этот алфавит, после некоторых модификаций, получил название уйгурского, так как уйгуры пользовались им особенно широко в IX-XV вв. Но для письма на камне (так называемого «монументального письма») курсивный согдийский алфавит использовали редко.

В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее первой половины VII в., на основе согдийского письма, дополненного несколькими знаками, сходными с древнетюркскими тамгами (родовыми символами), в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло из 38 не сливавшихся между собой на письме знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве или камне (процарапыванием и резьбой). Новая письменность очень точно передавала фонетические особенности тюркского языка; так, большая часть согласных знаков имела два варианта

написания: в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся, мягким или твёрдым. В отличие от согдийского, это письмо позволяло ясно различать между собой знаки (в согдийском многие знаки писались сходно) и было значительно проще в употреблении и заучивании.

Древнетюркское письмо было открыто в долине Енисея в 20-е гг. XVIII в. немецким учёным Д. Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и И. Страленбергом, сопровождавшим его пленным шведским офицером. Они назвали письмо руническим — по его сходству со скандинавским руническим письмом. Название, хотя и не совсем точное, оказалось удобным и закрепилось в науке. В 1889 г. русский учёный Н.М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине р. Орхон, огромные каменные стелы с надписями руническим письмом. Дешифровали и прочли найденные тексты датский учёный В. Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В.В. Радлов, давший первое чтение надписей. По месту находки основных памятников письмо стали называть «орхон-енисейским», а по другим признакам (язык и характер письма) его продолжают именовать древнетюркским руническим письмом.

Рис. 24. Памятник Бельге-кагану. VIII в. Кошо-Цайдам. Монголия. Фото автора

Самыми крупными памятниками рунического письма из всех найденных остаются памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Все они были воздвигнуты в эпоху Второго Тюркского каганата (689-744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745-840 гг.). Наиболее известны памятники в честь Бильге-кагана и его брата, полководца Кюль-тегина, воздвигнутые в 732-735 гг., и памятник советнику первых каганов Второго Тюркского каганата, Тоньюкуку, созданный вскоре после 716 г., ещё при жизни Тоньюкука (памятник написан от его имени). Все крупные памятники

орхонской группы довольно однообразны по форме. Они содержат рассказ о жизни и подвигах их героев, излагаемый на фоне общей

(160/161)

истории Тюркского государства и сопровождаемый различного рода политическими декларациями. Надписи содержат очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племён и народностей, их языка и литературных приёмов.

Более ста пятидесяти памятников с руническими надписями обнаружено в долине Енисея, на территории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнетюркской знати, воздвигнутые в VIII-XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребённых кыргызских беков; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны памятники тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые надписи найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены, где жило древнетюркское племя курыкан. Несколько десятков мелких надписей на скалах и отдельных камнях и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге найдены в Восточном Туркестане, где рунический алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX-XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии, после военного поражения от кыргызов (840 г.), токуз-огузскими племенами (главным из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана следует выделить две группы рунических памятников — ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.)

(161/162)

и семиреченскую (на территории Киргизии и Казахстана). Сюда относятся девять надписей на надгробных камнях-валунах и наскальные надписи в ущелье Терексай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Тараз, мелкие надписи или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (случайно обнаружена при горных работах в долине р. Талас), а также рунические надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, мелкая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ Алма-Аты). В 1998-2000 гг. в Кочкорской долине Центрального Тянь-Шаня было открыто десять рунических надписей (Klyashtorny, 2002).

Все эти памятники созданы в Западнотюркском каганате и Карлукском государстве (VII-IX вв.); надписи на бронзовых зеркалах принадлежат кимакам. Наиболее загадочна надпись на деревянной палочке. Тип письма на ней очень отличается от орхоно-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных в небольшом количестве на древней территории Хазарского государства — в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом так называемых «печенежских» надписей на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на все попытки, всё ещё остается не расшифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Быть может, таласская палочка указывает на древние связи между хазарами и

Западнотюркским каганатом.

Вряд ли древнетюркское руническое письмо употреблялось где-либо после XI-XII вв. В Центральной и Средней Азии его потеснили сначала уйгурский курсив, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских племён, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых больших рунических текста — надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (рис. 23, 24). Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как написано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившей традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря.

Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают. Вводные строки памятников посвящены давним временам:

«Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. Над сынами человеческими воссели мои пращуры... Четыре угла света все были им врагами. Выступая в поход с войском, народы четырёх углов света они все покорили... Они правили... устанавливая порядок среди кёков и тюрков, не имевших до того господина. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их приказные были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их правители и народ были единокорны. Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством... После них стали каганами их младшие братья, а потом стали каганами их сыно-

(162/163)

вья. Так как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то если сели на царство, надо думать, неразумные каганы, и их приказные были также неразумны, были трусливы. Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их

(163/164)

козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюркский народ привёл в расстройство своё до того времени существовавшее государство и навлёк гибель на царствовавшего кагана».

Так повествует Бильге-каган о создании и упадке, подъёме и крушении Первого Тюркского каганата, время возникновения которого (середина VI в.) казалось в 731 г., когда писался текст надписи, легендарно далёким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме повествования не проступала столь отчётливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далёкие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены далее

события, связанные с созданием Второго Тюркского каганата, рассказано о подвигах Бильге-кагана и Кюль-тегина.

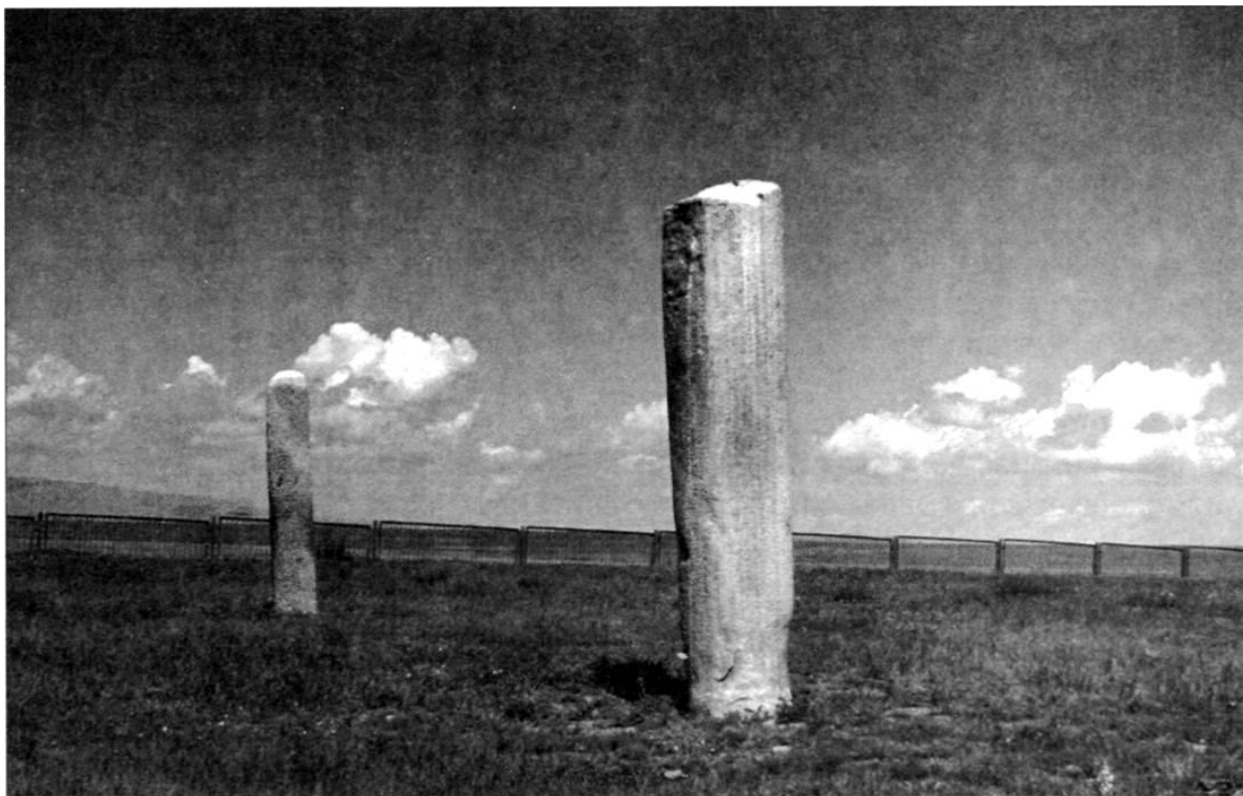

Рис. 25. Памятник Тоньюкуку. VIII в. Налайха. Монголия. Фото автора

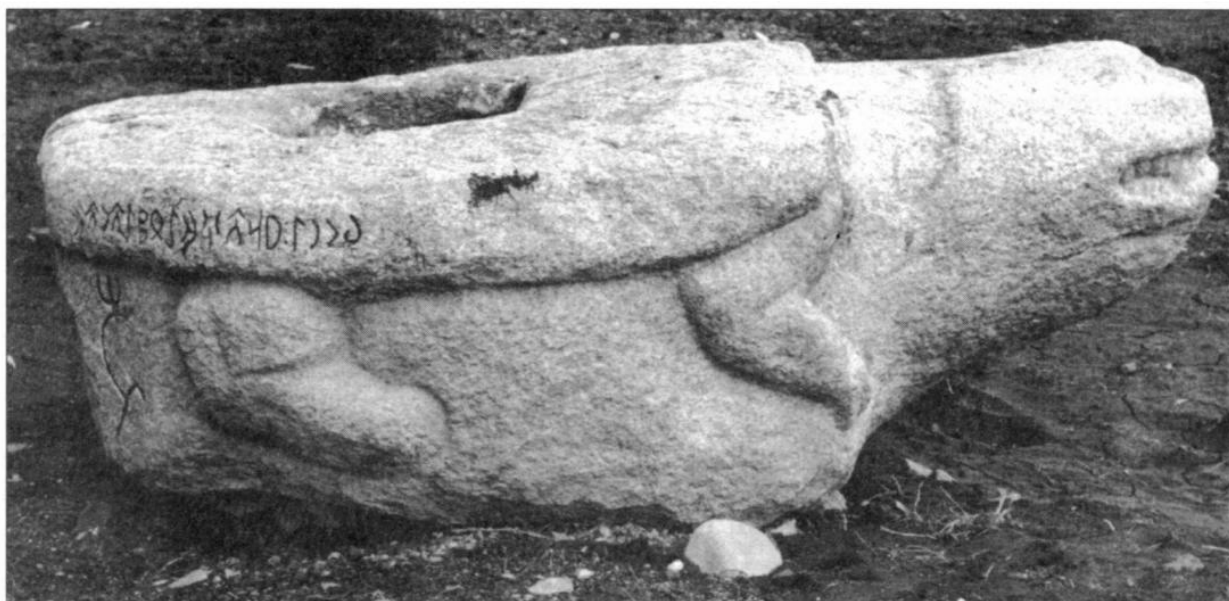

Рис. 26. Каменная черепаха — постамент Терхинской стелы. VIII в. Долина Терхингола. Монголия. Фото автора

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному:

«Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечально!»

В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата; в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам — и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие тюркского народа есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племён:

«Их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, изготовленные из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их чёрных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!»

В памятниках подчеркивается, что всё написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу. Для того, чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, «неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, речь кагана запечатлена на «вечном камне»:

«О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, беги и народ... созидали своё государство, как вы, погрешая, делились, я всё здесь вырезал на вечном камне. Смотри на него, знайте вы, теперешние беги и народ!»

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приёмов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, «начертав-

(164/165)

шим на вечном камне» «слово и речь» своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VII-X вв. единым и стандартным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах, — огузы, уйгуры, кыргызы, кимаки и другие. Общий

письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских памятниках. Общность языка и литературного канона памятников указывает на тесные культурные связи древнетюркских племён и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-либо народа.

Древнеуйгурская письменность утвердилась, начиная с IX в., в городах Восточного Туркестана. Сами авторы называли язык, на котором они писали, «тюркским». И действительно, язык этих памятников явился прямым наследником языка рунических памятников, лишь незначительно отличаясь от него в грамматическом отношении. Однако, будучи широко использован в религиозных сочинениях, главным образом переводных, в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, её ранние памятники не сохранились, но известно об её употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оазиса. Так, в одном из них рассказывается о манихейских обителях в Таразе, где писались и переводились на тюркский язык сочинения духовного содержания. Известно, что манихейская разновидность древнеуйгурского письма — самая древняя и наиболее близкая к согдийскому прототипу. Вероятно, скриптории манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII-IX вв. Сохранилась переписка (два ярлыка) уйгурских и карлукских князей на древнеуйгурском языке, относящаяся к X в., о событиях в долине р. Или; там упомянуты тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени «правителя государства Бильге-бека», упоминается полученное им послание на согдийском языке, которое он «соизволил понять». Это свидетельствует о продолжающемся бытовании согдийского языка и письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской манихейской среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX-X вв. на керамике, хранящимися в Джамбульском музее; в одной из них упомянут «архиерей Ширфарн», а в другой — «пресвитер Ильтаг». Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущелье Терек-сай. Они относятся к X-XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркских князей, посетивших долину. Надписи свидетельствуют, что даже в эпоху начавшейся исламизации знати в государстве Караханидов она продолжала ещё сохранять согдийскую образованность и «языческие» имена.

(165/166)

Таким образом, в раннем Средневековье на территории тюркских государств в Центральной и Средней Азии бытовало два вида древнетюркской письменности — руническая и курсивная (древнеуйгурская) и продолжала сохраняться появившаяся здесь ранее согдийская письменность. Несомненно, что письмом пользовались прежде всего верхние слои тюркского общества. Однако наличие непрофессиональных надписей, выполненных небрежно и без достаточных знаний орфографической традиции, — как, например, надпись на бронзовом

зеркале из женского погребения в Прииртышье или на пряслице с Талгарского городища, — показывает довольно широкое распространение рунического письма среди тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии.

[3] Религия и верования.

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далёких в пространстве и в культурной традиции, обнаруживают неожиданное схождение в одном сюжете. Речь идёт о верованиях трёх кочевых народов — тюрков Центральной Азии, гуннов Кавказа и дунайских болгар. Рассказывают же нам о них рунические каменные стелы Монголии, греческая эпиграфика Дунайской Мадары и Мовзес Каганкатвацци, албанский историограф.

Памятники Мадары, крупнейшего культового центра праболгар, как бы связывают воедино культуры раннесредневековых кочевников долины Дуная, Северного Кавказа и Центральной Азии. Само святилище, величественный рельеф Мадарского всадника, эпиграфические тексты из Мадары позволяют очертить контуры религиозной идеологии и литургических действий праболгарских племён, чьей далёкой прародиной были степи и горы Центральной Азии.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает имя верховного бога праболгар, которого «хан и полководец Омуртаг» почтил жертвоприношениями (Бешевлиев, 1979, с. 123). Имя бога, ТАНГРА, сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, нашедшей своё самое раннее отражение в орхонских надписях — древнетюркских камнеписных текстах первой половины VIII в. Мифы о богах и божественных силах упомянуты в надписях лишь намёками; чаще всего названо имя божества с указанием на его действия или в связи с определённой ситуацией. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества — Тенгри (тюрк. «Небо»), Умай и Ыдук Йер-Суб («Священная Земля-Вода»). Явное выделение Тенгри и универсализм его функций побуждают некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как особой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгриизм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований. Так, Г. Дёрфер полагает, что почитание Неба как верховного божества было присуще едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности. Но этот факт сам по себе ещё не предопределял единства их мифологии и верований. Поэтому

(166/167)

терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков, указывающего на общие истоки обеих религий, ещё недостаточно для более определённых выводов о степени их близости. Очевидно, лишь системные совпадения обоих пантеонов способны показать глубину их генетических связей и возможности взаимодополняющих интерполяций. А так как праболгарский пантеон, из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарях, остается невыясненным, то его прояснение по иным свидетельствам, относящимся к племенам праболгарского круга в Юго-Восточной Европе, становится предпосылкой реконструкции дохристианской религии

основателей древней Болгарской державы на Дунае.

Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. В них не содержится прямых указаний, классифицирующих пантеон. Однако в сибирско-центральноазиатской мифологии существовала своя органично присущая ей система классификации божеств, в основе которой лежало трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи.

Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и её создание отнесено теперь в глубочайшую древность, в эпоху верхнего палеолита Сибири. Противопоставление в древнетюркском пантеоне Неба (Тенгри) и Земли (Ыдук Йер-Суб) позволяет с относительной уверенностью постулировать существование в религиозной идеологии каганата двух групп божественных сил, соответственно связанных с Верхним и Средним мирами. Доказательством существования в древнетюркской мифологии полной трёхчленной модели Вселенной стало недавнее выявление в рунических текстах Енисея и Восточного Туркестана наиболее важного и яркого персонажа Нижнего мира — его владыки Эрклиг-хана, «разлучающего» людей и посылающего к ним «вестников смерти» (Кляшторный, 1976, с. 261-264).

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо). В отличие от неба — части космоса, оно никогда не именуется кёк («голубое небо», «небо») или калык («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкупе с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего судьбами людей: Тенгри «распределяет сроки [жизни]», но рождениями «сынов человеческих» ведаёт богиня Умай, а их смертью — Эрклиг. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана к богу (богам?) при решении государственных дел. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделён некоторыми человеческими чувствами; выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов.

Другим божеством Верхнего мира была Умай, богиня плодородия и новорожденных, она олицетворяет женское начало. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его

(167/168)

супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была «Священная Земля-Вода». В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских рунических надписях герой эпитафии, ушедший в

Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира, Солнцем и Луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду», т.е. покинутый им Средний мир. По сообщениям иноземных информаторов, божество Земли было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле» (Феофилакт, 1957, с. 161). В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками (VI в.), названа ими «бог Земли». Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племён.

Кроме четырёх главных божеств (Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб и Эрклига) в древнетюркский пантеон входили многочисленные второстепенные божества или божества-помощники. В очень важном для анализа древнетюркского пантеона руническом тексте на бумаге из пещерной библиотеки Дуньхуана, именуемом «Книга гаданий» (Ырк битиг, первая половина X в.), упомянуты среди прочих два божества «второго плана»: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне».

Ещё одно столь же древнее упоминание у тюрков «бога путей» имеется в древнетибетском «Каталоге княжеств», фрагмент которого был обнаружен также в пещерах Дуньхуана. Так, среди соседей Тибета названы «восемь северных земель», в столице которых, крепости Шу-балык, почитают «бога тюрков Йол-тенгри». Тибетская запись (или её источник) надёжно датируется VIII веком. Хотя представления тибетского автора о «северных землях» были весьма смутны, важно отметить, что для иноземного наблюдателя образ Йол-тенгри («бога путей») был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функции обоих йол-тенгри в древнетюркской «Книге гаданий», одно из которых даёт человеку кут, «божественную благодать, душу», а другое восстанавливает и устраивает государство, оба они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства тюрков. Само государство именуется в енисейской рунике «божественный эль». Оба йол-тенгри являются, таким образом, младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср. цитированную Бугутскую надпись), осуществляют обратную связь Среднего мира с Верхним.

Таков был, в его самых главных и известных ныне проявлениях, древнетюркский пантеон. Несмотря на некоторые модификации, проникшие в древнетюркскую мифологию под влиянием меняющихся социально-политических условий, общий для самого широкого круга древнетюркских этнических групп

(168/169)

характер всех основных персонажей этого архаичного центральноазиатского Олимпа не вызывает сомнений. О том свидетельствуют и орхонские стелы, и надписи енисейских кыргызов, и древнеуйгурские рунические и курсивные тексты,

и сведения мусульманских авторов о верованиях кимаков, кыпчаков, гузов, карлуков, и сообщения китайских источников о племенах, живущих к северу от Великой стены. Сколь ни были бы заметны те или иные различия племенных культов, они не нарушали общей структуры пантеона, сложившейся много раньше появления на исторической арене племени тюрк (460 г.). Само название этого пантеона как древнетюркского не может не быть условным, зависимым скорее от лингвистических и историографических факторов, чем от палеоэтнографической действительности. Тем не менее речь идёт о реальной историко-культурной и религиозно-идеологической общности, сложившейся в среде кочевых племён Внутренней Азии, общности, сохранённой ими в ходе многих миграций I тыс. н.э.

Неожиданное и яркое подтверждение сказанного содержит источник, синхронный эпохе рунических памятников, но созданный далеко от Орхона и Енисея, — История агван Мовзеса Каганкатвази (X в.). Значительную часть второй книги этого сочинения составляет включённая в него хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в. А частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исразля, повествующий, между прочим, о пребывании христианской миссии во главе с Исразлем в «стране гуннов» (682 г.), находившейся в предгорной равнине Дагестана (История агван, 1861, с. 193-194, 197-198).

Остаётся не вполне ясной племенная принадлежность гуннов Северного Дагестана. Эта группа родственных племён, весьма значительная численно, укрепилась в степях севернее Дербента ещё в начале VI в., создав жизнестойкое государственное объединение, которое Ананий Ширакаци (VII в.) называет «царством гуннов». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности церкви (миссии Кардоста и Макария) часть гуннов перешла от «жизни в шатрах» к осёдлому и даже городскому быту. Однако значительная масса гуннов, в том числе и их знать, продолжала жить «в лагерях», т.е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х гг. VII в. власти хазар гунны сохранили свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племён или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам. Тюркоязычные этнические группы, населявшие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV-VI в., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племён и надёжно связываются с западной миграцией части союза племен теле (*teper), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V-VII вв. новые племенные союзы «девяи огузов» (токуз-огуз) и «десяи уйгуров» (он-уйгур), игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

(169/170)

Имя князя северокавказских гуннов у Мовзеса Каганкатвази — Алп Илитвер (в буквальном переводе «герой-эльтебер»). Скорее всего, здесь не собственное имя,

а титул. Тот же самый титул носили «цари» волжских болгар. Титул «эльтебер» не был «царским» (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племён и племенных союзов, зачастую сохранявших независимость. Так, среди вождей огузских племен, носивших титул «иркин», лишь самые могущественные, вожди уйгуров, были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племён — таких, как союз болгар-унногундуров при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, как-то рассказавшим о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в., и поныне остаётся житие епископа Исраэля, сохранённое в труде Мовзеса Каганкатваци. Автор жития, участник албанской миссии, не поскупился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений» и «скверных дел» идолопоклонников, погружённых в «языческую грязную религию», чтобы ещё более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего гуннов во главе с Алп Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих «разоблачениях» содержатся ценнейшие реальные детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племён.

Албанский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов — Куара, бога «молний и эфирных огней», и Тенгри-хана, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития именуется на иранский манер Аспендиатом (среднеперс. «созданный святым [духом]»), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени Куар, как уже отметил В. Хеннинг, очевидно среднеперсидское хвар «солнце». Поклонение богу-Солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе, бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспендиата) в тексте жития выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где совершались обряды в честь Тенгри-хана, — капища, т.е. языческие храмы, в которых установлены идола (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяют Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождалась мольбами, обращёнными к образу Тенгри-хана. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исраэля, символом его победы над язычеством.

(170/171)

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонением его

символам и ипостасям — Солнцу (Куар), Луне, «громам небесным», высоким деревьям, «кумирам», — и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских народов Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI-VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах и «пещере предков». Вместе с Небом почитались небесные светила — Солнце и Луна. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках — «неверных», которые словом «Тенгри» называют «большие деревья». Этнографические свидетельства подтверждают и обряд сожжения туш жертвенных животных.

Наряду с Тенгри-ханом, в «царстве гуннов» почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор жития, не чуждый классической образованности, именует «Афродитой». Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами вода и земля, т.е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» Землю. В сущности, речь ведётся о древнетюркском культе «священной Земли-Воды» с его «гимнами Земле», о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными житием, были «некие боги путей», в которых уверенно узнаются йол-тенгри, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании «языческих заблуждений» гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми, что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлениями скорби (плачи и царапание щёк ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю», а также «предавались разврату». Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щёки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер, и после них родители молодых договариваются о браках.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на «высоком месте», состояли из «капищ» (заупокойных храмов), идолов (изваяний) и «скверных кож жертвенных чучел» (вывешенных при храмах шкур жертвенных животных). «Капища» названы «высокими», и о них сказано, что уничтожались они огнём, т.е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись «идолы» гуннов. Все эти элементы погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный «при могиле», «изображения покойного» (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей. Ещё один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племён, заслуживает упоминания — и те, и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывают процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга, происходившие в VII-VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете — покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в социально развитом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел — всё это упомянуто в камнеписных памятниках или сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего гиперболизация культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства. Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических верований и суеверий, установленная между тюрко-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, — эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом ТАНГРА (Тенгри, Тенгри-хана). Поэтому экстраполяция характерных черт древней центральноазиатской религии на религиозную идеологию праболгар так же обоснованна и закономерна, как выявление аналогов в других сферах культуры племён Внутренней Азии и «народа Аспаруха».

Сиглы памятников * Литература, Список сокращений

БК	—	памятник Бильге-кагану
БКб	—	памятник Бильге-кагану (большая надпись)
БКм	—	памятник Бильге-кагану (малая надпись)
Е	—	Енисейские надписи
ИХ	—	памятник из Ихе Хушоту
Кб	—	памятник Кюль-тегину (боковая сторона)
КТ	—	памятник Кюль-тегину
КТб	—	памятник Кюль-тегину (большая надпись)
КТм	—	памятник Кюль-тегину (малая надпись)
КЧ	—	памятник Кули-чору
МК	—	Махмуд Кашгарский
МЧ	—	памятник Моюн-чору
МШУ	—	памятник Могон Шине Усу
Он	—	Онгинская надпись (сторона а)
Тон.	—	памятник Тоньюкуку
Тэс	—	Тэсинская надпись
Терхин	—	Терхинская надпись
Хб	—	памятник Бильге-кагану (боковая сторона)

* В тексте цифра, следующая за сиглом, обозначает соответствующую строку.

(173/174)

Литература ^

- Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М., 1991.
- Аммиан Марцеллин. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1906.
- Аннинский А.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1-9. М., 1963-1977.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб., 1898.
- Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ. 2004. С. 254-269.
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бертельс А.Е. Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.
- Бертельс Е.Э. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Сов. востоковедение. Т. 4. 1947. С. 73-79.
- Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979.
- Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Индия. Т. II. Ташкент: АН Узб. ССР, 1963.
- Бируни Абу Рейхан. Минералогия. Пер., вступит, статья и комментарии А.М. Беленицкого. М., 1963а.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена. Т. 1-3. М.; Л., 1950.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV-V вв. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 80-199.
- Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2.
- Вайнберг Б.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв. // Буддийский культовый центр в Кара-тепе. М., 1972.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Васильев К.В. Планы Сражающихся царств. Исследование и перевод. М., 1968.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I. М., 1995.
Вильгельм де Рубрук. — Путешествия в восточные страны Плано Карпини де Рубрука. М., 1957.
Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
Ворожейкина З.Н. Диван Миничихри // Письменные памятники Востока. М., 1971.
Восточный Туркестан. — Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988.

(174/175)

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV-X вв. Л., 1979.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1-2. Тбилиси, 1984.
Гардизи. Зайн ал-ахбар // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 23-63.
Геродот. — По изданию: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.
Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Уренхайский край. Т. II. Л., 1926.
Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб., 1995.
Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб., 1996.
Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986. С. 71-134.
Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Жегварал Н. Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974.
Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3 (4).
Ибн Рузбихан. — Фазаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. М., 1976.
Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан (фотокопия Мешкедской рукописи). Рукописный отдел ИВ РАН. ФВ-202.
Иванов В.В. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1967. № 3.
Иванов В.В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
Иоанн де Плано Карпини. — Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с армянского К. Патканова. СПб., 1861.
История Сибири с древнейших времён до наших дней: В 5 т. Т. 1-2. Л., 1968.
Йакут. Китаб му'джам ал-булдан // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.; Л., 1937.
Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной

Европы. М., 1964. С. 16-18.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М., 1966. С. 171-178.

Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии //

Тюркологический сборник 1975. М., 1975.

Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера // *Türccologica*: К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.

Кляшторный С.Г. Терхинская надпись // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 81-85.

Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира: Упадок древних обществ / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свеницкой. М., 1982.

Кляшторный С.Г. Тэсинская стела // Советская тюркология. 1983. № 6.

Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Türccologica*: К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1986.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. 1987. № 3.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10. С. 121-146.

(175/176)

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1992.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Святилище Нарийн Хурумта: древние европеиды в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. Вып. 3.

Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.

Ковалёв А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия. Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 150-194.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарские переписки в X веке. Л., 1932.

Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ал-турк» // Советская тюркология. 1972. № 1. С. 3-17.

Кононов А.Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. С. 495-517.

Кочнев Б.Д. Кто был победителем Бука-Будрача: из истории Караханидов // Записки Восточного отделения Российского Археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 171-180.

Кравцова М.Е. Жизнеописание Сына Неба Му: Вопросы и проблемы // Петербургское востоковедение. 1992. Вып. 2.

Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд. М., 2002.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов Н.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб., 2001.

Крюков В.М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца II — начала I тыс. до н.э. // Шестнадцатая

научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1985. С. 8-13.

Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. — VI в. н.э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

Кумеков Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII — начала XII вв. // Изв. НАН Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 1993.

Кызласов И.Л. Земледельческие представления древнехакасской общины // Сов. тюркология. 1987. № 1.

Кычанов Е.И. Очерк истории Тангутского государства. М., 1968.

Кычанов Е.И. Монголы в VI-VIII вв. // Дальний Восток в средние века. Новосибирск, 1980.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии. М.; Л., 1959.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в X-XII вв. Новосибирск, 1974.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии. Т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 227-250.

Марвази. — Табаи ал-хайаван. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.

Мартынов А.С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII-XV вв. М.; Л., 1939.

(176/177)

Махмуд Кашгарский. — Mahmud al-Kasgari Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). Harvard University, 1982. Pt. 1-3.

Миняев С. К проблеме происхождения сюнну // Информ. бюллетень Междунар. Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. 9. М., 1985.

Мункуев Н. Мэн-да-бэй-лу. М., 1975.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1980.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.

Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. с греч. А.А. Чекаловой. М., 1993.

Пуллблэнк Э.Дж. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986. С. 29-70.

-
- Пьянков И.В. Ещё раз к вопросу о динлинах // Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции: Т. I. СПб., 2002. С. 199-202.
- Рамстедт Г.И. Как был найден Селинггннский камень // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Рус. Географ. общества. 1912. Т. 15. Вып. 1.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т. Т. 1. Кн. 1-2. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1960; Т. 3. Л., 1946.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
- Смирнова Г.И., Скарбовенко В.Н. Очерк тридцатилетних работ Средневожской археологической экспедиции Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.
- Смирнова О.И. К имени Алмышы, сына Шилки, царя булгар // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 249-255.
- Сокровенное сказание. — Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. // Пер. С.А. Козина. М.; Л., 1941.
- Старостин П.Н. Памятники именниковской культуры // Свод археологических источников, вып. D-32. М., 1967.
- Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.
- Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1963.
- Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. с кит. Р.В. Вяткина. Т. 7. М., 1996.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968; Вып. 2. М., 1973.
- Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
- Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.
- Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы, 2000.
- Худуд ал-алам. — Hudud al-Alam «Regions of the World». A Persian Geography 372 A.H. 982 A.D. / Ed. V. Minorsky. London, 1937.
- Худяков Ю.С. Древнейшие бронзовые шлемы номадов Центральной Азии // Донская археология. 2001. №3-4.
- Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII в.). Казань, 1997.
- Цай Вэньшэнь. — Tsai Wen-shen. Li Teyu'nun mektuplarina göre uygurlar. Taipei, 1967.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога // Вестник древней истории. 1955. № 1.
- Юсуф Баласагунский. Благодатное знание // Пер. С.Н. Иванова. М., 1983.

(177/178)

Aral R.R. Kutadgu Bilig. Indeks. Istanbul, 1979.

Bailey H.W. A Khotanese text concerning the Turks in Kantsou // Asia Major. 1949. N.S. Vol. 1.

-
- Bailey H.W. North Iranian problems // BSOS. 1979. Vol. 42. Pt. 2.
- Bailey H.W. Taugara // BSOAS. 1937. Vol. VIII. Pt. 4. P. 891-902.
- Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Barfield T.J. The Hsiung-nu imperial confederacy: organization and foreign policy // The Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. N 1.
- Barfield T.J. The Prilons Frontier. Nomadic empires and China, 221 B.C. to 1757. Cambridge, Mass, 1992.
- Beckwith C.J. The Tibetan Empire in Central Asia. Princeton, 1987. Boodberg P.A. Selected Works. Berkley, 1979.
- Brown E.C. The Lubabu '1-albab of Muhammad Awfi. London; Leiden, 1906.
- Bunker E.S. Significant changes in iconographi among ancient China's north-western pastoral neighbours (IV-I B.C.) // Bulletin of the Asia Institute. Bloomfields Hills, 1993. Vol. 6 (1992).
- Bunker E.S. Ancient bronzes of Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997.
- Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. St. Pétersbourg, 1903.
- Clauson G. An etymological dictionary of the pre-Thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
- Czeglédý K. Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren // Acta Orientalia Hungarica. 1961. T. XIII, fasc. 3.
- Dankoff R. Three Turkic verse cycles relating to Inner Warfar // Harward Ukrainian Studies. 1979-1980. Vol. 3-4. Pt. 151-165.
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden, 1963.
- Dumézil G. L'idéologie tripartite des Indo-Europens. Bruxelles, 1958.
- Enoki K. The Yuechi-Scythians identity // International Symposium on history of Eastern and Western cultural contacts. Tokyo, 1959.
- Eberhard W. Das Toba-Reich Nordchinas. Eine soziologische Untersuchung. Leiden, 1949. Franke H. A Sung embassy of 1211-1212 // BEFEO. 1981. T. 69.
- Geley J. L'ethnonyme mongol // Etudes Mongoles. Paris, 1979. Vol. 10.
- Gellner E. Introduction: Approaches to Nomadism // The Desert and the Sown, Berkley. 1973. P. 1-9.
- Golden P. Khazar studies. Budapest, 1980. Vol. 1. Golden P. Nomads of the Western Eurasian Steppes: Oyurs, Onoyurs and Khazars // Philologiae et Historial Turcical Fundamenta. Berlin, 2000. T. I.
- Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. II. Wiesbaden, 1967.
- Grousset R. L'empire des Steppes, Paris, 1939. Haloun G. Zur Uetsi-Frage // ZDMG. 1937. Bd. 91.
- Hamilton J.R. Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955.
- Hamilton J.R. Manuscripts onïgourts du IX-ème-X-ème siècle de Touen-Houand. Textes établis, traduits et commentés. T. 1-2. Paris, 1986.
- Hamilton J.R. Toquz-oguz et onoygur // JA. T. 250. 1962. P. 23-64.
- Haussig H.W. Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia / Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979. P. 53-79.
- Hulsewe A.L. China in Central Asia. Leiden, 1979.
- Janse O. L'empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'Antiquité // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1935. P. 9-26. T. IX.
- Klyashtorny S.G. The royal clan the Turks and problem of early Turkic-Iranian

contacts // *Acta Orientalia Hungarica*. 1994. T. 47. Pt. 3.
Klyashtorny S.G. Das Reich der Tataren in der Zeit vor Cinggis Khan // *Central Asiatic Journal*. 1992. Vol. 36. N 1-2.

(178/179)

- Klyashtorny S.G., Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut revised // *AOH*. 1972. T. 26. Pt. 1.
- Klyashtorny S.G. Inscriptions on the Silk Road: Runic Inscriptions of Tian-Shang // *Silk Road Art and Archaeology*. T. 8. Kamakura, 2002. P. 197-206.
- Klyashtorny S.G. The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*. 1982. T. XXXVI. P. 335-368.
- Klyashtorny S.G. The Tes inscription Uighur Bögü Qaghan // *Acta Orientalia Hungarica*. 1985. T. XXXIX. P. 137-156.
- Kurat A.N. Abu Muhammad Ahmed bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-Futuh'u // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi*, c. VII. 1949. N 2. S. 258 (арабский текст).
- Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow Slawianszczyzny. T. I. Wrocław, Kraków, 1956. S. 76-77, 133-134.
- Ligeti L. Le Tabgatch, un dialecte de la langue Sien-pi // *Bibliotheca Orientalis Hungarica*. T. XIV. Budapest, 1970. P. 265-308.
- Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue). Wiesbaden. 1958.
- Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1861. T. 1.
- Marquart J. Skizzen zur geschichtliche Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien // *Ostasiatidche Zeitschrift*. 1920. Bd. 8.
- Malher R.B. Biography of Lü Kuang. Los Angeles, 1959.
- Miller K. Mappae Arabical. Bd. I. Stuttgart, 1926. Hf. 2.
- Nupolskich V.зV. Die Vorslaven in unteren Kamagebiet in der Mitte des I. Jahrtausend U. Z. Permische Sprachmaterial // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 18-19. Hamburg, 1996.
- Pelliot P. L'édition collective des œuvres de Wang Kou-wei // *TP*. 1929. Vol. 26.
- Pelliot P. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
- Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1995.
- Provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Ed. T. Moriyash and A. Ochir. Osaka, 1999.
- Psarras S.K. Han and Xiongnu. A reexamination of cultural and relation // *Monumenta Séria*. 2003. Vol. 51. P. 55-236.
- Pulleyblank E.G. Chinese and Indo-Europeans // *JRAS*. 1966.
- Pulleyblank E.G. The Wusun and Saka and the Yueh-chi migration // *BSOS*. 1970. Vol. 33.
- Pulleyblank E.G. "The High Carts": a Turkish speaking people before the Turks // *Asia Minor*. 3rd ser. 1990. T. 3. P. 21-26.
- Pulleyblank E.G. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. Cambridge, 1992.
- Pulleyblank E.G. The Hsiung-nu // *History of the Turkic peoples in the Pre-Islamic Period*. Berlin, 2000. P. 52-75.
- Ögel B. Dogu göktürkleri hakkında vesinalar ve notlar. Ankara, 1957. №81.
- Ramstedt G. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // *JSFOu*. 1913-1918. Vol. XXX. N3.

Rona-Tas A. Where was Khuvrat's Bulgaria? // *Acta Orientalia Hungarica*. 2000. T. 53. fasc. 1-2. P. 1 - 22.

Roux J.-P. Faune et flore sacrées dans les sociétés altaïques. Paris, 1966.

Sims-Williams N., Hamilton J. Documents turco-sogdiens du IX-X siècles de Touen-houang. London, 1990.

Takacs Z. de. On the Hsiung-uu figures at the tomb of Ню Chu-ping // *Monumenta Serica*. T. 3. Peiping, 1938.

Togan A.Z.V. Ibn Fadlan's Reisebericht // *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. Leipzig, 1939. Bd. XXIV. S. 296-298 (арабский текст).

(179/180)

Список сокращений ^

BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française de Extrême-Orient

BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London

JA — Journal Asiatique. Paris

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. London

JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsingforce

ZDMG — Zeitschrift der Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Wiesbaden